

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Февраль 2022 Том 21 № 1

Специальная тема номера:
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 21 No 1 FEBRUARY 2022

Special Theme of the Issue:
FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 21.02.2022. Выход в свет 28.02.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, St. Catharines, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Амстердам, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Сент-Катаринс, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

FAR EASTERN CROSS-BORDER OF RUSSIA

- Zhanna Petrunina, and Galina Shusharina** The Activities of Foreign Entrepreneurs in the Amur Region as Reflected in the Regional Press of the 1860s 8
- Ildar Hamzin** The Russian Commercial Fleet in the Treaty Ports of China in the Second Half of the 19th Century 19
- Petr Dashkovskiy, and Elena Shershneva** Acculturation Policies Targeting Siberia's Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries 34
- Mikhail Khodjakov, and Sun Yizhi** The Provisional Government and "Chinese Question" in Russia in 1917 45
- Vladimir Datsyshen** The Chinese population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s 57
- Alexander Isaev** Features of Political and Ideological Work among the Population of the Far East of the USSR in the 1930s 72
- Nikolai Baikalov** At the BAM We Had Everything! Consumption Good Supplies for Workers of the All-Union Komsomol Construction Project 83

HISTORY OF MEDICINE

- Vera Bondareva, and Natalia Eilbart** The Sanitary Service of the 431st Tikhvin Infantry Regiment during World War I 95
- Olga Morozova, and Tatiana Troshina** The State of Military Medicine during the Russian Civil War 109

ARTICLES

- Evgeniya Komleva** The Port-Franco of Odessa of the North: Alexander Den'gin's Development Project of the Mouth of the Pechora River in the 1820s to 1840s 120

BOOK REVIEWS

- Elena Godovova, and Sergey Lyubichankovskiy** Review of *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska (1748–1917 gg.)* by R.R. Aminov. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 348 p. 130
- Marina Shpakovskaya** Review of *Rossiya na poroge informatsionnykh voyn. Politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere SMI v nachale XX veka* by E.G. Kostrikova. St. Petersburg: Petroglif Publ., 2020. 352 p. 134

- RETRACTION** 138

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ

- Жанна Петрунина, Галина Шушарина** Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг. 8
- Ильдар Хамзин** Торговый флот России в «открытых» портах Китая во второй половине XIX в. 19
- Петр Дашковский, Елена Шершнева** Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. 34
- Михаил Ходяков, Сунь Ичжи.** Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г. 45
- Владимир Дацышен** Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. 57
- Александр Исаев** Особенности политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. 72
- Николай Байкалов** На БАМе было все! Торговое обслуживание участников всесоюзной комсомольской стройки..... 83

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

- Вера Бондарева, Наталья Эйльбарт** Санитарная служба 431-го Тихвинского пехотного полка в годы Первой мировой войны 95
- Ольга Морозова, Татьяна Трошина** Состояние военной медицины в годы Гражданской войны 109

СТАТЬИ

- Евгения Комлева** Порто-франко Северной Одессы: проект А.И. Деньгина 1820–1840-х гг. по освоению устья реки Печоры 120

РЕЦЕНЗИИ

- Елена Годовова, Сергей Любичанковский** Рецензия на книгу: *Аминов Р.Р.* Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с. 130
- Марина Шпаковская** Рецензия на книгу: *Кострикова Е.Г.* Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с. 134

- РЕТРАКЦИЯ** 138

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-8-18>

Научная статья / Research article

Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг.

Жанна Валерьяновна Петрунина , Галина Алексеевна Шушарина

Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия

 Petrunina71@bk.ru

Аннотация: В статье реконструируется отражение экономической жизни Приамурья первой половины 1860-х гг. в газетах «Амур» и «Восточное Поморье». Основное внимание уделяется освещению данными изданиями деятельности иностранных предпринимателей в регионе. Анализируются публицистические приемы журналистов, их трактовки правовых и культурных основ ведения торгово-экономической деятельности иностранцами в Приамурье. Рассматриваются особенности и перспективы межкультурной коммуникации в регионе. Затронуты отношение изданий к присоединению Приамурья к России, понимание факторов, сдерживавших привлечение иностранных предпринимателей в регион. Анализируется процесс восприятия на страницах изданий повседневной жизни на российской дальневосточной окраине, выявляется критический взгляд авторов ряда статей на характер экономической деятельности в регионе с участием иностранного капитала. Делается вывод о положительной роли региональных газет в деле информирования, в том числе представителей делового мира, об экономических преимуществах дальневосточного региона. Представляется, что данный опыт заслуживает не только изучения, но и осмысления с точки зрения потенциала информационного ресурса в интересах экономического развития отдельных российских территорий в реалиях текущего столетия.

Ключевые слова: периодическая печать, иностранный капитал, Российская империя, история предпринимательства, экономическая история

Для цитирования: Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-8-18>

The Activities of Foreign Entrepreneurs in the Amur Region as Reflected in the Regional Press of the 1860s

Zhanna V. Petrunina , Galina A. Shusharina

Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

 Petrunina71@bk.ru

Abstract: The article studies how the economic life of the Amur region in the first half of the 1860s is reflected in contributions to the newspapers “Amur” and “Vostochnoe Pomorie,” with a focus on the newspaper coverage of foreign entrepreneurs’ activities in the region. The authors analyze how the journalists tried to attract foreign capital to Russia, and how they interpreted the legal and cultural conditions that foreign traders encountered in the Amur region. Equally taken into consideration are the features and prospects of intercultural communication in the region, the respective publications’ attitudes towards the Russian annexation of the Amur region, and their perceptions of the factors that stood

in the way of the comprehensive development of the region and of the attraction of foreign entrepreneurs. The article analyzes the image that the newspaper authors drew of life in the Russian Far Eastern peripheries; in particular, a number of articles were very critical in their discussion of how to remove obstacles to attracting foreigners to the region. At the same time this contribution argues that by their description of the nature and living conditions in the Amur region, the regional newspapers also contributed to the inflow of domestic and foreign investments into the Far Eastern region. It seems that this experience can be useful for the economic development of remote Russian territories also today, after a necessary adjustment.

Keywords: periodicals, foreign capital, Russian empire, history of entrepreneurship, economic history

For citation: Petrunina, Zhanna V., and Shusharina, Galina A. "The Activities of Foreign Entrepreneurs in the Amur Region as Reflected in the Regional Press of the 1860s." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-8-18>

Введение

В последнее десятилетие российское государство уделяет большое внимание развитию Дальнего Востока. Однако проблемами освоения отдаленных территорий в России стали заниматься свыше полутора веков назад. Власти разрабатывали программы, способные привлечь население на дальневосточную окраину страны, а средства массовой информации пытались донести их содержание до местных и иностранных жителей.

Во второй половине XIX столетия территории Приамурья вошли в состав Российской империи. Одновременно были актуализированы вопросы экономического, социального и демографического развития этой части империи. Уже в те годы было понятно, что одним из ключевых факторов, сдерживавших развитие российского Приамурья, была его слабая заселенность. Идея о необходимости увеличения населения на Амуре «охочими пахотными людьми» и торговцами рассматривалась в высших правительственных кругах России еще с конца XVII в.¹ Выдвигая эту стратегическую задачу, власти понимали, что ее решение силами лишь российских подданных крайне затруднительно. Вот почему они задумывались о формах и масштабах экономического присутствия иностранцев.

Тема деятельности иностранных предпринимателей на российском Дальнем Востоке в период с XVIII по начало XXI в. получила определенное освещение в отечественной и зарубежной историографии. В центре внимания ученых оказались причины появления зарубежного капитала на Дальнем Востоке России, результаты присутствия иностранцев в разных секторах дальневосточной экономики, наиболее заметные изменения, которые произошли в регионе под влиянием их деятельности². Получила свое освещение и история становления дальневосточной печати³.

¹ Емельянов Н. Китайская и русская колонизация // *Русский вестник*. Т. 268. Август. 1900. С. 561–570.

² Аленко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в.–1917 г.). Хабаровск, 2001; Дацьишен В.Г. Уссурийские купцы. Судьба китайцев в дореволюционной России // *Родина*. 1995. № 7. С. 54–57; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009; Синиченко В.В. Иностранный капитал в обрабатывающей промышленности и сфере услуг на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2012. № 2–1. С. 235–243; Позняк З.Т. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004; Babey A. *Americans in Russia 1776–1917*. New York, 1938; *Laser-son M.M. The American Impact on Russia 1784–1917 Diplomatic and Ideological*. New York, 1962.

³ Грабельников А.А., Минаева О.Д. История русской периодической печати (1703–2003). М., 2004; Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997; Лисовский Н.М. Русская периодическая печать 1703–1900 гг. Петроград, 1915; Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861–1917 гг.). Владивосток, 1983.

Однако заявленная в статье проблема до сих пор так и не стала предметом специального исследования.

В данной работе предполагается провести анализ содержания публикаций газет «Амур» и «Восточное Поморье», определить характер той миссии, которую ставили перед своими изданиями редакторы, и, прежде всего, те методы, которые использовали их сотрудники для привлечения иностранного капитала в регион.

Газеты «Амур» и «Восточное Поморье» в жизни Приамурья

Серия российско-китайских соглашений середины XIX в. завершилась вхождением земель Приамурья в состав Российской империи. Укрепление положения государства требовало от правительства разработки программ, направленных на заселение и развитие новых территорий. Необходимо было найти такие стратегии, которые способствовали бы закреплению населения в Приамурье по доброй воле, а не по принуждению.

Российское общество имело слабое представление о Приамурье. Незначительная осведомленность была связана как с неполной информацией, так и с отсутствием внимания общественности к жизни этих территорий. Привлечь интерес населения к пока еще только осваиваемому Приамурью было возможно с помощью периодических изданий, размещавших на своих страницах материалы о тех событиях, которые происходили в регионе. Большую роль в освещении происходившего сыграли региональные газеты, благодаря которым многие факты становились достоянием центральных изданий России.

Среди таких изданий следует отметить первую частную газету «Амур», которая с 1860 по 1862 г. выходила в Иркутске еженедельно объемом в шестнадцать полос малого формата. Газета распространялась по подписке, которую можно было оформить в конторе редакции при библиотеке одного из сотрудников издания М.П. Шестунова, а также на почте в Санкт-Петербурге и Москве. Официальным издателем газеты был титулярный советник, писатель, журналист и общественный деятель М.В. Загоскин. В состав редакции входили представители интеллигенции – ссыльный революционер-утопист М.В. Буташевич-Петрашевский, талантливый публицист и петрашевец Ф.Н. Львов, купец и журналист М.П. Шестунов, П.А. Горбунов, получивший образование в семье декабриста С.П. Трубецкого, литератор, забайкальский краевед и ботаник, нерчинский купец М.А. Зензинов, историк и исследователь Амура А.С. Сгибнев⁴. На страницах газеты рассматривались наиболее важные проблемы развития Восточной Сибири и недавно вошедших в состав Российской империи земель в бассейне реки Амур, а также взаимодействие этих территорий с Китаем, Японией, Америкой, Индией и Океанией.

Другим изданием, которое всесторонне освещало жизнь Приамурья, стала газета «Восточное Поморье», которая с июня 1865 г. на протяжении полутора лет выходила в Николаевске. В создании «Восточного Поморья» принял активное участие военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич, усилиями которого в Николаевск-на-Амуре были доставлены печатные станки и шрифты. В 1865 г. газета выходила еженедельно и печаталась на шести страницах. С 1866 г. периодичность выходов издания сократилась до двух раз в месяц, а количество страниц уменьшилось до четырех. Подписка на газету принималась в Николаевске-на-Амуре, Иркутске, Кронштадте и Санкт-Петербурге.

В редколлегию издания входили преимущественно флотские офицеры и гидрографы – В.М. Бабкин, А.А. Болтин, М.А. Клыков, Н.А. Чупров, Д. Афанасьев.

⁴ Амур, газета // Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/amur_gazeta#new-simple-table-of-contents-2 (дата обращения: 02.08.2021).

Главным редактором был русский офицер, участник Крымской войны Ф.К. Якимов, который с 1857 г. являлся преподавателем истории и географии, заведующим библиотекой в Морском училище Николаевска⁵. Наряду с публикацией военных директив и распоряжений командиров портов, гидрографических и метеорологических данных в газете была рубрика «Настоящее состояние Николаевска и Амура», в которой размещались материалы о наиболее интересных событиях, происходивших в жизни Приамурья. Именно эти материалы могли способствовать формированию положительного образа региона в общественном мнении страны.

Создание и деятельность газет «Амур» и «Восточное Поморье» произошло почти одновременно с присоединением Приамурья к России. Оба издания за короткий период своей работы не только зафиксировали события, разворачивавшиеся на Дальнем Востоке, но и внесли заметный вклад в отражение картины жизни в отдаленных от центра России территориях, что нередко привлекало внимание подданных империи.

Газеты «Амур» и «Восточное Поморье» издавались на русском языке и имели региональный статус. Несмотря на это они имели широкую читательскую аудиторию и за пределами Приамурья. Характерными особенностями публикаций явились их объективное освещение реальной ситуации, точность в передаче деталей и наличие предложений по развитию торгово-промышленной деятельности в Приамурском крае для иностранных предпринимателей. Всестороннее отражение жизни Приамурья на страницах периодических изданий отвечало интересам людей, не боявшихся покорять бескрайние дальневосточные просторы и обладавших особыми организаторскими качествами.

В середине XIX в. отечественные предприниматели не сразу проявили интерес к развитию дальневосточной окраины, что заставляло власти страны создавать условия для привлечения иностранцев в Приамурье. Отмечая сложности освоения и развития Приамурья в первой половине 1860-х гг., газеты «Амур» и «Восточное Поморье» освещали историю иностранного присутствия в регионе. Издания много писали об иностранных путешественниках, которые в разные годы посетили приамурские земли. Однако оптимальным вариантом развития Приамурья сотрудникам газет представлялось создание условий для ведения торгово-экономической деятельности всем желающим, независимо от национальной и государственной принадлежности.

Газеты о перспективах развития иностранного предпринимательства в Приамурье

Весть о присоединении Приамурья к России в середине XIX столетия быстро распространилась в мировом сообществе. Газета «Амур» писала, что в «зарубежных славянских землях» Европы это событие было воспринято как мировое «торжество не только русское, но и всеславянское»⁶. После заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров территории российского Приамурья стали активно вовлекаться в торгово-экономическое взаимодействие со странами Тихоокеанского региона. Газеты начали обсуждать перспективы развития региона, механизмы привлечения «всяких иностранцев» в Приамурье для «придания блага России»⁷.

⁵ Тракало Ю. Строки сквозь века // Портал военных проектов [сайт]. 04.06.2020. URL: <https://milportal.ru/stroki-skvoz-veka/> (дата обращения: 02.08.2021).

⁶ Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 372.

⁷ Там же.

В 1850–1860-х гг. на Дальнем Востоке появились крупные населенные пункты (Николаевск⁸, Владивосток, Благовещенск, Хабаровск), которые постепенно превращались в центры экономической и культурной жизни этой части страны. С установлением постоянного сообщения по Амуру российские власти связывали планы развития торговли России со странами, выходящими к берегам Тихого океана. С другой стороны, иностранные предприниматели пытались начать коммерческую деятельность на Амуре, что вело к увеличению числа иностранцев как в Приамурье, так и на российском Дальнем Востоке в целом. Этнический состав дальневосточных городов второй половины XIX в. отличался своей национальной пестротой. Наряду с российским населением в них проживали представители Китая и Кореи. В этом не было ничего удивительного, поскольку на протяжении почти двух с половиной веков соседствующие народы активно взаимодействовали друг с другом и имели давние традиции ведения совместной хозяйственной деятельности. Новым явлением стало увеличение в Приамурье представителей европейских государств и американцев, которые имели собственные интересы в этом регионе.

В 1860-х гг. внешний облик дальневосточных городов стал преобразовываться: открывались магазины, пекарни, лечебные заведения, мелкие промышленные предприятия. Начали свою деятельность торговые компании. Изменения затронули и социальную сферу. В дальневосточных городах появилось большое количество купцов, в том числе и иностранных. По данным газеты «Восточное Поморье», к концу 1864 г. в Николаевске из 3131 жителей на постоянной основе в городе проживали 59 иностранцев (53 мужчины и 6 женщин)⁹.

Положение иностранных купцов в регионе определялось на законодательном уровне. В 1856 г. им была разрешена беспошлинная торговля в портах Приамурского края и острова Сахалин, в 1859 г. – во всех городах и портах Приамурья, а с 1860 г. это положение распространялось на порты, присоединенные к Российской империи по Пекинскому договору. Кроме того, в июне 1860 г. Александром II был принят закон «О правах пребывающих в России иностранцев», который уравнивал в правах иностранных и российских торговцев и открывал широкие возможности для ведения экономической деятельности на Дальнем Востоке империи.

Несмотря на существовавшие сложности и благодаря экономической политике российских властей, присутствие иностранного капитала на Дальнем Востоке России в первой половине 1860-х гг. стало заметным. На страницах газеты «Амур» получили отражение все важные официальные решения о правилах ведения экономической деятельности в Приамурском крае. Предполагалось, что декларируемые принципы могли быть интересны представителям купечества. Так, уже в нескольких первых номерах издания были опубликованы два важных сообщения – распоряжение Сибирского комитета «О торговле иностранными товарами и плавании иностранных судов на Амуре» от 19 января 1859 г.¹⁰ и извещение о планах правительства уравнивать права иностранных и отечественных купцов в ходе ведения торговли¹¹. Отсутствие конкуренции и правительственные льготы делали торговлю на Амуре прибыльным делом. В результате информирования населения о мерах, принимаемых правительством, торговая жизнь в Приамурье начала оживать. По сведениям газеты «Амур», лишь в 1859 г. в Николаевский порт прибыло 15 судов, из которых 5 были русскими, а 8 – иностранными. Из Николаевска за границу был отправлен товар на сумму 19 тыс. 777 руб. 30 коп. (экспортировались преимуще-

⁸ Город Николаевск-на-Амуре до 1926 г. носил название Николаевск.

⁹ Настоящее состояние Николаевска и р. Амура // Восточное Поморье. 1865. 11 сентября. С. 86.

¹⁰ Местное обозрение // Амур. 1860. 19 января. С. 37.

¹¹ Известия из России // Амур. 1860. 3 февраля. С. 66.

ственно шерсть и масло). Кроме того, вверх по Амуру были отправлены шкурки соболя на сумму 56 тыс. руб. и различных мануфактурных товаров более чем на 26 тыс. руб.¹² В 1865 г. газета «Восточное Поморье» свидетельствовала, что только в начале навигации (в мае и июне) из Николаевска по морю за рубеж и вверх по реке Амур ходили 15 судов как под российским, так и под иностранными флагами¹³. Они перевозили разнообразный товар и осуществляли пассажирские перевозки.

Решению экономических вопросов для прибывавших иностранцев могло помочь изучение образа жизни населения Приамурья. Газета «Амур» одной из первых стала писать о том, что иностранные предприниматели вынуждены были действовать на свой страх и риск, поскольку не имели сведений о составе жителей этих малозаселенных земель и не могли определить, какой товар будет востребован. Существенной проблемой для прибывавших в регион иностранцев оказалось и незнание ими культурных и национальных особенностей народов, проживавших в Приамурье, имевших собственные традиции ведения торговых операций¹⁴. Дальневосточные газеты брали на себя информационную функцию. Появлявшиеся статьи об особенностях жизни и ведения торговли в ближайших азиатских государствах – Китае¹⁵ и Японии¹⁶, а также об укладе жизни народов, заселяющих территории Нижнего Амура и прибрежной полосы Татарского пролива¹⁷, носили обзорный характер. Вместе с тем подобные публикации впоследствии стали использоваться и в образовательных целях, став историческим источником по изучению стран Азии в открывшемся в 1899 г. во Владивостоке Восточном институте.

Следует отметить, что взаимодействие между народами постепенно проникало в повседневную жизнь. На укрепление межкультурного диалога оказывали влияние преимущественно экономические или социальные факторы. Любая, даже небольшая по объему информация, способствующая позитивному восприятию тех или иных народов, находила место на страницах газеты «Амур». В одной из заметок издания в рубрике «Корреспонденция» была описана сложная ситуация с продовольствием, сложившаяся к весне 1860 г. в Приамурском крае. К этому времени в российских дальневосточных городах запас продовольствия практически закончился. В Благовещенске дефицитом стали чай, вино, сахар, масло, крупы, папиросы. Торговые лавки Благовещенска и других городов опустели. Силами российских торговцев разрешить ситуацию не представлялось возможным, поскольку движение пароходов, которые могли бы доставить товары, должно было начаться только в апреле. Продовольственную проблему местные жители частично решили с помощью маньчжуров, которые фактически спасли российских подданных от голода, доставляя им сахарный песок, леденцы и пшеничную муку¹⁸.

Обострение экономической и социальной ситуации в Приамурье было обусловлено разными причинами, включая и слабый уровень развития предпринимательства. В основном торговля хлебом и товарами первой необходимости была сосредоточена в руках чиновников либо тех купцов, которые находились под их покровительством. Для многих деловых людей того времени получить разрешение на торговлю было проблематично и стоило достаточно дорого, что явилось серьезным препятствием для развития собственного дела. В отличие от центральных газет этот

¹² Из Забайкалья // Амур. 1860. 17 мая. С. 257.

¹³ Движение судов в Николаевске // Восточное Поморье. 1865. 5 июня. С. 6.

¹⁴ Сведения о ходе торговли в Шанхае // Амур. 1860. 23 февраля. С. 109.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Местное обозрение // Амур. 1860. 14 июня. С. 310–312; Несколько сведений о южных гаванях // Восточное Поморье. 1865. 4 декабря. С. 159–160.

¹⁷ Население Императорской Гавани // Восточное Поморье. 1865. 26 июня. С. 23–24.

¹⁸ Корреспонденция // Амур. 1860. 24 мая. С. 270.

острый вопрос стал активно обсуждаться на страницах газеты «Амур», где, в частности, отмечалось, что складывавшаяся бюрократическая система становилась тормозом развития приамурской экономики, обращалось внимание на то, что во время неурожая практически прекращалась торговля хлебом в крае, не говоря уже об его экспорте в Китай и другие страны¹⁹.

Подобные проблемы были подняты и газетой «Восточное Поморье». Газета немало писала о морских портах как центрах международной торговли. Крупным портом, имевшим выход к Амуру и Охотскому морю, был Николаевск. В 1860-х гг. Николаевский порт активно отстраивался, становясь центром морской и речной торговли. При этом, по данным «Восточного Поморья», к началу 1860-х гг. почти вся амурская торговля в районе Николаевска находилась в руках иностранцев²⁰. Схожая ситуация была характерна и для других значимых для региона портов. Так, из российского Посъета, который до настоящего времени остается самым южным дальневосточным портом России, в середине 1860-х гг. азиатские торговцы осуществляли поставки морской капусты и трепанга в китайские города Хуньчунь, Чэфу (Яньтай), Шанхай и в японский Ниигата. В период навигации 1864 г. в этой торговле не было задействовано ни одного российского судна, в то время перевозкой товара занимались 14 иностранных судов²¹.

В начале 1860-х гг. российские купцы не проявили особого интереса к безлюдным и отдаленным от европейской части России территориям. В то время отечественные предприниматели сомневались в перспективности развития своего дела в Приамурье. К суровым природно-климатическим условиям, неразвитости транспортной инфраструктуры и низкому потребительскому спросу добавлялся чиновничий произвол на местах. Газета «Восточное Поморье» с сожалением писала о небезосновательных опасениях русских купцов развивать торговлю в дальневосточных портах, указывая и на возможные негативные последствия для региона от экономического доминирования иностранцев. Необходимо подчеркнуть, что обсуждение этих вопросов на страницах периодических изданий середины XIX в. могли себе позволить лишь издания, занимавшие независимую позицию и стремившиеся к глубокому анализу существовавших проблем. Отсутствие инициативы со стороны российских купцов приводило к тому, что все важные торговые места российского Приамурья в первой половине 1860-х гг. находились под контролем зарубежных предпринимателей²². Несмотря на значительные объемы продаваемых ими товаров, польза для России от такой торговли «была ничтожная». Незаинтересованные во всестороннем развитии территорий Приамурья в долгосрочной перспективе, иностранные купцы были настроены на получение быстрых и легких денег. В перечне предлагаемых ими товаров доминировал спирт или крепкие напитки, доходы от продажи которых не планировалось вкладывать в развитие Приамурья. Газета «Восточное Поморье» подняла один из важных вопросов, актуальных и в наши дни, связанный с поиском привлекательных условий для развития именно российского предпринимательства в регионе.

Справедливым будет отметить, что случаи организации иностранцами мелких предприятий, которые способствовали развитию промышленного сектора экономики Приамурья, положительно оценивались изданиями. Так, «Восточное Поморье» с восторгом писало об открытии механической мастерской, в работе которой активное участие приняли американские специалисты Барр, Вуд и Элиот²³.

¹⁹ Хлебная торговля в Сибири и законы об ней // Амур. 1860. 7 июня. С. 305.

²⁰ Наши домашние интересы // Восточное Поморье. 1865. 31 июля. С. 53.

²¹ Кое-что о гавани Посъета // Восточное Поморье. 1866. 15 августа. С. 70.

²² Наши домашние интересы // Восточное Поморье. 1866. 1 января. С. 4.

²³ Открытие новой механической мастерской // Восточное Поморье. 1865. 11 сентября. С. 89.

Среди иностранных купцов, занимавшихся торговлей в Николаевске, в газетах был отмечен немец Фридрих Людорф, который имел в городе собственное пароходство, а в 1856 г. основал торговую лавку в Николаевске с большим выбором товаров «по весьма сходным ценам»²⁴. Предприимчивость этого человека была замечена и в 1862 г., когда он был назначен немецким консулом во Владивостоке. Газеты не размещали на своих страницах биографические данные Фридриха Людорфа, однако «Восточное Поморье» отмечало, что большая часть пароходов, перевозивших вверх по Амуру колониальные товары, принадлежала именно ему²⁵.

Существенный вклад в развитие хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке внесли немцы Г. Кунст и Г. Альберс, основавшие в 1864 г. небольшой магазин во Владивостоке, который вскоре превратился в крупнейшую торговую фирму «Кунст и Альберс». Торговый дом отличался большим разнообразием товаров, что привлекало внимание покупателей из разных частей региона. Фирма «Кунст и Альберс» первой построила во Владивостоке электростанцию и бассейн, пожертвовала деньги на строительство лютеранской кирхи Святого Павла, субсидировала многие проекты по развитию города. Немецкие предприниматели планировали расширить свое присутствие в регионе и за счет торговли сырьем, которым были богаты приамурские земли. Так, газета «Восточное Поморье» не пропустила факт переговоров Кунста со служащими порта Николаевск о покупке им 700 т угля²⁶.

Региональные газеты старались не пропускать даже мелких деталей в жизни дальневосточных городов. Большое внимание газета «Восточное Поморье» уделяла китайским предпринимателям Хабаровки (будущего Хабаровска), которая была основана в 1858 г. и названа в честь Е.П. Хабарова, названного на страницах издания «известным авантюристом ... XVII в.»²⁷. В 1865 г. в Хабаровке постоянно проживало 20 иностранных торговцев, которые представляли три китайских семьи. Ежегодно в августе количество иностранцев увеличивалось за счет прибывавших на джонках китайских торговцев из ближайшего местечка Сян-Син²⁸.

Однако наибольшую известность в Приамурье к середине 1860-х гг. приобрел Юхасин – один из самых богатых и влиятельных айгунских купцов, который от Благовещенска до Николаевска контролировал торговлю китайцев с русскими. Юхасин видел, что в Приамурье ведут торговлю представители разных государств. Взаимодействие с иностранцами заставило китайского купца овладеть русским языком и изучить европейские обычаи²⁹. Опыт Юхасина, по мнению «Восточного Поморья», мог быть полезен для иностранных купцов, только собиравшихся заниматься торговлей на Амуре.

Газеты Приамурья старались как можно больше писать о разных важных событиях, происходивших в регионе, стремясь создать его привлекательный образ у местного населения и иностранцев. Анализ публикаций позволяет судить, что в начале 1860-х гг. китайские и японские купцы занимались в Приамурье преимущественно мелкой торговлей, в то время как европейские и американские предприниматели старались закрепиться, основывая свое дело.

Постепенно Приамурье стало рассматриваться и в качестве перспективной территории для реализации крупных международных проектов. В феврале 1865 г. Российско-Американская компания запланировала начать строительство телеграфной линии из Николаевска в Северную Америку, чтобы привлечь в устье Амура

²⁴ Объявление // Восточное Поморье. 1865. 25 сентября. С. 102.

²⁵ Движение судов в Николаевске // Восточное Поморье. 1865. 5 июня. С. 6.

²⁶ Сведения о разработке каменного угля в Посьете // Восточное Поморье. 1866. 15 июня. С. 54.

²⁷ Настоящее состояние Николаевска и р. Амура // Восточное Поморье. 1865. 9 октября. С. 111.

²⁸ Там же.

²⁹ Наши домашние интересы // Восточное Поморье. 1866. 15 сентября. С. 82.

предприимчивых людей и улучшить условия для их торговой деятельности. Это была часть грандиозного проекта, результатом которого должна была стать телеграфная линия, которая через Сибирь соединила бы Америку и Европу. Один из участков предполагалось провести под Беринговым проливом и далее по России. Газета «Восточное Поморье» рассказывала об открывавшихся перспективах для России в случае участия в этом проекте и справедливо отмечала, что телеграфное сообщение спустя три-четыре года придаст «новую эпоху и новую жизнь» Николаевску, послужит толчком к развитию торговли и социальной жизни в регионе³⁰. На страницах газеты была дана краткая характеристика соглашения, заключенного с представителем «Американской компании западных соединенных телеграфов» (будущая The Western Union Company) Хирамом Сибли (в газете – Гирам Сиблей). Документ состоял из 21 параграфа, в которых в том числе прописывалось, что на время строительства и в последующие три года американским предпринимателям можно беспопытно ввозить из-за границы через порты Тихого океана все необходимые материалы и инструменты, а также продукты питания, одежду для работников, обслуживающих телеграф в России³¹. Рассмотрение статей соглашения на страницах газеты свидетельствовало о декларируемой открытости российской политики и предоставлении широких возможностей иностранным предпринимателям на Дальнем Востоке. Проект не получил развития, поскольку телеграфную линию между Европой и Америкой несколькими годами ранее начали прокладывать через Атлантический океан. Сложившиеся обстоятельства негативно сказались на экономическом состоянии Приамурского края. В июле 1865 г. газета «Восточное Поморье» сообщила об упразднении всех торговых факторий Российско-Американской торговой компании в Сибири и о закрытии ее торговой точки в Николаевске. Эти новости для территорий в низовьях Амура были крайне неблагоприятными, поскольку идея строительства крупных промышленных предприятий (например, по производству льда) в этой части Приамурья, по мнению сотрудников газеты, откладывалась на неопределенный срок. Попытки развить торговлю промышленными товарами, производимыми именно в Приамурье, оказались неудачными, а сама торговля, сосредоточенная теперь в руках иностранцев и «мелких барышников», ограничивалась лишь «допотопными товарами» и крепкими напитками³². И даже проводившиеся изыскания, предпринятые представителями американской компании, не могли существенно изменить ситуацию. Реализация крупных международных проектов переносилась на будущее.

Представители Азии (преимущественно Китая и Японии), Европы (Франции, Великобритании, германских земель) и США оказались на Дальнем Востоке в силу различных обстоятельств и преследовали разные цели. Однако газеты «Амур» и «Восточное Поморье» сосредотачивались главным образом на освещении положительного влияния иностранного присутствия, полагая, что «практический взгляд» и путевые заметки иностранцев позволят сделать жизнь в регионе привлекательнее³³.

Включаясь в рассмотрение проблем привлечения иностранного капитала в Приамурье, дальневосточная печать взяла на себя многие функции: информационную, коммуникативную, формирования общественного мнения. Публикации газет «Амур» и «Восточное Поморье» первой половины 1860-х гг. стали частью общегосударственного дела, направленного на привлечение иностранного капитала в При-

³⁰ Разрешение телеграфа в Америку // Восточное Поморье. 1865. 5 июня. С. 6.

³¹ Там же.

³² Закрытие торговли Российско-Американской К^о в Николаевске // Восточное Поморье. 1865. 24 июля. С. 47.

³³ Наши домашние интересы // Восточное Поморье. 1866. 15 сентября. С. 81.

амурье и на развитие Дальнего Востока России в целом. Воодушевленные планами развития Приамурья, сотрудники газет почти не размещали материалы о тяжелом климате, антисанитарии, отсутствии инфраструктуры, о росте преступности и т.д. Эта информация имела негативную окраску и могла остановить представителей иностранных государств, рассматривавших возможности ведения торговли в регионе. В публикуемых материалах удалось соблюсти баланс между активизацией иностранной торгово-экономической деятельности в Приамурье и гарантией безопасности дальневосточных границ страны.

Вместе с тем, в отличие от многих официальных изданий середины XIX в., «Амур» и «Восточное Поморье», выпускавшиеся вдали от центра страны, позволяли себе и публикации почти независимые от цензурных установок того времени. Подобные обстоятельства давали возможность печатать авторские суждения о перспективах развития Приамурья. Критический тон некоторых статей мог вызывать негативное отношение к изданиям со стороны официальных лиц. Терявшие поддержку со стороны властей газеты стали испытывать финансовые затруднения, что привело к увольнению сотрудников и сокращению числа подписчиков³⁴. Несмотря на широкую популярность среди населения дальневосточной окраины, газеты были вынуждены закрыться.

Выводы

Региональная периодическая печать непосредственно содействовала в формировании положительного образа Приамурья, став одним из источников информации для иностранцев, заинтересованных в ведении торгово-экономической деятельности на Дальнем Востоке. Газеты «Амур» и «Восточное Поморье» следили за новостями менявшегося Приамурья, получая сведения от людей, находившихся на местах и непосредственно занятых предпринимательской деятельностью.

В отличие от многих публикаций того времени, материалы газет «Амур» и «Восточное Поморье» включали многочисленные детали и нюансы жизни Приамурья. Это позволяло предлагать «живой» и ценный для использования материал, определяя наиболее острые и проблемные вопросы в развитии региона.

Увеличение числа иностранцев в Приамурье в начале 1860-х гг. отвечало интересам как российского правительства, так и представителей деловых кругов разных стран. Дальневосточные окраины России постепенно заселялись и интегрировались в торгово-экономическое пространство Тихоокеанского региона. Проводимая российскими властями политика в отношении Приамурья, разработанная система законодательных мер, регулирующих предпринимательскую деятельность, увеличили приток иностранного капитала в Приамурье. Зарубежные предприниматели получали большую прибыль от вложения своих средств в разные отрасли экономики Приамурских земель. Как справедливо в свое время писала газета «Восточное Поморье», «иностранцы идут туда, где находят сбыт своим произведениям», и ничего не сможет «удержать их, если они найдут выгоду»³⁵.

К последней трети XIX в. Дальний Восток постепенно превратился в крупный торгово-промышленный регион, на благо которого трудились зарубежные предприниматели, в их числе китайский купец Н.И. Тифонтай, финн О.В. Линдгольм, немец О.К. Тимм, француз Эмиль Нино и другие.

Успешно реализуемые коммерческие инициативы иностранцев изменили отношение к Дальнему Востоку и представителей отечественного капитала. К 1870-м гг.

³⁴ Амур, газета // Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/amur_gazeta#new-simple-table-of-contents-2 (дата обращения: 02.08.2021); Тракало Ю. Строки сквозь века // Портал военных проектов. 04.06.2020. URL: <https://milportal.ru/stroki-skvoz-veka/> (дата обращения: 02.08.2021).

³⁵ Настоящее состояние Николаевска и Амура // Восточное Поморье. 1865. 5 июня. С. 4.

на дальневосточной окраине широкую известность приобрели российские предприниматели П.И. Кузнецов, Д. Есипов, купцы А.Ф. Плюснин и В.Ф. Плюснин, М.И. Чардымов, С.Я. Богданов, С.И. Хлебников, И.П. Пьянков, И.П. Емельянов, И.Я. Чурин, И.Р. Рафалов. Однако уже тогда было понятно, что в одиночку России будет трудно освоить малонаселенную и большую по площади территорию.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.08.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.11.2021

References

- Alepko, A.V. *Zarubezhnyi kapital i predprinimatel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XVIII v. – 1917 g.)*. Khabarovsk: Rossiiskaia Akademiia Nauk. Dal'nevostochnoe otdelenie Publ., 2001 (in Russian).
- Babey, A. *Americans in Russia 1776–1917*. New York: The Comet Press, 1938.
- Datsyshen, V.G. “Ussuriiskie kuptsy. Sud'ba kitaitsev v dorevoliutsionnoi Rossii.” *Rodina*, no 7 (1995): 54–57 (in Russian).
- Emel'yanov, N. “Kitaiskaia i russkaia kolonizatsiia.” *Russkii vestnik* 268 (Avgust 1900): 561–570 (in Russian).
- Gol'dfarb, S.I. *Gazeta «Vostochnoe obozrenie» (1882–1906)*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta Publ., 1997 (in Russian).
- Grabel'nikov, A.A., and Minaeva, O.D. *Istoriia russkoi periodicheskoi pechati (1703–2003): bibliogr. sprav.*: 2 toms. Moscow: RIP-holding Publ., 2004 (in Russian).
- Laserson, M.M. *The American Impact on Russia 1784–1917 Diplomatic and Ideological*. New York: Collier Books, 1962.
- Lisovskii, N.M. *Russkaia periodicheskaia pechat' 1703–1900 gg.* Petrograd: Tip. G.A. Shumahera i B.D. Brukera Press., 1915 (in Russian).
- Poznyak, Z.T. *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.)*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Sinichenko, V.V. “International Capital in Manufacturing and Service Industries in Russian Far East in the Late XIX – the Early XX C.” *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istorii*, no. 2-1 (2012): 235–243 (in Russian).
- Stryuchenko, I.G. *Periodicheskaia pechat' Dal'nego Vostoka i Zabaikal'ia epokhi kapitalizma (1861–1917 gg.)*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983 (in Russian).
- Trakalo, Y.U. “Stroki skvoz' veka.” *Portal voennykh proektov*, Accessed June 4, 2020, <https://milportal.ru/stroki-skvoz-veka/> (in Russian).
- Zalesskaya, O.V. *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)*. Vladivostok: Dal'nauka, 2009 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, профессор кафедры «История и культурология», Комсомольский-на-Амуре государственный университет; 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; Petrunina71@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Zh.V. Petrunina, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of History and Culture Studies, Komsomolsk-na-Amure State University; 27, Prospekt Lenina, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; Petrunina71@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Г.А. Шушарина, канд. филол. наук, доцент, ведущий кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Комсомольский-на-Амуре государственный университет; 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; Galinalmk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

G.A. Shusharina, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State University; 27, Prospekt Lenina, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; Galinalmk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-19-33>

Научная статья / Research article

Торговый флот России в «открытых» портах Китая во второй половине XIX в.

Ильдар Рашидович Хамзин

Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
✉ ildar.hamzin1991@mail.ru

Аннотация: В 1858 г. по результатам подписания русско-китайского Тяньцзиньского договора русские торговые суда получили право посещать морские порты Китая, открытые для иностранной торговли. Полноценное развитие морской русско-китайской торговли произошло позже, когда в начале 1870-х гг. транспортировку грузов между российскими и китайскими портами взяло на себя Русское общество пароходства и торговли. В 1880–1890-е гг. XIX в. эту же функцию стал выполнять Добровольный флот России. Параллельно развивалась морская торговля российского Приморья с Китаем. Несмотря на богатую историографию русско-китайских торговых отношений, вопрос о морских торговых связях России и Китая до сих пор не рассмотрен в должной степени. Статья призвана восполнить названный историографический пробел, посредством комплексного анализа российского судоходства в китайских портах во второй половине XIX в. Специально рассматривается деятельность иностранных пароходных компаний в китайских портах, показаны основные тенденции иностранного судоходства, статистика тоннажа. Анализ статистических данных является важной составляющей исследования, которая позволяет изучить процесс морской русско-китайской торговли, уровень русского судоходства в отдельных китайских портах. Рассмотрено развитие морской русско-китайской торговли по одесскому и дальневосточному направлениям. Дана характеристика деятельности российских пароходных компаний, задействованных в торговле с Китаем. На примере нескольких «открытых» портов (Ханькоу, Шанхая и Чифу) показаны особенности развития российского торгового мореплавания в китайских водах и сопутствующие сложности данного процесса. В выводах обозначены причины низкого развития российского судоходства в Китае, к числу которых относились высокий уровень иностранной конкуренции при количественном недостатке русских пароходов. Автор приходит к выводу о прямой зависимости между уровнем развития инфраструктуры на российском Дальнем Востоке и расширением присутствия торгового флота России в «открытых» портах Китая в конце XIX в.

Ключевые слова: экономическая история, РОПиТ, Добровольный флот, М.Г. Шевелев, предпринимательство, иностранный капитал

Для цитирования: Хамзин И.Р. Торговый флот России в «открытых» портах Китая во второй половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 19–33. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-19-33>

The Russian Commercial Fleet in the Treaty Ports of China in the Second Half of the 19th Century

Ildar R. Hamzin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
✉ ildar.hamzin1991@mail.ru

Abstract: The article offers a comprehensive analysis of the activity of the Russian merchant fleet in China in the second half of the 19th century. This historical issue is particularly relevant in connection with the active development of modern foreign trade in China and the strengthening of Russian-Chinese trade and

© Хамзин И.Р., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

economic ties. The historical research is based on the materials of the central archives of Russian Federation (including the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Historical Archive). The methodology is based on a comparative analysis of Russian shipping in China and similar activities of other foreigners, and a system analysis that allows us to study the issue in the context of the overall development of Russian-Chinese trade. An important component of the article is the statistical analysis of data on the development of maritime Russian-Chinese trade, foreign shipping in China, and freight rates. The article considers the development of the organization of maritime Russian-Chinese trade in Odessa and the Far East directions. On the example of several treaty ports (Hankou, Shanghai, and Chifu), the features of the development of Russian commercial navigation in Chinese waters and the accompanying complexities of this process are shown. As a result, the author comes to the conclusion that there is a direct correlation between the level of infrastructure development in the Russian Far East and the expansion of the presence of the Russian merchant fleet in the treaty ports of China at the end of the 19th century.

Keywords: economic history, ROPiT, Dobrovol'nyi flot, M.G. Shevelev, entrepreneurship, foreign capital

For citation: Hamzin, Ildar R. "The Russian Commercial Fleet in the Treaty Ports of China in the Second Half of the 19th Century." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 19–33. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-19-33>

Введение

В 1858 г. адмирал Е.В. Путятин подписал русско-китайский Тяньцзиньский договор, согласно которому торговые суда России получили право посещать открытые для иностранной торговли порты империи Цин¹. Данный документ создал условия для становления морской русско-китайской торговли, основное развитие которой приходится на период второй половины XIX в. Изучение русского судоходства в Китае в данный временной отрезок позволяет увидеть сугубо торгово-экономическую составляющую данного процесса, в этот период не столь сильно зависимость от политической конъюнктуры (в сравнении с русской политикой в Китае начала XX в.), а также выявить характерные особенности морской русско-китайской торговли, которые окажут значительное влияние на развитие торговых связей России и Китая в дальнейшем.

В отечественной историографии вопрос о морском транзите в торговых отношениях России и Китая рассмотрен весьма скупо. О данной проблеме относительно подробно (в специальных разделах работ) писали дореволюционные авторы², тогда как в советский период исследователи акцентировали внимание на пограничной русско-китайской торговле³. Современные историки стали больше обращаться к проблеме морского транзита, отмечая его слабое развитие во второй половине XIX в.⁴ Вместе с тем специальных исследований по-прежнему мало⁵.

История развития русской торговли в «открытых» портах Китая рассматривалась и в зарубежной научной литературе. В трудах Роберта Гарделла можно увидеть подробную характеристику чайной торговли российских предпринимателей

¹ Русско-китайские отношения. 1689–1916: официальные документы / П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958.

² Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. Санкт-Петербург: типография Северного Телеграфного агентства, 1892. С. 526–539.

³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.

⁴ Христоробова Ю.С. Становление международного рынка чайной торговли в Ханькоу во второй половине XIX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 3. С. 79–90.

⁵ Дацышен В.Г. Одесское направление китайской чайной торговли (XIX – нач. XX вв.) // Китаєзнавчі дослідження. Збірка наукових праць. Київ, 2012. Т. 2. С. 45–55.

в портах Ханькоу и Фучжоу⁶. О наличии морской торговли в русско-китайских отношениях и ее значении упоминал Чарльз Ремер в работе, опубликованной еще в начале XX в.⁷ Среди наиболее современных исследований стоит отметить диссертацию А. Дж. Йодер, в которой приведена подробная характеристика морской чайной торговли между Китаем и Одессой⁸. Однако, изучая систему транзита, авторы практически не затрагивают вопрос присутствия торгового флота России в китайских портах в статистическом или компаративном аспектах. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в работах китайских исследователей, которые больший упор делают на изучении сухопутного направления торговли России и Китая⁹, либо на системе чайной торговли в Ханькоу¹⁰.

Помимо недостатка научной разработанности поднятый в статье вопрос связан и с общеисторической проблемой. В классической теории геополитики Россию традиционно воспринимают как *heartland* – сугубо континентальную державу, не заинтересованную или даже не способную к успешной реализации своей морской политики¹¹. В то же время пример развития морской русско-китайской торговли во второй половине XIX в. показывает явную односторонность такого взгляда и позволяет увидеть вполне успешные и перспективные международные интересы Российской империи, реализуемых на морском пространстве.

Наконец вопрос об альтернативных направлениях в истории русско-китайской торговли сегодня приобретает особую актуальность в связи с современным развитием торгово-экономических отношений России и Китая, прежде всего в рамках так называемой инициативы «Один пояс, один путь»¹².

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены морские торговые отношения России и Китая и поставлена цель показать особенности развития российского торгового мореплавания в китайских водах и сложности русского торгово-транспортного присутствия в «открытых» портах империи Цин во второй половине XIX в.

Исследование проводится на основе материалов центральных архивов России. Так, материалы фонда «Китайский стол» (Ф. 143) Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) позволяют подробно изучить развитие русского судоходства в Ханькоу на основе донесений русских консулов, служивших в китайском порту во второй половине XIX в. На основе документов Российского государственного исторического архива (РГИА) возможно реконструировать процесс торговли Русского общества пароходства и торговли в Ханькоу в период 70-х гг. XIX в. (Ф. 107). Другие материалы этого же архива позволяют на основе уникальной статистики детально изучить развитие русского и прочего иностранного судоходства в Шанхае¹³ и Чифу¹⁴ в конце XIX в.

⁶ Gardella R.P. The boom years of the Fukien tea trade, 1842–1888 // American's China trade in historical perspective: the China and American performance. London, 1989. P. 33–75.

⁷ Remer C.F. The foreign trade of China. Shanghai: The Commercial Press, 1926. P. 40.

⁸ Yoder A.J. Tea time in Romanov Russia: a cultural history, 1616–1917: PhD diss. The University of North Carolina, 2016.

⁹ Wang A. The analysis of personal flow in the trade about Shanxi merchants between Mongolia and Russia in the Qing dynasty: PhD diss. Shanxi University, 2011.

¹⁰ Du H. Tea and Hankow market in the Ch'ing period: PhD diss., Wuhan University, 2000.

¹¹ Классика геополитики. XX век. М., 2003. С. 7–33.

¹² Fan Jz. A legal analysis of the belt and road initiative: towards a new silk road? // China and WTO Review. 2020. Vol. 6. Issue 2. P. 425–431.

¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 20. Оп. 5. Д. 45.

¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 172.

Методология исследования базируется на сравнительно-историческом подходе при сопоставлении уровня российского судоходства в Китае и аналогичной деятельности других иностранцев и системном подходе, позволяющим изучать поднятый вопрос в контексте общего развития русско-китайской торговли. Использование ранее не привлекавшихся источников и системный методологический подход к изучению поставленной проблемы определяют новизну статьи в контексте историографии русско-китайской торговли и позволяют существенно расширить проблематику данного направления исторических исследований.

Иностранное судоходство у китайских берегов

В истории позднецинской эпохи «открытые» порты (т.н. *treaty ports*, т.е. порты, открытые для международной торговли согласно договорам, подписанным Китаем с западными державами) стали главным связующим звеном торгово-экономических отношений Китая с внешним миром¹⁵. Кроме того, они же являлись проводниками иностранного капитала в Китай и важным фактором модернизации империи Цин. В этой связи значимая роль принадлежала каботажному и дальнему пароходному сообщению в китайских водах.

Таблица 1 / Table 1

Общий тоннаж для китайских портов 1864–1897 гг. /
The total tonnage of the Chinese ports for 1864–1897

Флаг / Flag	Год / Year			
	1864	1877	1887	1897
Британия / Great Britain	2 862 214	6 497 382	14 171 810	21 891 043
Германия / Germany	580 570	496 908	1 480 083	1 658 094
США / USA	2 609 390	556 112	66 539	269 780
Франция / France	93 099	163 389	180 890	423 122
Япония / Japan	756	115 263	306 169	660 707
Норвегия / Norway	38 195	19 635	41 162	619 742
Россия / Russia	–	5 058	51 335	145 660
Другие страны / Other countries	396 673	155 330	231 550	264 234
Китай / China	64 588	3 974 544	5 670 123	7 819 980
Всего / Total	6 635 485	11 983 591	22 199 661	33 752 362

Источник / Source: Chong S. *The foreign trade of China*. New York, 1919. P. 295.

Закономерно, что начало пароходству в портах Китая, положили иностранцы. В 1862 г. американский торговый дом Russell & Co основал пароходное предприятие Shanghai Steam Navigation Company. Несколько позже другая американская фирма Butterfield & Swire основала предприятие China Navigation Company для грузоперевозок по р. Янцзы¹⁶. В 1872 г. англичане Jardine, Matheson & Co создают China Coast Steam Navigation Company, а в 1873 г. уже китайские предприниматели учредили China Merchant's Steam Navigation Company¹⁷. Все названные пароходные компании работали исключительно на каботажные перевозки. Дальние пароходные линии между китайскими и европейскими берегами находились в основном

¹⁵ Meyer D.R. *Hong-Kong as a global metropolis*. Cambridge, 2000. P. 65–74.

¹⁶ Liu K. *Anglo-American steamship rivalry in China*. Cambridge, 1962. P. 2–7.

¹⁷ Hao Y. *The commercial revolution in Nineteenth-Century China. The Rise of Sino-Western Mercantile Capitalism*. Berkeley, 1986. P. 194–211.

в руках английских и немецких пароходных компаний: Peninsular and Oriental Steam Navigation Company, Ocean Steam Ship Company, т.н. «Немецкого Ллойда» и др.¹⁸

На протяжении всего рассматриваемого периода главные позиции в иностранном морском сообщении с Китаем занимала Англия, на долю которой приходилось более 80 % от общего тоннажа в китайских водах¹⁹. В это же время Германия хоть и с большим отрывом, заняла второе место после английского флага. Отметим стоит американские и французские пароходы, а также значительный рост в конце XIX в. японских судов, приходящих для торговли в Китай (см. табл. 1). На этом фоне тоннаж русского торгового флота в китайских портах выглядит незначительным, однако он, во-первых, имел тенденцию к росту к концу рассматриваемого периода, а во-вторых, морская торговля России с Китаем развивалась в совершенно отличных от прочих стран условиях.

Организация морского транзита русско-китайской торговли

Необходимо заметить, что в конце 1850-х гг. у России уже был опыт морской торговли с Китаем. В течение 1849–1863 гг. корабли Российско-американской компании (далее – РАК) заходили в Шанхай, где продавали колониальную пушнину, здесь же закупали партии чая и доставляли китайский товар в Санкт-Петербург. В среднем корабли РАК совершали 2–3 рейса в год, но в 1863 г. были вынуждены отказаться от морской торговли с Китаем ввиду нерентабельности чайной торговли в Санкт-Петербурге²⁰.

Новым толчком к развитию морской торговли России с Китаем послужило открытие Суэцкого канала в 1869 г. Инициатива последовала от Русского общества пароходства и торговли (далее – РОПиТ) – крупнейшего пароходного предприятия России своего времени, руководство которого в 1870 г. приняло решение открыть китайскую и индийскую линии, рассчитывая получить большие доходы от торговли с Азией²¹. В феврале 1871 г. из Одессы в китайский порт Ханькоу (главный чайный рынок Китая, долина р. Янцзы) отправился пароход «Чихачев». Судно, посетив на своем пути такие крупнейшие азиатские порты, как Сингапур и Гонконг, в апреле 1871 г. достигло Шанхая. Далее пароход отправился вверх по р. Янцзы в Ханькоу, где, получив чайный груз от ведущих здесь свои дела русских торговых домов, отплыл обратно в Одессу²².

Первый опыт торговли РОПиТ с Китаем оказался успешным. В феврале 1872 г. в Москве даже был организован банкет по случаю открытия обществом азиатской линии. Данное мероприятие описывалось на страницах «Московских ведомостей», где на развитие морской торговли с Китаем возлагались большие надежды, особенно в условиях кризиса русско-китайских торговых отношений в Кяхте²³.

¹⁸ Meyer D.R. Hong-Kong as a global metropolis. Cambridge, 2000. P. 79.

¹⁹ Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая. 1894–1914. М., 1980. С. 57.

²⁰ Ермолаев А.Н., Петров А.Ю. Отношения Российско-американской компании с Китаем во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 3–21.

²¹ Иловайский С.И. Очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907. С. 118.

²² РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 387. Л. 192–209.

²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 273. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 10–12.

В течение 1872–1876 гг. РОПиТ будет ежегодно отправлять по два парохода в Ханькоу за чайным грузом²⁴. Однако последующие рейсы в Китай оказывались менее прибыльными в сравнении с 1871 г.: пароходы приходили в Одессу либо недогруженными, либо, как это было в 1872 г., даже с испорченным от сырости товаром²⁵. Сказывался высокий фрахт, который установило РОПиТ для чайных грузов – 6 ½ фунта стерлингов²⁶ с тонны в 40 кубических футов, что было дорого, и торговые дома в Ханькоу предпочитали отправлять товар в Россию на иностранных пароходах²⁷. В то же время высокие ставки фрахта стали препятствием для отправки торгового груза из России в Китай²⁸. По этой причине сбыт товаров на судах РОПиТ так и не был реализован.

В данном случае необходимо учитывать, что фрахт был единственным способом для пароходного предприятия окупить длительные рейсы в Китай. Когда в дирекции РОПиТ поняли, что китайская линия стала убыточной, было принято решение от нее отказаться²⁹.

В начале 80-х гг. XIX в. пароходы РОПиТ в китайских портах сменили суда Добровольного флота – на тот момент еще молодого предприятия, которое уже в 1890-е гг. стал вторым по размерам пароходным флотом России³⁰. Несмотря на меньшее количество судов в сравнении с РОПиТ у Добровольного флота было серьезное преимущество – его субсидировало государство, поскольку главной задачей Добровольного флота была транспортировка грузов (строительных материалов, жизненных припасов и др.) и пассажиров (военных и каторжников) на русский Дальний Восток³¹. На обратном пути из Владивостока пароходы Добровольного флота заходили в Ханькоу за чайным грузом, фрахт от перевозок которого стал дополнительным источником заработка ДФ³².

В течение 80–90-х гг. XIX в. морской способ транзита показал себя как более дешевый и быстрый в сравнении с сухопутным направлением русско-китайской торговли через Монголию в Кяхту. Для сравнения: доставка чая морем от Ханькоу до Одессы занимала в среднем 35–40 дней; доставка чая из Ханькоу до Кяхты через Монголию – 68–85 дней; стоимость морского транзита ящика чая от Ханькоу до Москвы через Одессу составляла от 6 руб. 75 коп.³³; доставка ящика чая из Ханькоу до Москвы через Кяхту составляла в среднем 53 руб. 53 коп.³⁴

Очевидные логистические преимущества способствовали тому, что дорогие сорта китайского чая (байховый чай) в середине 90-х гг. XIX в. практически полностью стали отправляться в Россию на пароходах Добровольного флота, а не сухопутно в Кяхту. В то же время серьезной проблемой торговли Добровольного флота

²⁴ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 529. Л. 1–30.

²⁵ Там же. Д. 477. Л. 6.

²⁶ 1 фунт стерлингов = 6 руб. 28 коп. (дореволюционной валюты).

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 10–12.

²⁸ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 387. Л. 31 об. – 32.

²⁹ Там же. Д. 920. Л. 123.

³⁰ Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 203–207.

³¹ *Поггенполь М.Ю.* Очерк возникновения Добровольного флота за время XXV-ти летнего его существования. СПб., 1903. С. 34–36.

³² *Бянкин В.П.* Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С. 68.

³³ *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 533.

³⁴ Там же. С. 503.

стало отсутствие товара, который пароходы могли бы успешно сбывать в китайских портах. В рассматриваемое время русские шерстяные и хлопчатобумажные ткани не выдерживали конкуренции с аналогичным товаром других стран, торгующих с империей Цин³⁵. Единственный товар, который доставлялся из России в Китай морем и успешно находил покупателя на китайском рынке, был бакинский керосин, но из-за неприспособленности к транспортировке керосина русских пароходов, его перевозка осуществлялась исключительно на иностранных судах³⁶. Таким образом, торговля Добровольного флота в Китае стала по факту чайной торговлей – односторонним процессом, невыгодным для России³⁷.

Параллельно с развитием морского транзита Одесса – Ханькоу во второй половине XIX в. развивалась торговля российских портов Дальнего Востока с Китаем (Владивосток, Николаевск)³⁸. В 1881 г. правительство заключило контракт с дальневосточным купцом М.Г. Шевелевым на осуществление пароходных линий между Владивостоком и китайскими портами (Ханькоу, Шанхай, Чифу, Тяньцзинь)³⁹. Предприятие Шевелева поддерживалось российской казной, но все равно оставалось небольшим: к концу 1890-х гг. у Шевелева было всего три парохода, которые в большей степени занимались перевозкой пассажиров, а не торговлей⁴⁰.

Помимо предприятия Шевелева в регулярном морском сообщении Приморья со странами Восточной Азии был задействован один из пароходов Добровольного флота «Владивосток», чьи рейсы включали основные морские порты региона (Нагасаки, Шанхай, Гонконг) и некоторые менее крупные порты (Чифу, Амой)⁴¹. «Владивосток» был занят в основном в каботажных перевозках между азиатскими портами, практически не принимая участия в русско-китайской торговле. Основная часть морского транзита между российскими и китайскими портами на Дальнем Востоке в 80-х и начале 90-х гг. XIX в. осуществлялась на иностранных пароходах.

Российское судоходство в «открытых» портах Китая

Во второй половине XIX в. морская русско-китайская торговля наиболее активно развивалась через такие китайские порты, как Ханькоу, Шанхай и Чифу⁴², на примере которых можно провести анализ присутствия российского торгового флота в Китае.

Ханькоу. Во второй половине XIX в. порт Ханькоу (долина р. Янцзы) стал главным экспортером китайского чая в Россию⁴³. В это же время благодаря деятельности Добровольного флота вывоз чая из Ханькоу в Одессу стал одним из ведущих направлений транзита в русско-китайской торговле. Русские торговые суда ежегодно посещали Ханькоу. Информация об их прибытии отражена в материалах русских консулов, служивших в китайских портах (табл. 2).

³⁵ Крылов Н.А. Торговая конкуренция в Восточном Китае. СПб., 1898.

³⁶ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45. Л. 12.

³⁷ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 283.

³⁸ Устюгова О.А. Русско-китайская чайная торговля на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. // Шестая дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. Владивосток, 2001. С. 213–220.

³⁹ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1067. Л. 2.

⁴⁰ Забугин Н.П. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. СПб., 1896. С. 13–14.

⁴¹ РГИА. Ф. 98. Оп. 6. Д. 2. Л. 96–105.

⁴² Покотлов Д.Д. Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Часть I, текст. СПб., 1895.

⁴³ Христоробова Ю.С. Становление международного рынка чайной торговли в Ханькоу во второй половине XIX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 3. С. 79–90.

Пароходы прибывали в Китай в период «чайного сезона» – в мае и июне, когда для отправки на внешние рынки был готов чай первого и второго сбора. В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Ханькоу посещало в среднем 3–4 парохода из России. В 1886 г. в Китай за чаем в последний раз прибыли два парохода РОПиТ – «Царь» и «Царица», тогда как в последующие годы русско-китайская морская торговля осуществлялась на судах Добровольного флота, которые носили название русских городов. Так, Китай практически ежегодно посещали пароходы «Москва», «Петербург» «Россия», «Кострома». В 1890-е гг. вместе с увеличением состава Добровольного флота к ним присоединились «Орел», «Нижний Новгород» и др. (табл. 2). Однако, несмотря на регулярность рейсов в Китай, русских пароходов часто было недостаточно, чтобы забрать весь чайный груз, приготовленный для России. В этом случае для транспортировки китайского товара фрахтовались иностранные пароходы (табл. 3).

В 1880-е гг. английские и немецкие пароходы участвовали в русско-китайской торговле. Зачастую доля перевозимого на них груза была небольшой: в 1884 г. – 1 млн 739 тыс. 576 русс. фунтов от общего количества в 12 млн 828 тыс. 448 русс. фунтов⁴⁴. В другие годы эта доля могла быть больше: в 1888 г. – 5 млн 901 тыс. 235 русс. фунтов от общего количества в 16 млн 613 тыс. 573 русс. фунта. Но основная часть перевозок приходилась все же на пароходы Добровольного флота (табл. 3).

Таблица 2

Русские торговые суда, прибывшие в порт Ханькоу в течение 1886–1891 гг.

Год	Дата	Пароход
1886	14 мая	«Царица»
	16 мая	«Россия»
	3 июня	«Царь»
1887	16 мая	«Россия»
	23 мая	«Петербург»
	13 июня	«Москва»
1888	18 мая	«Москва»
	28 мая	«Россия»
	23 июня	«Кострома»
	27 июня	«Петербург»
1889	23 мая	«Москва»
	2 июня	«Россия»
	19 июня	«Кострома»
	27 июня	«Петербург»
1890	23 мая	«Орел»
	31 мая	«Петербург»
	12 июня	«Кострома»
	16 июня	«Москва»
	23 июня	«Россия»
1891	22 мая	«Орел»
	30 мая	«Петербург»
	8 июня	«Н. Новгород»
	14 июня	«Москва»
	29 июня	«Кострома»

Источник: АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 81–88.

⁴⁴ 1 русский фунт = 0,40951241 кг.

Table 2

Russian merchant ships arriving at the port of Hankou during 1886–1891

Year	Date	Steamship
1886	May 14	“Carica”
	May 16	“Rossiya”
	June 3	“Car”
1887	May 16	“Rossiya”
	May 23	“Peterburg”
	June 13	“Moskva”
1888	May 18	“Moskva”
	May 28	“Rossiya”
	June 23	“Kostroma”
	June 27	“Peterburg”
1889	May 23	“Moskva”
	June 2	“Rossiya”
	June 19	“Kostroma”
	June 27	“Peterburg”
1890	May 23	“Orel”
	May 31	“Peterburg”
	June 12	“Kostroma”
	June 16	“Москва”
	June 23	“Rossiya”
1891	May 22	“Orel”
	May 30	“Peterburg”
	June 8	“N. Novgorod”
	June 14	“Moskva”
	June 29	“Kostroma”

Source: Archive of foreign policy of the Russian Empire (AVPRI), f. 143, op. 491, d. 396.

Таблица 3 / Table 3

Вывоз чая из Ханькоу в Одессу на русских и иностранных судах /
Export of tea from Hankou to Odessa on Russian and foreign vessels

Год / Year	Число русских судов / Number of Russian ships	Отправлено товара, русских фунтов / Goods sent, Russian pounds	Число иностраных судов / Number of foreign ships	Отправлено товара, русских фунтов / Goods sent, Russian pounds	Всего / Total
1884	5	11 088 872	1	1 739 576	12 828 448
1885	4	6 588 893	1	2 047 780	8 636 673
1886	3	6 882 355	1	3 566 548	10 448 903
1887	3	7 424 104	2	4 921 938	12 346 042
1888	4	10 712 338	2	5 901 235	16 613 573

Источник: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 60.

Source: AVPRI, f. 143, op. 491, d. 396, l. 60.

Огромную роль в выборе русского или иностранного парохода для отправки чая в Россию играли ставки фрахта, которые объявляли судоходные компании. Конкурентом Одессы в данном случае выступал порт Лондона, куда чай отправлялся для последующего транзита в Россию. Русский консул в Ханькоу П.А. Дмитриевский сообщал в 1887 г.:

На вывоз на Одессу часто влияют также фрахты на Лондон... иногда они понижаются до того (до 1 фунта стерлингов и даже 15 шиллингов с тонны), что купцам выгоднее бывает везти чай через Лондон, чем на пароходах Добровольного флота на Одессу⁴⁵.

Но в большинстве случаев ставки фрахта по лондонскому направлению были выше, чем до Одессы, что предопределило успех вывоза чая в российский порт⁴⁶.

В целом, пример Ханькоу показывает хорошие перспективы для развития русского торгового судоходства в китайских водах. Единственным сдерживающим фактором была нехватка русских торговых судов, которые могли бы полноценно организовать морской транзит между Россией и Китаем.

Шанхай. Вплоть до конца XIX в. Шанхай не играл существенной роли в русско-китайских торговых отношениях. Связано это было с тем, что основная масса чая, предназначенного для России, отправлялась из Ханькоу. Китайский груз только перегружался в Шанхае с речного парохода на морской, чтобы затем направиться в Тяньцзинь (и далее в Кяхту). В то же время, как и в других китайских портах, русский сбыт в Шанхай был крайне низким⁴⁷.

Одновременно, во второй половине XIX в. Шанхай стал центром международной торговли Китая⁴⁸, что обеспечивалось за счет развитого здесь иностранного судоходства. В начале 90-х гг. XIX в. регулярное морское сообщение Шанхая с Европой поддерживалось компаниями: Peninsular and Oriental Steam Navigation Company (Британия) – 2 парохода в месяц; Messageries Maritimes (Франция) – 2 парохода; Germanischer Lloyd (Германия) – 1 пароход в месяц; Nippon Yusen Kaisha (Япония) – еженедельное сообщение с Японией⁴⁹. Основной тоннаж китайского порта рос за счет нерегулярных рейсов, которых было существенно больше. Так, в течение 1893 г. в Шанхай прибыло в общей сложности 1028 судов с общим водоизмещением 3 млн 265 тыс. 77 тонн⁵⁰.

Суда под российским флагом также посещали Шанхай, но в значительно меньшей степени, чем Ханькоу.

В конце 80-х гг. XIX в. Шанхай регулярно посещал пароход Добровольного флота «Владивосток», тогда как прочие суда компании хоть и заходили в китайский порт, но эти рейсы не были постоянными. Основная часть грузовых и пассажирских перевозок между Шанхаем и портами русского Дальнего Востока принадлежала пароходам купца М.Г. Шевелева, которые прибывали к китайским берегам весной, летом и осенью. Большая часть судоходства осуществлялась весной: в 1886 г. русские пароходы совершили 2 рейса в Шанхай в течение весенних месяцев, 1 рейс – в июне и 1 рейс – в ноябре; в 1887 г. 3 рейса пришлось на март и апрель, 1 рейс – на ноябрь; в 1888 г. – 4 рейса весной и 2 рейса – летом (табл. 4).

Таким образом, в течение одного года пароходы по несколько раз посещать китайский порт. Так, в 1891 г. пароходы Шевелева совершили 14 рейсов в Шанхай⁵¹. В 1893 г. пароход «Владимир» (компания Шевелева) посетил Шанхай 10 раз,

⁴⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 26.

⁴⁶ Там же. Л. 30 об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45. Л. 12.

⁴⁸ Harris L. Stumbling towards Empire: the Shanghai local post office, the transnational British community and informal empire in China, 1863–1897 // *Journal of imperial and commonwealth history*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 418–445.

⁴⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45. Л. 17 об.

⁵⁰ Там же. Л. 21.

⁵¹ *Покотилов Д.Д.* Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. СПб., 1895. Ч. I. С. 113.

пароход «Байкал» – 2 раза, пароход «Владивосток» – 2 раза. Общий тоннаж русских судов в 1893 г. составил 9 тыс. 942 т.

Таблица 4

Российские пароходы в Шанхае в 1886–1888 гг.

Год	Пароход	Предприятие	Дата прибытия
1886	«Байкал»	Шевелев и Ко	11 марта
	«Байкал»	Шевелев и Ко	14 апреля
	«Кострома»	Добровольный флот	22 июня
	Байкал	Шевелев и Ко	10 ноября
1887	«Владивосток»	Добровольный флот	6 марта
	«Байкал»	Шевелев и Ко	19 марта
	«Владивосток»	Добровольный флот	16 марта
	«Байкал»	Шевелев и Ко	11 апреля
1888	«Байкал»	Шевелев и Ко	14 ноября
	«Байкал»	Шевелев и Ко	10 марта
	«Владивосток»	Добровольный флот	16 марта
	«Владивосток»	Добровольный флот	31 марта
	«Байкал»	Шевелев и Ко	18 апреля
	«Нижний Новгород»	Добровольный флот	7 июня
	«Байкал»	Шевелев и Ко	7 июня

Источник: РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45. Л. 2 об.

Table 4

Russian steamships in Shanghai in 1886–1888

Year	Steamship	Company	Arrival date
1886	"Baikal"	Shevelev & Co	March 11
	"Baikal"	Shevelev & Co	April 14
	"Kostroma"	Dobrovol'nyi flot	June 22
	"Baikal"	Shevelev & Co	November 10
1887	"Vladivostok"	Dobrovol'nyi flot	March 6
	"Baikal"	Shevelev & Co	March 19
	"Vladivostok"	Dobrovol'nyi flot	March 16
	"Baikal"	Shevelev & Co	April 11
1888	"Baikal"	Shevelev & Co	November 14
	"Baikal"	Shevelev & Co	March 10
	"Vladivostok"	Dobrovol'nyi flot	March 16
	"Vladivostok"	Dobrovol'nyi flot	March 31
	"Baikal"	Shevelev & Co	April 18
	"Nizhnii Novgorod"	Dobrovol'nyi flot	June 7

Source: Russian state historical archive (RGIA), f. 20, op. 5, d. 45, l. 2 ob.

Для товарооборота и уровня судоходства Шанхая это было слишком мало, поэтому современники много говорили о возможности увеличить присутствие пароходов России в главном китайском порту. В 1896 г. Н.П. Забугин⁵² писал:

⁵² В 1894 г. тайный советник Н.П. Забугин изучал внешнюю торговлю Приморской области по поручению Министерства финансов.

Судам Добровольно флота следовало бы, хотя бы на обратном пути, обязательно заходить в Шанхай (по непонятным причинам, не введенный в число портов, значащихся в расписании) и иметь там опытного в торговом деле агента⁵³.

Чифу. Главный торговый пункт провинции Шаньдун порт Чифу (современный г. Яньтай) для русского судоходства долгое время служил местом вывоза кули – китайских рабочих, которые отправлялись в Приморье, Корею или порты Китая⁵⁴. Рост русского судоходства в Чифу наблюдается в самом конце XIX в.

Таблица 5 / Table 5

**Количество иностранных судов, посетивших порт Чифу в конце XIX в. /
The number of foreign vessels that visited the port of Chifu in the late 19th century**

Флаг / Flag	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Британский / British	594	512	667	675	583	619
Китайский / Chinese	217	147	330	348	362	409
Германский / German	167	173	114	131	145	203
Японский / Japanese	34	13	82	73	108	201
Шведско-Норвежский / Swedish-Norwegian	32	33	59	50	43	46
Российский / Russian	16	16	12	12	26	160
Американский / American	1	4	–	3	3	3
Австрийский / Austrian	3	2	–	1	–	–
Датский / Danish		2	1		6	1
Голландский / Danish	1	1		3	1	–
Французский / French	–	–	2	–	–	–
Корейский / Korean	–	2	2	1	4	4
Всего / Total	1065	905	1269	1297	1281	1646

Источник: РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 172. Л. 17.

Source: Russian state historical archive (RGIA), f. 560, op. 29, d. 172, l. 17.

В 1899 г. Чифу посетило в общей сложности 1 тыс. 645 судов вместимостью 1 млн 365 тыс. 512 т (см. табл. 5). Из них 1 тыс. 631 были паровыми судами, 15 парусных. Основное количество судов по-прежнему приходится на Великобританию, но одновременно наблюдалось резкое увеличение количества судов под русским флагами, прибывавших в Чифу. В 1899 г. их число составило 160 судов, что было разительно больше, чем в предыдущем 1898 г. (см. табл. 5). Связать это стоит с образованием подконтрольной России Квантунской области на территории Маньчжурии в 1898 г. и последующим развитием внешней торговли Порт-Артура и Дальнего. Кроме того, большое значение для роста российского судоходства в дальневосточных водах имело создание в конце XIX в. Пароходства КВЖД.

Количественное распределение русских пароходов среди предприятий выглядело следующим образом: Пароходство КВЖД – 8 судов; Товарищество Шевелева – 3 парохода; Товарищество Бринера – 1 судно; РОПиТ – 1 судно; Добровольный флот – 1 судно; Военное ведомство – 2 судна⁵⁵. Пароходы совершали по несколько рейсов в год

⁵³ Забугин Н.П. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. СПб., 1896. С. 91.

⁵⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 343. Л. 24.

⁵⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 172. Л. 4.

в Чифу: к примеру, пароход Общества КВЖД «Нингута» в 1899 г. совершил 32 рейса в китайский порт, а пароход «Инькоу» – 69 рейсов⁵⁶. Основная часть рейсов приходилась на период с мая по декабрь, а наиболее активно плавание совершалось в течение июня – июля. Содержание перевозок составляли транспортировки грузов (в 1899 г. из общего товарооборота 42 % грузов отправлено из Чифу во Владивосток, 32 % – в Порт-Артур, 26 % приходилось на вывоз из Владивостока в Чифу) и пассажиров (в 1899 г. перевезено в общей сложности 28 тыс. 424 чел. во Владивосток и Порт-Артур)⁵⁷.

Чифу является примером «открытого» порта Китая, где судоходство России могло развиваться наиболее успешно. Способствовала этому политика России на Дальнем Востоке в конце XIX в., которая включала в себя начало строительства железнодорожной сети на территории Маньчжурии, аренду у Китая незамерзающих портов Дальнего и Порт-Артура, развитие дальнего пароходного сообщения в приморских портах.

Выводы

Проведенный анализ деятельности российских торговых судов в Китае показывает противоречивую ситуацию. С одной стороны, уровень русского судоходства в китайских портах был крайне низким в сравнении с судоходством других иностранных компаний в Китае. С другой стороны, на протяжении второй половины XIX в. количество русских торговых судов в Китае возрастало, рейсы были регулярными, пароходы были готовы к конкуренции за ставки фрахта и грузы.

Большинство проблем морской русско-китайской торговли определялись недостаточным уровнем развития российского торгового флота. На протяжении второй половины XIX в. русских судов было слишком мало для полноценной морской торговли с Китаем, рейсы к китайским портам и обратно были затратными и трудно окупаемыми. Опыт торговли в Китае РОПиТ показывает, что даже такое частное предприятие не могло самостоятельно содержать китайскую линию в Одессе. В то же время Добровольный флот, который существовал в основном за счет правительственных субсидий, не был настолько заинтересован в увеличении присутствия своих пароходов в китайских портах. В этой связи современники считали, что России необходимо было иметь частное пароходное предприятие на Дальнем Востоке, которое могло взять в свои руки морскую торговлю с китайскими портами. Однако приходится признать, что на протяжении второй половины XIX в. создание такой компании было бы обречено ввиду огромной пароходной конкуренции, существовавшей в «открытых» портах империи Цин со стороны иностранных компаний.

На наш взгляд, наиболее качественное развитие морского судоходства между российскими и китайскими портами возможно было только при условии организации развитой инфраструктуры на российском дальневосточном побережье. Такие изменения произошли в конце XIX в., когда Россия получила железнодорожные концессии на территории Маньчжурии, аренду незамерзающих морских портов (Порт-Артур, Дальний) и организовала пароходную компанию для обеспечения Транссибирской магистрали иностранным грузом. Резкий рост российского судоходства в Чифу в 1899 г. – яркий пример того, как грамотно организованная инфраструктура может способствовать морской торговле.

Таким образом, во второй половине XIX в. сложились необходимые условия для более широкого развития морских торговых отношений России и Китая. Опыт

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 172. Л. 5.

⁵⁷ Там же. Л. 5 об.

русского судоходства в «открытых» портах империи Цин показал востребованность в развитии железнодорожной и портовой инфраструктуры на русском Дальнем Востоке. В начале XX в. окончание строительства КВЖД способствовало развитию новой системы русско-китайской торговли, в основе которой лежало взаимодействие железнодорожной сети, морского порта и дальнего судоходства.

Поступила в редакцию / Submitted: 26.08.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.11.2020

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.12.2020

References

- Biankin, V.P. *Russkoe torgovoe moreplavanie na Dal'nem Vostoke (1860–1925 gg.)*. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979 (in Russian).
- Chong, S. *The Foreign Trade of China*. New York: Columbia University, 1919.
- Datsyshen, V.G. “Odesskoe napravlenie kitaiskoi chainoi torgovli (XIX – nachalo XX vv.)” Vol. 2 of *Kitaeznavchi doslidzhennia*, 45–55. Kiev: Institute of oriental studies Publ., 2012 (in Ukraine).
- Du, H. *Tea and Hankow Market in the Ch'ing Period*: PhD diss. Wuhan University, 2000.
- Ermolaev, A.N., and Petrov A.Yu. “Commercial Relations of the Russian-American Company with China in the Second Half of the 19th Century.” *Voprosy Istorii*, no. 6 (2017): 3–21 (in Russian).
- Fan, Jz. “A Legal Analysis of the Belt and Road Initiative: Towards a New Silk Road?” *China and WTO Review* 6, no. 2 (2020): 425–431.
- Gardella, Robert P. “The Boom Years of the Fukien Tea Trade, 1842–1888.” May, E.R. Fairbank, J.K., eds. *American's China Trade in Historical Perspective: the China and American Performance*, 33–75. London: The Community of American-East Asian Relations of the Department of History, 1989.
- Hao, Y. *The Commercial Revolution in Nineteenth-Century China. The Rise of Sino-Western Mercantile Capitalism*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Harris, L. “Stumbling Towards Empire: the Shanghai Local Post Office, the Transnational British Community and Informal Empire in China, 1863–1897.” *Journal of Imperial and Commonwealth History* 6, no. 3 (2018): 418–445.
- Ilovaisky, S.I. *Ocherk piatidesiatiletii Russkogo obshchestva parokhodstva i torgovli*. Odessa: Tipografiya aktsionernogo yuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela Press, 1907 (in Russian).
- Khristolyubova, Y.S. “Formation of the International Tea Trade Market in Hankow in the Second Half of the 19th Century.” *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, no. 3 (2019): 79–90 (in Russian).
- Krylov, N.A. *Torgovaia konkurentsia v Vostochnom Kitae*. St. Petersburg: G.A. Bernshtein Press, 1898 (in Russian).
- Liu, K. *Anglo-American Steamship Rivalry in China*. Cambridge: Harvard East Press, 1962.
- Meyer, D.R. *Hong-Kong as a global metropolis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Nepomnin, O.E. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Kitaia, 1894–1914*. Moscow: Nauka Publ., 1980 (in Russian).
- Poggenpol, M.Yu. *Ocherk vozniknoveniia Dobrovol'nogo flota za vremia XXV-ti letnego ego sushchestvovaniia*. St. Petersburg: Tip. A. Behnke Publ., 1903 (in Russian).
- Pokotilov, D.D. *Kitaiskie porty, imeiushchie znachenie dlia russkoi torgovli na Dal'nem Vostoke*. St. Petersburg: Tipografiya Yu.N. Erlikh Publ., 1895 (in Russian).
- Remer, C.F. *The Foreign Trade of China*. Shanghai: Commercial Press, 1926.
- Sharonova, V.G. “Eksportno-importnye operatsii russko-kitaiskoi chainoi torgovli (s serediny XIX do nachala XX veka).” *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deiatel'nost', nasledie: mater. vseros. nauch.-prakt. konf., 2019*, 241–250. Tomsk: TGASU Publ., 2019 (in Russian).
- Sladkovsky, M.I. *Istoriia torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.)*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Subbotin, A.P. *Chai i chainaia torgovlia v Rossii i drugikh gosudarstvakh. Proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie Chaia*. St. Petersburg: Tip. Severnogo Telegrafnogo Agentstva Publ., 1892 (in Russian).
- Ustyugova, O.A. “Russko-kitaiskaya chainaia torgovlia na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX veka.” In *Shestaia Dal'nevostochnaia konferentsiia molodykh istorikov. Sbornik materialov*, 213–220. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta Publ., 2021 (in Russian).
- Wang, A.L. “The Analysis of Personal Flow in the Trade about Shanxi Merchants between Mongolia and Russia in the Qing Dynasty.” PhD diss. Shanxi University, 2011.

Yoder, A.J. “Tea Time in Romanov Russia: a Cultural History, 1616–1917.” PhD diss. The University of North Carolina, 2016.

Zabugin, N.P. *O sudokhodstve na russkom Dal'nem Vostoke*. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma Publ., 1896 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

И.Р. Хамзин, канд. ист. наук, младший научный сотрудник лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина; 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; Ildar.hamzin1991@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4967-0705>

I.R. Hamzin, PhD in History, Junior Fellow of laboratory of natural sciences research in humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 51, Lenin St., Yekaterinburg, 620000, Russia; Ildar.hamzin1991@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4967-0705>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Научная статья / Research article

Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Петр Константинович Дашковский , Елена Александровна Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

 dashkovskiy@fpn.asu.ru

Аннотация: В статье рассматривается положение мусульманских общин Сибири в контексте политики аккультурации, проводимой Российской империей. Работа подготовлена на основе анализа нормативно-правовых документов. На основе анализа исторических источников установлено, что проводимые в российском государстве во второй половине XIX – начале XX в. реформы были направлены на включение мусульманского населения страны в социокультурное пространство империи. Попытки постепенного внедрения русской культуры и уклада жизни в инородческой среде должны были способствовать процессу взаимодействия мусульманского населения Сибири с русскими переселенцами. Система образования стала одним из инструментов проведения политики аккультурации в отношении мусульманских народов Сибири. Попытки внедрения русской культуры были предприняты также и через реорганизацию хозяйственного уклада мусульманских общин. Авторы приходят к выводу, что проводимые властями реформы вызывали волну недовольства со стороны мусульманского населения. Русская православная церковь также не смогла решить вопрос о смене мусульманами идентичности. Все предпринимаемые меры по оказанию поддержки новокрещенным не способствовали массовому переходу в православие.

Ключевые слова: ислам, ориентализм, инородцы, система Н.И. Ильменского, конфессиональная школа

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-59-44004) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

Для цитирования: Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 34–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Acculturation Policies Targeting Siberia’s Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries

Petr K. Dashkovskiy , Elena A. Shershneva

Altai State University, Barnaul, Russia

 dashkovskiy@fpn.asu.ru

Abstract: The article examines the situation of Muslim communities in Siberia in the context of the acculturation policy pursued by the Russian Empire. Based on the analysis of archival sources, the article argues that the reforms carried out in the late 19th and early 20th centuries were aimed at including the Muslim population of the country into the socio-cultural space of the empire. Russian attempts

to gradually introduce Russian culture and way of life into a foreign environment were supposed to support the interaction between the Muslim population of Siberia and Russian immigrants. The education system was one of the instruments of the acculturation policy towards the Muslim peoples of Siberia. Attempts to introduce Russian culture were also made through influencing the economic life of Muslim communities. The ongoing reforms caused a lot of discontent on the part of the Muslim population. Also failing were the policies of the Russian Orthodox Church to make Muslims change their identity; its measures to support the newly baptized did not contribute to a mass conversion to Orthodoxy.

Keywords: Islam, orientalism, foreigners, the system of N.I. Ilmenny, confessional school

Acknowledgements and Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-59-44004) and the Foundation of the President of the Russian Federation for the support of a leading scientific school (project No. NSh-63.2022.2).

For citation: Dashkovskiy, Petr K. and Shershneva, Elena A. "Acculturation Policies Targeting Siberia's Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 34–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Введение

С 60-х гг. XIX в. в Российской империи начинается процесс реформирования социальных, экономических и политических институтов, который продлится до революционных потрясений 1917 г. Расширение границ Российской империи на востоке страны, русско-турецкая война (1877–1878 гг.), а также конфликты на территории Северного Кавказа вызвали особый интерес со стороны правительства к мусульманским народам, проживающим в стране¹. Со второй половины XIX в. и до прекращения существования Российской империи, у государственной власти стояла задача интеграции мусульманских народов в социокультурное пространство российского общества.

В дореволюционной историографии преимущественно доминировало консервативно-охранительное направление, которое зависело от политической конъюнктуры и идеологических пристрастий исследователя. Особое внимание отводилось «цивилизационной» роли православной культуры². В советской историографии появилось диаметрально противоположное представление на этнокультурную, а вместе с тем на этноконфессиональную политику имперской власти в отношении мусульманских народов³.

С начала 90-х гг. XX в. в отечественной историографии наметились новые тенденции переосмысления имперской истории и политики Российского государства. В работах современных исследователей начал преобладать междисциплинарный подход в анализе широкого круга источников. При этом учеными был поднят вопрос об аккультурационной политике Российской империи в отношении мусульманских народов. Несмотря на то, что сложились разные подходы относительно самого термина «аккультурация» важно отметить появление работ, посвященных анализу положения мусульманских народов в разных регионах Российской империи через призму политики аккультурации⁴. Аккультурация становится основным

¹ Джераси Р.П. Око на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 23–24.

² Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подданных России мусульманах. СПб., 1887; Алекторов А.Е. Инородцы в России. СПб., 1906.

³ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936; Дарженев С. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета. Сер.: История. Фрунзе, 1964; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1978.

⁴ Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета

механизмом контроля «инородческого» населения страны, с помощью которого, появляется возможность включения его в культурно-религиозное пространство страны. Аккультурация не предусматривала культурной унификации, а предполагала адаптацию к жизни в чужой культуре, сохраняя при этом личную и культурную идентичность⁵.

Целью исследования является выявление и осмысление результатов процесса «аккультурации» мусульманского населения Сибири. Для достижения поставленной цели авторы обращаются к анализу социально-экономической и культурной жизни мусульманского населения указанного региона, реконструируется механизм «аккультурации» в отношении мусульманского населения, проживавшего во второй половине XIX – начале XX в. в пределах Томской, Тобольской и Енисейской губерний Сибири.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, представленные в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Красноярского края, Государственного архива Томской области, а также Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан.

При подготовке статьи использовались проблемно-хронлогический и историко-генетический методы, позволившие проанализировать и оценить роль политики аккультурации в отношении мусульманских народов Сибири.

Образовательная политика имперской власти в отношении мусульманских народов сибирских окраин

Вхождение в состав Российской империи большого количества различных этнических групп потребовало от органов власти решения одного из важнейших вопросов – просвещения подданных государства. Изначально просвещение рассматривалось как миссионерская задача, а приобщение к христианской культуре являлось маркером благонадежности инородческого населения⁶. Однако следует отметить, что мусульманские народы, вошедшие в состав Российского государства, имели собственную сложившуюся веками систему школьного образования. Мусульманская школьная система полностью находилась в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания и контролировалась духовенством. Во второй половине XIX в. особое внимание со стороны правительства начинает уделяться «мусульманскому вопросу», так как в мусульманской среде наметился процесс перехода ранее крещеных инородцев в ислам. Решение данной проблемы правительство видело в создании единого образовательного пространства⁷. Со второй половины XIX в. государство начинает предпринимать меры по расширению системы школьного образования для

дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 347–363; *Брежнева С.Н.* Отражение идей аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. № 3. С. 608–638; *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018; Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. С. 12–13.

⁵ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации... С. 13; *Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н.* Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. № 4. С. 795.

⁶ Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. С. 265.

⁷ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации... С. 116.

«инородцев». Законодательное закрепление данные меры получили 14 июля 1864 г. после принятия «Положения о начальных народных училищах». Согласно принятому документу, одной из задач было распространение русской грамотности и отказ от местных наречий⁸. Обучение инородцев русскому языку, а затем и приобщение через систему школьного образования к русской культуре, должно было привести к включению их в социокультурное пространство империи.

С целью проведения данных мер в 1866 г. создается Особый комитет по инородческому образованию при управлении Казанского учебного округа, который возглавил Н.И. Ильминский. Под его руководством были разработаны правила обучения инородцев. Особое внимание уделялось учителям данных школ, которые должны были владеть знаниями инородческого языка⁹. По мнению Н.И. Ильминского, привлечение учителей из среды инородцев могло способствовать изменению религиозных представлений, а в дальнейшем и соединению инородцев в духовном союзе с русским народом в общем государстве¹⁰.

Таким образом, следует отметить, что политика, проводимая в государстве в отношении реформирования мусульманского школьного образования, не предполагала единовременного полного искоренения религиозной культуры законодательными нормами. Данный факт подтверждается, например, тем, что в 1868 г. попечитель Казанского учебного округа по просьбе муфтия направил обращение управляющему Министерством народного просвещения¹¹. Однако следует отметить, что уже в 1870-е гг. имперские органы власти переходят к более активным действиям по установлению контроля за инородческими учебными заведениями. В рамках принятого в 1870 г. нормативного акта законодательно закреплялось создание русско-инородческих школ с обязательным преподаванием русского языка¹². В дальнейшем данные меры были направлены на подчинение всей системы школьного образования Министерству народного просвещения с целью ограничения влияния мусульманского духовенства на эту сферу¹³. В 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах», по которому все мусульманские школы переходят в ведение Министерства народного просвещения¹⁴. Принятое положение полностью подчиняло всю систему школьного образования правительству и Русской православной церкви. Именно епархиальные архиереи должны были следить за нравственным воспитанием подрастающего поколения. Кроме того, представитель епархиального ведомства включался в Училищный совет¹⁵.

⁸ Имперская политика аккультурации... С. 285; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1867. Т. 8. С. 613–618.

⁹ Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия... С. 804.

¹⁰ Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 105.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 162. Д. 577. Л. 1–1 об.

¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. 45. С. 314.

¹³ Любичанковский С.В. Политика аккультурации... С. 117; Верняев И.И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 159.

¹⁴ Махмутов З.А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (8). С. 115; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 49. С. 834–840.

¹⁵ Суворова Н.Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (15). С. 265.

Несмотря на вмешательство государства в образовательный процесс мусульманских школ, содержание их полностью возлагалось на самих общинников¹⁶. Правительство предполагало выделение финансовых средств при условии открытия в мусульманских школах русских классов. Однако на практике это не реализовывалось, что подтверждает, например, отчет полицмейстера г. Петропавловска Акмолинской области за 1875 г.¹⁷ Вмешательство государственных органов в систему образования мусульманских общин и отказ от финансовой поддержки конфессиональных учебных заведений не способствовало их развитию. Согласно ведомости, поданной в Статистическую комиссию императорского вольного экономического общества, на 1 января 1894 г. в Енисейской губернии не числилось ни одной мусульманской школы¹⁸. При этом в указанной губернии, согласно Всероссийской переписи населения, мусульман проживало более 5 тыс. человек¹⁹.

Несмотря на вводимые правила, имперская власть стремилась найти некоторый баланс между созданием новой системы школьного образования для мусульманского населения и традиционной конфессиональной школой. Министром народного просвещения Н.П. Боголеповым было предложено организовать национальные школы с учетом преподавания в них родного языка и быта²⁰. В июне 1899 г. Министром народного просвещения было направлено письмо П.А. Столыпину о введении преподавания т.н. местных языков, т.е. языков коренных народов региона, в начальных инородческих школах. При рассмотрении данного вопроса было принято решение о введении в образовательную программу родного языка в первые два года обучения, а затем в рамках интересов государства образование полностью переводилось на русский язык²¹.

На совещании Министерства народного просвещения в 1905 г. было установлено, что правительство должно перейти к более активной политике в распространении русского языка в инородческих школах²². Однако данная проблема так и не получила своего решения, что отмечалось, в частности, на страницах российских газет того времени²³. И в дальнейшем правительство предпринимает меры по ограничению преподавания родного языка в школах, так как, по мнению министра народного просвещения Л.А. Кассо, преподавание родного языка не могло способствовать интересам государства²⁴.

К середине второго десятилетия XX в. усилился контроль за деятельностью мусульманских школ со стороны мусульманского населения, которые полностью контролировались со стороны государства. Данный факт подтверждается поданным прошением директору народных училищ Енисейской губернии от общины мусульман Канского уезда о разрешении им открыть частную школу для обучения своих детей²⁵. Вопрос просвещения всегда очень остро стоял в мусульманской

¹⁶ Махмутов З.А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. № 1 (8). С. 115.

¹⁷ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 505. Л. 17.

¹⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 390. Л. 17.

¹⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. СПб., 1904. С. 50–51.

²⁰ Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 14.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 8–9.

²² Джераси Р.П. Око на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 196.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 59–59 об.

²⁴ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 82–84.

²⁵ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 595. Оп. 13. Д. 675. Л. 1–4 об.

умме, несмотря на то что все учебные заведения подчинялись Министерству народного просвещения, многие вопросы по-прежнему решались духовными органами и священнослужителями²⁶. Оренбургское магометанское духовное собрание, которое во многом проводило государственно-конфессиональную политику, по-прежнему активно включалось в вопросы организации образовательного процесса.

Организация жизни и хозяйственного уклада мусульманских общин Сибири

Во второй половине XIX в. территория Сибири становится центром переселенческой политики государства. Однако если Западная Сибирь стала основным регионом, где начинает преобладать переселенческий компонент, то Енисейская губерния практически не была затронута данными процессами. Лишь в начале XX в., когда был практически исчерпан земельный фонд в западносибирских губерниях, переселенческий поток направляется в Енисейскую губернию²⁷.

В 1895 г. императором Николаем II была высказана идея о поощрении переселенческой политики на территорию Сибири из европейской части страны. При этом предполагалось как раз, что переселенческие процессы затронут прежде всего русскоязычное население. Поэтому не случайно планировалось, что одним из направлений переселенческой политики должен был стать процесс включения инородческого населения региона в социокультурное пространство страны²⁸. Начавшиеся процессы переселения крестьян в Сибирь привели к сокращению земельных наделов у инородческого населения, а также подведению их под общекрестьянские правила²⁹.

Реформы, начатые во второй половине XIX в., имели цель формирования переселенческого земельного фонда, путем изъятия этих земель из пользования «инородцев» и последующей интеграции крестьянского населения в регионе. Земли аборигенного населения Сибири рассматривались правительством как принадлежащие казне и Кабинету Его Императорского Величества и находились лишь в бессрочном пользовании инородцев³⁰.

Проблема наделения инородцев землей и уравнивания их в правах с государственными крестьянами поднималась в 1907 г.³¹ В отстаивании своих прав на земли мусульманское население Сибири, как правило, ссылалось на грамоты, дарованные еще Екатериной II, хотя каких-либо официальных документов они не имели³².

Одной из главных задач правительства в пореформенный период стала унификация инородческого населения с крестьянами в правах и обязанностях, а также принципах организации управления. Еще в 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился в Министерство внутренних дел и государственных имуществ с предложением причислить к русским волостям оседлых аборигенов Томской и Тобольской губерний³³.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 6. Д. 4044. Л. 2, 7.

²⁷ Федорова В.И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX – XX веков: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. №11. С. 482, 486.

²⁸ Брежнева С.Н. Отражение идей аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. № 3. С. 619–620.

²⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2081. Л. 1, 4–5об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 586. Л. 120.

³⁰ Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2018. С. 138; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 3. Л. 116, 234–234 об.

³¹ Там же. Д. 4.

³² Там же. Д. 586. Л. 404–406.

³³ Дашковский П.К., Шершнёва Е.А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2020. С. 91.

Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в июне 1906 г. в Земский отдел была направлена бумага, в которой указывалось, что в 1884 г. всем губернаторам восточных окраин России был разослан секретный Циркуляр МВД, согласно которому должностные лица сельского и волостного управлений должны были назначаться из числа русских. Данная мера была направлена на недопущение к управлению фанатиков-мусульман, а также во избежание перехода крещенных татар в ислам. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, в свою очередь, обратился в Земский отдел с просьбой рассмотреть данный Циркуляр и установить, остается ли его соблюдение в дальнейшем актуальным³⁴. Ранее, в 1885 г., Департамент духовных дел иностранных исповеданий запрашивал у Земского отдела, как решается вопрос об установлении представительства христиан в инородческих общественных управлениях Сибири³⁵.

Следует отметить, что с целью контроля за аборигенным населением Сибири правительство наделяет достаточно широкими правами местные административные органы власти. Особое внимание было уделено деятельности именно крестьянских начальников, функции которых были существенно расширены и включали в себя полицейский надзор. Своей задачей имперская власть видела распространение русской культуры через утверждение на должности крестьянских начальников лиц, готовых проводить политику русификации среди аборигенного населения³⁶. Особое внимание начинает уделяться лицам, назначаемым на должности крестьянских начальников. Вопрос о назначении на должности лиц не православного вероисповедания не был однозначным. Светские и церковные власти имели на этот счет разные мнения³⁷.

Особое место в жизни мусульманских общин занимали волости, которые строились по национальному и конфессиональному признаку. Волостное устройство в начале XX в. начинает рассматриваться правительством как институт, сдерживающий консолидацию тюркских народов, а затем решающий задачу их ассимиляции с пришлым русским населением. Инородческие волости представляли собой административное, а не территориальное деление³⁸. Попытки реформирования волостного устройства поднимались неоднократно на протяжении всего XIX в. Однако присоединение татарских поселений к русским деревням вызывало недовольство со стороны мусульманского населения³⁹.

Административная реформа 1910 г. окончательно должна была изменить территориальное устройство инородческих волостей Сибири, заложив в их основу территориальный принцип. При этом в одну волость включались представители разных этнических групп⁴⁰. Изменение территориального устройства инородческих поселений касалось и организации их управления. В 1911 г. правительствующим Сенатом было затребовано от МВД и Главного управляющего землеустроительством и землепользованием заключение по жалобе инородцев на постановление Общего присутствия Тобольского губернского управления об организации у них общественного управления и суда по правилам Общего положения о крестьянах⁴¹.

³⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 10. Л. 1–10б.

³⁵ Там же. Оп. 66. Д. 55. Л. 1.

³⁶ Рагимова П.Ф. Национальная политика российского правительства в конце XIX – начале XX века // Вестник СамГУ. 2010. № 5. С. 100.

³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55. Л. 18–19.

³⁸ Корусенко С.Н., Марганова Ф.Ф. Волость как инструмент сохранения идентичности группы... 2016. № 2. С. 197–198.

³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105. Л. 17–17 об.

⁴⁰ Корусенко С.Н., Марганова Ф.Ф. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // Вестник Омского университета. 2016. № 2. С. 198.

⁴¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 771.

Важно подчеркнуть, что на основании «Временного положения о крестьянских начальниках»⁴² мусульманское население Сибири оказалось в полной зависимости от общероссийского законодательства. Данное подчинение касалось в том числе и судебной системы инородческого населения, что привело к недовольству в инородческой среде и вызвало ряд обращений⁴³.

Организация жизни новокрещенных мусульман на территории Сибири

Особое место в процессе аккультурации мусульманского населения отводилось вопросам крещения инородцев. Начиная со второй половины XIX в. в Российской империи наметилась тенденция отпадения ранее принявших православие инородцев в ислам. Таким образом, особое место со стороны правительства в данный период начинает отводиться миссионерской деятельности Русской православной церкви, деятельность которой должна была стать еще более активной. В 1870 г. в Москве было учреждено Всероссийское православное миссионерское общество, отделения которого были открыты во всех сибирских епархиях. Правительство оказывало финансовую поддержку миссиям, т.к. эффективность миссионерской деятельности была связана с поддержкой новокрещенных со стороны государства и создания им благоприятных экономических условий⁴⁴. К началу XX в. на территории Сибири действовало восемь православных миссий, наиболее крупными из которых считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская⁴⁵.

В конце XIX в. Канцелярией Комитета министров была подготовлена записка о состоянии церковных дел в Сибири, в которой говорилось о необходимости укрепления в регионе позиций православия, а также русской культуры и гражданской идентичности. Все это должно было оказать существенное влияние на духовную жизнь в Сибири⁴⁶. Именно принятие православия рассматривалось властями как важный социокультурный процесс, который способствовал инкорпорации мусульманского населения страны в русскую культуру и повседневную жизнь⁴⁷.

Главным для миссионерства становится то, чтобы принятие православия не носило формального характера. В связи с этим усложняется процедура принятия православной веры, согласно которой, желающий принять крещение должен был обратиться к епархиальным властям за разрешением⁴⁸. В 1905 г. архиепископом Томским и Барнаульским были установлены правила крещения евреев и мусульман⁴⁹.

Несмотря на активную политику церковных властей по обращению в православную веру инородческого населения и поддержку данных мер со стороны государства, позиция и поведение новокрещенных не всегда свидетельствовали об искренности их намерений. Государство брало на себя задачу по организации жизни новокрещенного населения. К тому же принявшие православие исключались из

⁴² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. С. 403–416.

⁴³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д.14. Л. 1–5, 10; Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1989; РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105. Л. 2–5.

⁴⁴ Суворова Н.Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (15) С. 263.

⁴⁵ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. М., 2007. С. 219.

⁴⁶ Рендашкина А.Н. Стабилизация межконфессиональных отношений мусульман и христиан на примере татар и русских в Восточной Сибири // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29 (1). С. 28–36.

⁴⁷ Дамешек Л.М. Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Известия Иркутского государственного университета. 2021. Т. 36. С. 64, 65.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 20–21.

инородческой общины и получали ряд льгот, в том числе и налоговых⁵⁰. Данные меры приводили к недовольству со стороны инородческих общин, поскольку взывавшиеся с них подати и налоги оставались прежними⁵¹.

Организация быта и контроль за соблюдением религиозных догм и правил принявшими православие инородцами возлагался на волостных начальников⁵². Негативное восприятие новокрещенных бывшими единоверцами требовало вмешательства со стороны не только православной церкви, но и институтов государственной власти. Принявших православие мусульман, по возможности, старались селить среди русского православного населения.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование положения мусульманских общин Сибири через призму политики аккультурации Российской империи позволяет сделать следующие выводы. Главную задачу имперская власть видела в установлении стабильности и порядка в поликонфессиональном и полиэтничном государстве. Именно приобщение к русской культуре и православной вере должно было способствовать установлению контроля над инородческим населением империи. Российские власти во второй половине XIX – начале XX в. не ставили своей задачей полного искоренения исламской традиции среди сибирских инородцев. К тому же последователи мусульманской традиции занимали второе место по численности приверженцев в стране, что не позволяло их исключить из правового поля российского государства. Правительство видело своей целью приобщить мусульманское население к русской культуре, и только затем допускалось полное слияние с православной традицией инородческого населения Сибири.

Одним из наиболее важных инструментов по вовлечению представителей мусульманской традиции в русскую культуру становится создание школьного образования по системе Н.И. Ильминского. Именно функционирование русско-инородческих школ должно было искоренить в мусульманской среде интерес к собственной религиозной культуре. Однако непоследовательная политика имперской власти в области организации школьного образования приводила к нежеланию мусульманского населения Сибири обучать детей в школах, создаваемых государством. Обязательное изучение русского языка рассматривалось мусульманской общественностью как попытка искоренения национальной культуры и религии.

Следующим направлением, в рамках которого были сделаны попытки унификации инородческого и русского населения, стала аграрная реформа в Сибири. В рамках проводимых преобразований административно-территориальное устройство мусульманских общин должно было строиться по принципу русских волостей. Данные меры были направлены на погружение мусульман в русский уклад жизни, а также искоренение у них традиционной формы управления. Изъятие земли с целью формирования переселенческого фонда и уравнивание инородцев в правах с крестьянами вызывали недовольство среди мусульманского населения Сибири.

Важным проводником государственных идей в Сибири должна была стать Русская православная церковь. Задачей миссионеров было привлечение мусульманского населения Сибири к принятию православия путем грамотной миссионер-

⁵⁰ *Земцов Б.Н.* Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (3). С. 599–600; ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2870.

⁵¹ ГААК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 158. Л. 1–2об.

⁵² *Конец А.Ю.* Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 319.

ской политики и финансовой поддержки со стороны государства. Поддержка имперской власти в организации экономического и социального положения, а также быта новокрещенных, должна была способствовать увеличению числа принявших православие. Однако предпринятые меры не способствовали массовому переходу инородцев в православную культуру. Мусульманское население рассматривало все проводившиеся мероприятия как посягательство на их традиции и устои, что мешало успешной реализации политики распространения русского языка в инородческой (мусульманской) среде на территории Сибири.

Поступила в редакцию / Submitted: 17.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.12.2021

References

- Alektorov, A.E. *Inorodtsy v Rossii*. St. Petersburg: Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment in memory of Emperor Alexander III Publ., 1906 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. "Russian Periodicals at the Turn of the 19th – 20th Centuries on Russian Migrants' Sociocultural Adaptation in Central Asia." *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–363 (in Russian).
- Balkashin, N.N. *O kirgizakh i voobshche o poddannyykh Rossii musul'manakh*. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate Publ., 1887 (in Russian).
- Boguslavskii, M.V. "Reforms of Russian Education of the XIX–XX Centuries as a Global Project." *Education Issues*, no. 3 (2006): 5–21 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "Reflection of Acculturation Idea in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 608–638 (in Russian).
- Dameshek, I.L., Dameshek, M.M., Zinov'ev, V.P., Remnev, A.V., Suvorova, N.G., Shakherov, V.P., and Shilovskii, M.V. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007 (in Russian).
- Dameshek, L.M. "Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on the Ways of Imposing 'Russianness' Among the Indigenous Population." *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History* 36 (2021): 62–70 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.62>
- Dameshek, L.M. *Sibirskie 'inorodtsy' v imperskoi strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.)*. Irkutsk: Impression Publ., 2018 (in Russian).
- Darzhenov, S. "Politika tsarskogo pravitel'stva v otnoshenii islama v kontse XIX – nachale XX v." In *Uchenye zapiski istoriko-yuridicheskogo fakul'teta Kirgizskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 165–172. Frunze: [S.n.], 1964 (in Russian).
- Dashkovskiy, P.K., and Shersheva, E.A. *Islam i imperiia: polozhenie musul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).
- Dzherasi, R.P. *Oko na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013 (in Russian).
- Fedorova, V.I. "Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX–XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics." *Nauchny dialog*, no. 11 (2020): 477–494 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-477-494>
- Garifullin, I.B. "K voprosu o khristianizatsii sibirskikh tatar." In *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzglyad: sbornik statei*, 503–506. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2004 (in Russian).
- Klimovich, L. *Islam v tsarskoi Rossii*. Moscow: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo Publ., 1936 (in Russian).
- Konev, A.Yu. "Vliyaniye religioznogo faktora na pravovoi status sibirskikh aborigenov (XVIII–XIX vv.)." In *Narodonaseleniye Sibiri: strategii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX v.): sbornik statei*, 303–319. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Kopylov, A.N. *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1978 (in Russian).

- Korusenko, S.N., and Marganova, F.F. “The Volost (District) as a Tool of Preserving the Identity of a Group (On the Example of Siberian Boukhartsy).” *Herald of Omsk University*, no. 2 (2016): 196–206 (in Russian).
- Liubichankovskii, S.V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddanykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt orenburgskogo kraia (seredina XIX – nachalo XX vv.)*. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU Publ., 2018 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A., and Efimenko, M.N. “The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th century).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (2020): 793–809 (in Russian).
- Lyubichankovsky, S.V. ed. *Imperskaia politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii): monografiia*. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU Publ., 2019 (in Russian).
- Makhmutov, Z.A. “The Spiritual and Educational Activities of the Tatars in the Kazakh Steppe in the Context of the Russian Empire’s Domestic Policy (Second Half of XVIII – the Beginning of XX Century).” *Samara Journal of Science* 6, no. 1 (2017): 113–117 (in Russian).
- Nam, I.V. “Tatarskie shkoly v dorevolutsionnom Tomske.” *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosedi (Natsional'no-kul'turnaya panorama Tomskoi oblasti)*, 73–86. Tomsk: TGU Publ., 2000 (in Russian).
- Poplavskaya, Kh.B. “Orthodox missionary activity in the Altai in the 1830–1860s: Certain Aspects of the Problem.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5 (1995): 99–109 (in Russian).
- Ragimova, P.F. “The National Policy of the Russian Government in the Late XIX – Early XX Centuries.” *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriiia, Pedagogika, Filologiiia = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, no. 5 (2010): 92–110 (in Russian).
- Rendashkina, A.N. “Stabilization of Interfaith Relations Between the Muslims and Christians as Relations Between the Tatars and Russians in Eastern Siberia.” *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 29 (2014): 28–36 (in Russian).
- Shershneva, E.A. “The relationship of Muslims with the Russian Orthodox Church in the 19th century in Altai.” *Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect*, no. 4 (2010): 264–273 (in Russian).
- Suvorova, N.G. “Spiritual and Secular Education of Muslim Nomads and the Newly-Baptised in the Context of the Colonization of the Steppe Region (Late XIX – Early XX Century).” *Herald of Omsk University*, no. 3 (2017): 262–270 (in Russian).
- Verniaev, I.I. *Ocherki istorii etnokonfessional'noi politiki v Rossii*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House Publ., 2017 (in Russian).
- Zemtsov, B.N. “Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries.” *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 21 (2019): 595–605 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

Информация об авторах / Information about the authors

П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, 656049, Россия, Барнаул, ул. Димитрова, 66; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

P.K. Dashkovskiy, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory for Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, 656049, Russia, Barnaul, Dimitrova St., 66; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Е.А. Шершнева, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66; D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

E.A. Shershneva, PhD in History, Associate Professor, the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, 656049, Russia, Barnaul, Dimitrova St., 66; D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56>

Научная статья / Research article

Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г.

Михаил Викторович Ходяков , Сунь Ичжи

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
 m.khodyakov@spbu.ru

Аннотация: В статье на основе сохранившихся в РГИА журналов Межведомственного совещания при правлении Китайско-Восточной железной дороги анализируются изменения, происходившие в ходе решения так называемого «китайского вопроса». Пик активности в данном направлении сначала царского, а затем Временного правительства пришелся на отрезок времени со второй половины 1916 г. и до осени 1917 г. Документы свидетельствуют о том, что труд завербованных китайских рабочих использовался во многих отраслях экономики. Но наибольшее значение он получил в железнодорожном строительстве. Военные действия, которые вела Россия, привели к замедлению процесса колонизации Дальнего Востока. В этих условиях прибытие в европейскую часть страны десятков тысяч китайских рабочих стало своеобразным отражением восточного направления внутренней и внешней политики России. Отношение к данному явлению в общественно-политических кругах претерпело изменение с момента формирования Временного правительства. Выступая продолжателем курса царизма в деле решения проблемы, связанной с кризисом рабочих рук, Временное правительство одновременно с этим пошло на ряд уступок китайской миссии в Петрограде. В частности, ее представителям была предоставлена возможность знакомиться с условиями труда и жизни китайских рабочих. Рост безработицы и протестных настроений в российском обществе в конечном итоге заставили Временное правительство незадолго до своего падения отказаться от транспортировки в Россию иностранных рабочих рук.

Ключевые слова: трудовая миграция, позднеимперская Россия, Первая мировая война, Февральская революция, экономическая политика

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ № 22-28-01350 «Колонизация Дальнего Востока и Маньчжурии в правительственных документах, публицистике и периодике России и Китая 1894–1920 гг.».

Для цитирования: Ходяков М.В., Ичжи С. Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 45–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56>

The Provisional Government and “Chinese Question” in Russia in 1917

Mikhail V. Khodjakov , Sun Yizhi

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 m.khodyakov@spbu.ru

Abstract: The article analyzes the changes that took place during the solution of the so-called ‘Chinese question’ on the basis of the journals of the Interdepartmental Consultation under the board of the Chinese Eastern Railway, which have been preserved in the Russian State Historical Archive.

© Ходяков М.В., Ичжи С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The peak of activity in this direction first of the tsarist government, and then of the Provisional government was from the second half of 1916 to the autumn of 1917. Documents show that the labor of recruited Chinese workers was used in many sectors of the economy. But the most important it received in the railway construction. Russia's military operations had slowed down the colonization of the Far East. Under these conditions, the arrival of tens of thousands of Chinese workers in the European part of the country became a peculiar reflection of the eastern direction of Russia's domestic and foreign policy. The attitude toward this phenomenon in social and political circles has changed since the formation of the Provisional Government. While pursuing the course of tsarism in solving the problem of the crisis of workers' hands, the Provisional Government simultaneously made a number of concessions to the Chinese mission in Petrograd. In particular, its representatives were given the opportunity to become acquainted with the working and living conditions of the Chinese workers. Rising unemployment and protest moods in Russian society eventually forced the Provisional Government, shortly before its fall, to abandon the transportation of foreign laborers to Russia.

Keywords: labor migration, late imperial Russia, World War I, Russian February Revolution, economic policy

Acknowledgements and Funding: The study was supported by the research grant No. 22-28-01350 “Colonization of the Far East and Manchuria in Russian and Chinese Government Documents, Journalism and Periodicals, 1894–1920” of the Russian Science Foundation.

For citation: Khodjakov, M.V., and Yizhi, Sun, “The Provisional Government and ‘Chinese Question’ in Russia in 1917.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 45–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56>

Введение

Вступление России в Первую мировую войну и мобилизации изъяли из национального хозяйства России свыше 15 млн чел. Около половины всех трудоспособных мужчин были призваны в армию¹. Довольно быстро экономика страны ощутила недостаток рабочей силы. Однако первые шаги для решения возникшей проблемы были сделаны лишь во второй половине 1915 г. На заседаниях Особого совещания по обороне государства – высшего военно-регулирующего органа, созданного в России в годы Первой мировой войны для мобилизации и милитаризации экономики – вопросы изыскания рабочей силы для предприятий, ориентированных в своей деятельности на военные нужды, обсуждались неоднократно. Так, 1 июня 1916 г. в ходе заседания Особого совещания было принято решение о создании специальной комиссии с участием представителей заинтересованных ведомств

для рассмотрения вопросов об обеспечении обслуживающих оборону предприятий рабочей силой, в частности о применении труда желтой расы, инородцев и военнопленных и о возвращении на предприятия призванных в войска рабочих².

Согласно высочайшему повелению от 25 июня 1916 г. для работ на оборону страны также привлекалось инородческое население ряда губерний и областей³. Начиная с 1916 г., с целью смягчения кризиса рабочей силы активно осуществлялась транспортировка в Россию китайских рабочих.

Исследователи, занимавшиеся изучением экономической политики Временного правительства в советское время, по ряду причин не уделяли серьезного внимания «китайской проблеме». Так, З. Лозинский, указывая на существование при министерстве труда (возглавляемого лидерами меньшевиков М.И. Скобелевым и К.И. Гвоздевым) Особого комитета, занимавшегося предварительным обсуждением

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4.

² Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. Т. 2. 1916 / под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. М., 2013. С. 298.

³ Там же. С. 742.

законодательных мероприятий в области рабочей политики, обошел стороной вопрос о китайских рабочих, акцентируя внимание на «кущей программе» эсеров и меньшевиков, капитулировавших в отношении политической власти буржуазии⁴. Даже в фундаментальном труде П.В. Волобуева, посвященном различным аспектам экономической политики Временного правительства, «китайская проблема» не была затронута, уступив место вопросам организации экономического регулирования, падению производительности труда, безработице и ряду других сюжетов⁵.

В новейшее время ситуация изменилась. «Китайский вопрос» нашел отражение в ряде работ А.И. Петрова, В.Г. Дацышена, А.Г. Ларина и других авторов, которые опираясь на широкий круг архивных материалов, охарактеризовали процесс организации китайской трудовой эмиграции в годы Первой мировой войны, показали особенности правового положения китайцев в военное время, условия их найма и доставки, роль в российском сельском хозяйстве и торговле⁶.

Однако вопрос о том, как нараставшие революционные события, последовавшее падение монархии и приход к власти Временного правительства отразились на решении «китайской проблемы», на наш взгляд, исчерпывающего освещения в литературе не получил. Согласно распространенной версии, представленной в трудах авторитетных отечественных историков, Временное правительство в июле 1917 г. «ввиду изменившихся условий жизни русского общества» приняло решение о прекращении ввоза в страну китайских рабочих⁷. Такая оценка представляется нам не в полной мере соответствующей действительности, поскольку различные министерства Временного правительства далеко не всегда с достаточной степенью эффективности координировали свою деятельность, а в ряде случаев пытались проводить в жизнь особую линию, отстаивая ведомственные интересы.

Среди авторов нет единого мнения даже относительно численности китайцев в России в 1917 г. Известный исследователь проблемы А.И. Петров, определяя их общую численность только на Дальнем Востоке, называл цифру 150–200 тыс. чел.⁸ А.Г. Ларин, говоря о количестве китайцев на территории российского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны, писал о 200–250 тыс. чел.⁹ Нет единства и в вопросе о том, сколько китайских рабочих было завербовано для работы в России. Подсчеты колеблются в диапазоне от 100 тыс. до 500 тыс. чел.¹⁰ По нашим подсчетам, основанным на материалах правления Общества Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в Европейскую часть России в 1916–1917 гг. из Харбина прибыло менее 70 тыс. китайцев¹¹.

Отметим, что вопрос о китайских рабочих в России в 1917 г. был затронут и в трудах китайских исследователей, опубликовавших значительный массив архивных документов. Уже в 1960-х гг. на Тайване в редакции Института Новой истории Академии Синика (中央研究院近代史研究所) увидела свет серия сборников «Ис-

⁴ Лозинский З. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929. С. 47–108, 184–196.

⁵ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

⁶ Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003. С. 577–640; Дацышен В.Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 99–104; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 8–26; Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30 и др.

⁷ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 69.

⁸ Петров А.И. История китайцев в России... С. 596.

⁹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 26.

¹⁰ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67; Петров А.И. История китайцев в России... С. 199.

¹¹ Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию. С. 23–24.

торические источники по китайско-русским отношениям (中俄關係史料)», где вопрос о китайских рабочих в 1917 г. был частично затронут¹².

В 2016 и 2021 гг. исследователь Хэйхэского института (黑河学院) Нин Яньхун (宁艳红) опубликовала сборники архивных документов о китайцах в России, где часть документов относится к проблеме китайских рабочих в России в 1917 г.¹³ С 2018 г. был начат научный проект общенационального значения «Исследование по китайским рабочим и Первой мировой войне (华工与一战研究)» под руководством Института Новой истории Китайской академии общественных наук (中国社会科学院近代史研究所). Руководитель русской части данного проекта Чэнь Кайкэ (陈开科) выявил большое количество документов в российских архивах. Проект предполагается завершить в 2024 г., к 110-й годовщине начала Первой мировой войны. Результатом проекта станет четырехтомная монография «Исследование по китайским рабочим и Первой мировой войне», а также многотомный сборник материалов (около 100 томов).

Классическим трудом, в котором значительное место уделено китайским рабочим в 1917 г., стала монография Ли Юнчана (李永昌) «Китайские рабочие в России и Октябрьская революция (旅俄华工与十月革命)», где автор подробно проанализировал участие китайских рабочих в революционном движении, начиная с Февральской революции вплоть до событий Гражданской войны 1917–1922 гг.¹⁴

О китайских рабочих в России в 1917 г., русско-китайских отношениях, истории КПК и Гоминьдана писали многие крупные китайские ученые, в том числе Ли Юйчжэнь (李玉贞), Сюэ Сяньтянь (薛衍天), Чжан Цзяньхуа (张建华) и др.¹⁵ Однако большинство работ китайских исследователей были посвящены участию китайских рабочих в революционном движении 1917 г. Политика Временного правительства

¹² 中俄關係史料 中華民國六年至八年 俄政變與一般交涉 [Исторические источники по китайско-русским отношениям, 1917–1919 гг., русский политический переворот и обычные сношения] / под ред. 中央研究院近代史研究所 (Институт Новой истории Академии Синика): в 2-х тт. Тайбэй, 1960.

¹³ 旅俄华侨史料汇编 [Сборник исторических источников по истории китайцев в России] / под ред. 宁艳红 (Нин Яньхун). Харбин, 2016; 旅俄华侨史料汇编增补 [Дополнение к Сборнику исторических источников по истории китайцев в России] / под ред. Нин Яньхун. Пекин, 2021.

¹⁴ 李永昌 [Ли Юнчан]. 旅俄华工与十月革命 [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция]. Шицзячжуан, 1988.

¹⁵ 李显荣 [Ли Сяньжун]. 旅俄华工与十月革命 [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция] // 历史教学 [Историческое образование]. 1979. № 11. С. 42–44; 李玉贞 [Ли Юйчжэнь]. 十月革命前后的旅俄华人组织及其活动 [Деятельность организаций китайцев в России накануне и после Октябрьской революции] // 吉林大学社会科学学报 [Вестник Цзилинского университета, общественные науки]. 1981. № 5. С. 22–30; 李永昌 [Ли Юнчан]. 十月革命前夕的旅俄华工 [Китайские рабочие в России накануне Октябрьской революции] // 世界历史 [Всемирная история]. 1987. № 5. С. 93–102; 薛衍天 [Сюэ Сяньтянь], 李玉贞 [Ли Юйчжэнь]. 旅俄华人共产党组织及其在华建党问题 [Коммунистические организации китайцев в России и проблема создания партии в Китае] // 近代史研究 [Исследование Новой истории]. 1989. № 5. С. 151–176; 王晶 [Ван Цин]. 旅俄华工与俄属远东地区的经济开发 [Китайские рабочие в России и экономическое освоение русского Дальнего Востока] // 西伯利亚研究 [Исследование Сибири]. 1996. № 4. С. 52–57; 郭渊 [Го Юань]. 旅俄华工接受和传播马列主义过程的历史考察 [Историческое наблюдение по принятию и распространению марксизма-ленинизма у китайских рабочих в России] // 西伯利亚研究 [Исследование Сибири]. 2007. № 5. С. 60–63; 张建华 [Чжан Цзяньхуа]. 旅俄华工与十月革命前后中国形象的转变 [Китайские рабочие в России и изменение китайского имиджа накануне и после Октябрьской революции] // 学习与探索 (Учение и изыскание). 2009. № 1. С. 228–233; 王佳 [Ван Цзя], 鲁京京 [Лу Цзинцзин]. 浅析旅俄华人华工在俄国革命中的贡献 [О вкладе китайцев и китайских рабочих в России в русскую революцию] // 黑河学院学报 [Вестник Хэйхэского института]. 2021. № 4. С. 158–169 и др.

в отношении «китайского вопроса» через призму миграционных процессов и влияния на экономику в них практически не рассматривалась. Данная статья призвана в определенной степени восполнить этот пробел.

«Китайский вопрос» накануне свержения монархии

Первоначально условия применения в империи труда «рабочих желтой расы» были определены правилами от 4 апреля 1916 г. Однако острая нехватка рабочих рук уже спустя полгода заставила их скорректировать. Новые правила о найме и перевозке китайских рабочих были высочайше утверждены 27 сентября 1916 г. Их содержание зафиксировано в особом журнале Совета министров 5 августа и 6 сентября 1916 г. При этом определялись новые условия найма и перевозки рабочих по железным дорогам, водным и грунтовым путям. Китайцам разрешалось находиться к западу от озера Байкал «за исключением района военных действий»¹⁶. Одним из инициаторов пересмотра существующих правил об условиях применения в империи труда рабочих желтой расы стал министр земледелия граф А.А. Бобринской. Данный вопрос рассматривался на МеждудеPARTMENTAL совещании, функционировавшим первоначально при Министерстве земледелия. В ходе заседания 21 июля 1916 г. под председательством товарища министра земледелия А.А. Риттиха, в присутствии товарища председателя правления Общества КВЖД тайного советника А.Н. Вентцеля, управляющего КВЖД генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата и ряда других чиновников высокого ранга прозвучала мысль о возможности перевезти за год Сибирским путем «не более 150-200 тысяч китайских рабочих»¹⁷. 29 июля 1916 г. А.А. Бобринской подписал направленное в Совет министров обращение о пересмотре действовавших правил ввоза в Россию иностранной рабочей силы¹⁸.

Поскольку организация найма китайских рабочих с этого момента возлагалась не на МеждудеPARTMENTAL совещание при Министерстве земледелия, а на управление КВЖД, то для практического решения возникавших вопросов учреждалось МеждудеPARTMENTAL совещание при правлении КВЖД. Отложившиеся в Российском государственном историческом архиве журналы заседаний этого МеждудеPARTMENTAL совещания в полной мере не введены в научный оборот, несмотря на то что они дают представление как о потребности в рабочей силе, возникавшей в различных регионах России, так и о тех отраслях экономики, где к 1917 г. недостаток рабочих рук ощущался наиболее остро. В состав совещания были делегированы представители от целого ряда министерств: военного, земледелия, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности государственного контроля, финансов¹⁹. Вел заседания, как правило, товарищ председателя правления Общества КВЖД А.Н. Вентцель.

Первое заседание нового МеждудеPARTMENTAL совещания состоялось 12 октября 1916 г. До этого в финансовой комиссии совещания рассматривались вопросы, которые требовали своего обсуждения и решения²⁰. В результате совещание признало необходимым отпустить в распоряжение Переселенческого управления до конца 1916 г. «авансом под отчет» 61,5 тыс. руб. на расходы, связанные с перевозкой китайских рабочих²¹.

¹⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год / отв. сост. Б.Д. Гальперина. М., 2008. С. 422–425.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 830. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 15–16.

¹⁹ Там же. Л. 375.

²⁰ Там же. Д. 831. Л. 1 об. – 2.

²¹ Там же. Д. 830. Л. 308–308 об.

1 ноября 1916 г. состоялось очередное, второе по счету, Междуведомственное совещание о применении в российской экономике китайского труда. В ходе заседания была озвучена потребность Управления по сооружению железных дорог в китайских рабочих на 1917 г. – 19 650 чел. Но в это количество не вошли данные о потребности Кольчугинской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог. Потребности первой составили 200 чел., а второй – 9 020 чел., в том числе 150 чернорабочих, 8 040 землекопов, 630 каменщиков и 200 плотников²². Совещание высказалось за транспортировку из Китая 29 405 рабочих, в том числе для Черноморской линии железных дорог – 5 000 чел. и столько же для линии Мга – Волхов – Рыбинск²³.

На протяжении второй половины 1916 – первой половины 1917 г. правление КВЖД, Междуведомственное совещание, Переселенческое управление, Министерство земледелия были засыпаны письмами и телеграммами с мест, содержавшими просьбы сообщить о том, на каких условиях нанимают китайцев, «в каких русских хозяйствах уже пользовались их трудом»²⁴. Уездные управы просили выслать им «Правила о найме желтых рабочих»²⁵ для использования на сельскохозяйственных работах. Между тем высочайше утвержденные правила о найме китайских рабочих были общедоступны, поскольку публиковались в «Правительственном вестнике» (12 октября) и в Собрании узаконений и распоряжений правительства (8 ноября 1916 г.)²⁶.

Серьезные затруднения в вопросах найма китайских рабочих обозначились в октябре – декабре 1916 г.²⁷ В ходе очередного заседания Междуведомственного совещания, состоявшегося 16 декабря 1916 г., был утвержден список предприятий, ходатайствующих о ввозе китайских рабочих. Правда, это не сняло сомнений в возможности реализации решения, принятого на совещании в ноябре, о дополнительной перевозке в Россию 30 тыс. китайцев²⁸. Предполагалось, что решить этот вопрос поможет увеличение финансирования. В ходе очередного Междуведомственного совещания 16 января 1917 г. был поддержан проект представления в Совет министров об отпуске средств в распоряжение управления КВЖД и Переселенческого управления в размере 132 100 руб.²⁹

На упрощение въезда в Россию китайских рабочих были направлены изменения в правилах найма и перевозки «рабочих желтой расы», зафиксированные в Особом журнале Совета министров 23 ноября и 20 декабря 1916 г. В частности, уточнялось содержание двух статей. Одна из них (ст. 3) освобождала «от выборки» русские паспорта, которые заменялись для китайских рабочих либо национальными паспортами, визированными в Харбинском Генеральном консульстве, либо особыми свидетельствами на въезд в Россию, выдаваемыми местными российскими консульствами. Другая статья (ст. 10) предусматривала перед отправкой в Россию изъятие у рабочих и пересылку на место следования национальных паспортов и консульских свидетельств. Староста группы получал одно проходное свидетель-

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 838. Л. 41–41 об.

²³ Там же. Д. 830. Л. 458; Исследователи неоднократно отмечали то значение, которое накануне и в ходе начавшейся Первой мировой войны железные дороги играли с точки зрения значения перевозки грузов и людских ресурсов. См., напр.: *Богомазов Н.И.* Варшавско-Венская железная дорога в условиях военных действий на русском фронте (лето – осень 1914 года) // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 274–296. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.201>

²⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 838. Л. 59, 73, 75, 112, 120, 144.

²⁵ Там же. Л. 64–66, 76.

²⁶ Там же. Л. 77.

²⁷ Там же. Л. 54, 73, 80, 91, 93, 95–96, 100, 102.

²⁸ Там же. Л. 107.

²⁹ Там же. Д. 833. Л. 152 об. – 153.

ство, в котором перечислялись все перевозимые рабочие³⁰. Форма консульских свидетельств для китайских рабочих была одобрена в ходе Межведомственных совещаний 16 и 30 декабря 1916 г. Фотографическая карточка к свидетельству не прилагалась³¹.

Проблема занятости обсуждалась на заседании Особого Совещания по обороне 11 февраля 1917 г., где в очередной раз встал вопрос об отсрочках от призыва рабочих, занятых на вынужденно бездействующих заводах. По мнению представителя Центрального военно-промышленного комитета, к моменту возобновления деятельности остановившихся заводов «перед ними с еще большей, чем в настоящее время, остротой встанет вопрос о недостатке рабочих рук». Совещание присоединилось к предложению рассмотреть эти вопросы в комиссии по обеспечению рабочей силой обслуживающих оборону предприятий³².

«Китайский вопрос» и попытки его решения в 1917 году

Заседания Межведомственного совещания, в ходе которых рассматривались вопросы использования труда китайцев, проходили и после свержения монархии в России. Так, на заседании 20 марта 1917 г. было решено разрешить учреждениям и предприятиям, представившим ходатайства о выписке китайских рабочих, нанять необходимое для них количество «не предрешая вопроса о возможности своевременно вывезти их»³³. При этом правление Общества КВЖД информировало участников совещания о возможностях дороги. Желание ввезти в Россию «в общей сложности до 50 000 человек» входило в противоречие с пропускной способностью дороги, которая была готова осуществлять транспортировку лишь 3–4 тыс. чел. в месяц³⁴. При этом управление КВЖД выступало за введение специального сбора с нанимателя «не менее 3 рублей за нанятого рабочего желтой расы», который поступал бы в управление дороги и передавался казне³⁵. На этом заседании был рассмотрен новый список учреждений, представивших ходатайства о ввозе в 1917 г. в общей сложности 30 тыс. 205 рабочих: Копорская железная дорога – 2 тыс. 500 чел., Московско-Киево-Воронежская – 9 тыс. чел., Бессарабские железные дороги – 3 тыс. чел. и т.д. Свои интересы отстаивали и отдельные крупные предприниматели. Так, торгово-промышленное товарищество П.М. Рябушинских с сыновьями планировало получить из Китая 1 тыс. чел. рабочих³⁶. 21 марта 1917 г. в Харбин направился инженер Лурье для найма 2 тыс. 500 китайцев для нужд Копорской железной дороги. 22 марта для строительства военной железной дороги Батум-Трапезунд управление по постройке направило своих агентов для найма в апреле-мае 1917 г. 10 тыс. китайцев³⁷.

В ходе заседания Межведомственного совещания 20 марта 1917 г. были удовлетворены поступившие просьбы на получение дополнительной рабочей силы из Китая, кроме ходатайства Мурманской железной дороги, просившей о выписке дополнительно 10 тыс. китайцев. Члены совещания в тот момент решили, что труд китайцев на Мурмане «совершенно не применим, вследствие климатических условий, вызывающих среди китайцев массовую заболеваемость». При этом важным аргументом стало упоминание факта, что тяжелое положение китайских рабочих на

³⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи... С. 601–602.

³¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 831. Л. 323 об.

³² Журналы Особого Совещания. Т. 3. 1917–1918. С. 134.

³³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 838. Л. 153.

³⁴ Там же. Д. 833. Л. 113.

³⁵ Там же. Л. 113 об.

³⁶ Там же. Л. 115, 119; Д. 838. Л. 145, Л. 149–149 об.

³⁷ Там же. Д. 838. Л. 153, 160.

этой линии будто бы «компрометирует общее дело использования желтого труда в России»³⁸.

Особое мнение по данному вопросу высказал глава хозяйственного отдела управления по сооружению железных дорог инженер Е.К. Чижов. Он привел данные о заболеваемости рабочих на строительстве Мурманской железной дороги: для русских рабочих – до 15 %, для китайцев – 25 %, для военнопленных – до 80 %. Исходя из этого, по его мнению, не было никаких оснований считать, что труд китайцев не может быть здесь использован, и что они якобы не могут приспособиться к климатическим условиям региона. Чижов предлагал при этом в связи с выявившейся необходимостью нанять на текущий сезон до 20 тыс. рабочих³⁹. Заработная плата китайских рабочих на строительстве Мурманской железной дороги с 1 августа 1916 г. была повышена, составив 2 руб. 40 коп. в день (или 60 руб. в месяц). Русские рабочие получали на тех же работах 70 руб. в месяц и дополнительно к этому 10 руб. премии⁴⁰. К марту 1917 г. на строительстве Мурманской дороги оставалось занято 3 тыс. 500 китайских рабочих, которых постепенно отправляли на родину⁴¹.

Условия работы китайских и русских рабочих на Мурмане были схожи. Вместе с тем генерал для поручений главнокомандующего армиями Северного фронта, незадолго до этого командированный для проверки состояния партии рабочих китайцев, доносил:

Одежда китайцев полевого строительства для зимнего и весеннего времени холодна, [...] теплых портянок нет, рукавицы негодны, много замороженных и битых ног. Пища китайцев скудная, живут впроголодь и оплачивают заработной платой зимнюю одежду и довольствие... Возбуждение китайцев против администрации высокое; они представляют опасный элемент и можно ожидать насилия...⁴²

На очередном заседании Междуведомственного совещания, которое состоялось 25 апреля 1917 г., решение предыдущего заседания, касавшееся использования китайцев на строительстве Мурманской железной дороги, было пересмотрено. По просьбе Министерства путей сообщения совещание «признало возможным не возражать против дальнейшего найма китайцев для нужд Мурманской железной дороги, с тем, однако, условием, чтобы китайцы перед отправкой были осведомлены об условиях жизни и труда в районе названной железной дороги»⁴³.

Однако процедуру найма, которая, как могло показаться, теперь должна была проходить гораздо быстрее, осложнял международный фактор – китайский посланник в Петрограде не имел возможности ознакомиться через представителей вверенной ему миссии с положением рабочих-китайцев на местах их работ⁴⁴. Междуведомственное совещание заявляло о том, что представлялось бы

полезным оказать китайской миссии в Петрограде содействие к ознакомлению на местах, согласно ее пожеланию, с условиями жизни и работы вывезенных в Россию китайцев-рабочих⁴⁵.

Однако в Особом журнале Совета министров от 23 ноября и 20 декабря 1916 г., утвержденном Николаем II 18 января 1917 г., было отражено решение воз-

³⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 833. Л. 116.

³⁹ Там же. Л. 117 об.

⁴⁰ Там же. Л. 169 об.

⁴¹ Там же. Л. 125.

⁴² Там же. Л. 54–54 об.

⁴³ Там же. Л. 220 об. – 221.

⁴⁴ Там же. Л. 111 об.

⁴⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи... С. 602.

держаться от этого шага⁴⁶. По словам китайского посланника в Петрограде Лю Цзинжэня (劉鏡人), в связи с повсеместным истязанием китайских рабочих в России он неоднократно направлял ноты царскому правительству, однако никаких существенных эффектов от этих нот не было⁴⁷.

Весной 1917 г. ситуация изменилась. 2 апреля Лю Цзинжэнь встретился с П.Н. Милоковым. Министр иностранных дел России выразил искреннюю благодарность на признание Китаем Временного правительства. В ходе встречи Лю сделал особый акцент на ужасном положении китайских рабочих в России. В ответ на это П.Н. Милоков обещал ему, что русское правительство «существенно улучшит [положение китайских рабочих]»⁴⁸.

Из сообщения китайской миссии в Петрограде следовало, что число китайцев в Европейской части России в марте – апреле 1917 г. доходило до 70–80 тыс. чел., а из 12 тыс. чел., занятых на строительстве Мурманской железной дороги, «несколько тысяч умерло»⁴⁹.

В мае 1917 г. Временное правительство планировало совместно с китайской миссией решить рабочую проблему⁵⁰. Так, китайские представители наконец получили возможность ознакомиться с условиями труда китайских рабочих. В начале лета 1917 г. инженер Министерства путей сообщения Л.Н. Розенгарт сопровождал китайскую делегацию в поездке по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге для ознакомления с положением работающих там китайцев. В ходе поездки, согласно российским отчетам, выяснилось, что предвзятого отношения к китайцам со стороны администрации дороги не наблюдалось. Их жилье было таким же, как и у русских рабочих, размер заработной платы нареканий не вызывал. Отмечались лишь недочеты «в отношении питания»⁵¹.

Отчетливо понимая непрочность режима Временного правительства и его полное равнодушие в вопросе улучшения положения китайских рабочих, китайская миссия во главе с Лю Цзинжэнем планировала использовать обстановку подъема «рабочей партии России (俄工黨)»⁵² и вынудить Временное правительство согласиться с требованием китайцев. Так, уже 16 мая 1917 г. МИД Пекинского правительства получило телеграмму от Лю Цзинжэня, в которой говорилось:

[Заметен] подъем рабочей партии России, как раз время для изменения в правилах защиты [китайских] рабочих. [Нужно] много требовать [от русских] зарплату и права, чтобы [положение китайских рабочих] было как у русских рабочих⁵³.

29 мая 1917 г. МИД получило новую телеграмму от Лю Цзинжэня, где он отмечал, что уже начал контактировать с руководителем «рабочей партии России»⁵⁴ через Лю Цзэжуна (劉澤榮), выпускника физико-математического фа-

⁴⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи... С. 602.

⁴⁷ [Исторические источники по китайско-русским отношениям...] Т. 1. С. 103.

⁴⁸ Там же. С. 77.

⁴⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 833. Л. 174–174 об.

⁵⁰ Исторические источники по китайско-русским отношениям, 1917–1919 гг., русский политический переворот и обычные сношения. Т. 1. С. 95.

⁵¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 834. Л. 256.

⁵² Имеется в виду РСДРП.

⁵³ [Исторические источники по китайско-русским отношениям...] Т. 1. С. 96.

⁵⁴ Издание «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. В 12 т. Т. 4. Март – октябрь 1917 г.» (М., 1973) не содержит упоминания о встрече В.И. Ленина в 1917 г. с кем-либо из китайских представителей.

культета Петербургского университета, председателя Союза китайцев в России (中華旅俄聯合會)⁵⁵.

Поток китайских рабочих в Россию тем временем не прекращался. 12 мая 1917 г. министр иностранных дел М.И. Терещенко подписал и направил «на благоусмотрение Временного правительства» документ, в котором ставил вопрос о выделении чрезвычайного сверхсметного кредита на возмещение затраченных управлением КВЖД и Пересылочным управлением средств для организации санитарного надзора за следующими в Россию рабочими желтой расы⁵⁶.

Одним из наиболее последовательных противников использования в России труда «рабочих желтой расы» выступало Министерство труда. М.И. Скобелев, заняв в мае 1917 г. министерский пост, высказался «о желательности воспрепятствования ввоза рабочих-иностранцев»⁵⁷. 30 июня 1917 г., в ходе Межведомственного совещания представитель министерства просил воспрепятствовать ввозу китайских рабочих в страну. Его слова противоречили тому курсу, который проводило правительство – использование китайского труда «для удовлетворения громадного недостатка в рабочих руках в правительственных и общественных учреждениях, работающих на нужды государства и обороны». Среди доводов Министерства труда о необходимости запрета ввоза китайцев фигурировали: рост безработицы из-за сокращения военных заказов; «столкновения и эксцессы на почве конкуренции»; низкая оплата китайского труда по сравнению с оплатой труда русских рабочих⁵⁸. С поддержкой представителя Министерства труда выступило МВД. Однако большинство членов совещания высказались за то, чтобы обсудить этот вопрос с «главными потребителями желтого труда» – представителями Министерства торговли и промышленности, а также Министерства путей сообщения, которые на заседании отсутствовали⁵⁹.

Наряду с правительственными структурами в разрешении острого вопроса приняли участие Советы рабочих и солдатских депутатов – Петроградский и Харбинский. Информация, озвученная на Межведомственном совещании, свидетельствовала о том, что после телеграммы из Петрограда Харбинский исполком 4 августа 1917 г. принял решение прекратить отправку в Россию «законтрагованных китайских рабочих», объясняя это

нежелательностью скопления в России массы рабочих-китайцев, могущих своей неорганизованностью понижать заработную плату русских рабочих и вызывать безработицу...⁶⁰

23 августа 1917 г. управляющий Министерством путей сообщения (МПС) информировал министра финансов «по вопросу о ввозе китайских рабочих». В МПС отношение к проблеме оказалось не столь однозначным, как в Министерстве труда. Отвечая на запросы Министерства финансов от 19 июля и 11 августа 1917 г., управляющий МПС писал о том, что в результате опросов местных железнодорожных управлений на предмет количества «требующихся китайцев» выяснилось следующее:

⁵⁵ [Исторические источники по китайско-русским отношениям...] Т. 1. С. 103–104; Союз китайцев в России – общественная организация, созданная в апреле 1917 г. в Петрограде. Союз играл большую роль в защите интересов и прав китайских рабочих в России.

⁵⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 834. Л. 38–39.

⁵⁷ Там же. Л. 226.

⁵⁸ Там же. Л. 253 об.

⁵⁹ Там же. Л. 256.

⁶⁰ Там же. Л. 226.

Потребности в привлечении значительного количества китайцев для надобностей Министерства ПС не будет⁶¹.

Такое положение дел объяснялось окончанием строительного сезона. Одновременно с этим управление Северных железных дорог заявляло, что без привлечения китайских рабочих «обойтись не может». Дорога предполагала нанять 2000 китайских рабочих «до 1 ноября 1917 г.». Более того, вывод МПС был однозначен: даже учитывая малую продуктивность китайского труда, большинство учреждений МПС отказываться от использования китайцев не предполагало⁶².

Стремясь разрешить насущный вопрос, Министерство труда обратилось в Междуведомственное совещание, где заручилось поддержкой военного министерства и МВД, а также достигло взаимопонимания с представителями МПС, Министерства торговли и промышленности, которые не возражали против запрета «дальнейшего ввоза китайских рабочих в Россию». В итоге 12 сентября 1917 г. управляющий Министерством финансов М.В. Бернацкий на основании обращения Министерства труда подготовил соответствующее представление, которое рассматривалось в ходе заседания Временного правительства 19 сентября, где было решено «прекратить ввоз в Россию китайских рабочих»⁶³.

Выводы

Анализ сохранившихся журналов заседаний Междуведомственного совещания при правлении КВЖД свидетельствует о том, что Временное правительство в «китайском вопросе» по сути дела следовало путем царского режима. Оно продолжало транспортировку в Россию китайских рабочих, но при этом вынуждено было учитывать настроения как в пролетарских, так и в промышленных кругах. Междуведомственное совещание при правлении КВЖД пыталось согласовывать интересы различных Министерств: военного, внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, труда, путей сообщения. Многие руководители ключевых ведомств сходились во мнении о необходимости прекращения использования «желтого труда», который не мог решить экономических проблем страны. Несмотря на это, заявки и просьбы о поставке китайских рабочих для нужд промышленности и сельского хозяйства продолжали поступать с мест до поздней осени 1917 г. (так, Министерство путей сообщения вынуждено было признать, что без использования иностранной рабочей силы ряд железных дорог не мог эффективно функционировать).

Поступила в редакцию / Submitted: 12.10.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.01.2022

References

- Bogomazov, N.I. “The Warsaw-Vienna Railway during Battles on the Russian Front (Summer – Autumn 1914).” *Modern History of Russia*, 10, no. 2 (2020): 274–296. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.201> (in Russian).
- Datsyshen, V.G. “Kitaiskaia trudovaia migratsiia v Rossii. Maloizvestnye stranitsy istorii.” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5 (2008): 99–104 (in Russian).
- Dodonov, B.F., ed. *Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 g.*, vol. 4. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).

⁶¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 834. Л. 251.

⁶² Там же. Л. 251 об.

⁶³ Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 г. В 4 т. Том 4. Сентябрь – октябрь 1917 года / отв. ред. и сост. Б.Ф. Додонов. М., 2004. С. 156.

- Gal'perina, B.D., ed. *Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1916 god.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Guo Yuan. “Lv e hua gong jie shou he chuan bo ma lie zhu yi guo cheng de li shi kao cha [Historical Review on the adoption and dissemination of Marxism-Leninism among the Chinese workers in Russia].” *Xi bo li ya yan jiu*, no. 5 (2007): 60–63 (in Chinese).
- Khodjakov, M.V., and Zhiqing, Zhao. “Chinese Labor Migration to Russia during the First World War.” *Modern History of Russia*, no. 1 (2017): 7–30 (in Russian).
- Korelin, A.P., and Gruzinov, A.S., ed. *Zhurnaly Osobogo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob"edineniya meropriyatiy po oborone gosudarstva (Osoboe Soveshchanie po oborone gosudarstva). 1915–1918.* In 3 vols. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013 (in Russian).
- Larin, A.G. *Kitaiskie migranty v Rossii. Istorii i sovremennost'.* Moscow: Vostochnaia kniga Publ., 2009 (in Russian).
- Li, Xianrong, “Lv e hua gong yv shi yue ge ming [The Chinese workers in Russia and the October Revolution].” *Li shi jiao xue*, no. 11 (1979): 42–44 (in Chinese).
- Li, Yongchang, *Lv e hua gong yv shi yue ge ming* [The Chinese workers in Russia and the October Revolution]. Shijiazhuang: Hebei educational Publ., 1988 (in Chinese).
- Li, Yongchang, “Shi yue ge ming qian xi de lv e hua gong [The Chinese workers in Russia on the eve of the October Revolution].” *Shi jie li shi*, no. 5 (1987): 93–102 (in Chinese).
- Li, Yvzhen, “Shi yue ge ming qian hou de lv e hua ren zu zhi ji qi huo dong [The Chinese organizations in Russia and their activities before and after the October Revolution].” *Ji ling da xue she hui ke xue xue bao*, no. 5 (1981): 22–30 (in Chinese).
- Lozinskii, Z. *Ekonomicheskaiia politika Vremennogo pravitel'stva.* Leningrad: Priboi Publ., 1929 (in Russian).
- Ning, Yanhong, ed. *Lv e hua qiao shi liao hui bian* [The historical materials of the Chinese diaspora in Russia]. Harbin: Harbin educational Publ., 2016 (in Chinese).
- Ning, Yanhong, ed. *Lv e hua qiao shi liao hui bian zeng bu* [Additions to the historical materials of the Chinese diaspora in Russia]. Beijing: Chinese Social Science Publ., 2021 (in Chinese).
- Petrov, A.I. *Istoriiia kitaitsev v Rossii, 1856–1917 gody.* St. Petersburg: Beresta Publ., 2003 (in Russian).
- Volobuev, P.V. *Ekonomicheskaiia politika Vremennogo pravitel'stva.* Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1962 (in Russian).
- Wang, Jia, and Lu, Jingjing, “Qian xi lv e hua ren hua gong zai e guo ge ming zhong de gong xian [Contribution of the Chinese and Chinese workers in Russian Revolutions].” *He hei xue yuan xue bao*, no. 4 (2021): 158–169 (in Chinese).
- Wang, Jing, “Lv e hua gong yv e shu yuan dong di qu de jing ji kai fa [The Chinese workers in Russia and economic development of the Russian Far East].” *Xi bo li ya yan jiu*, no. 4 (1996): 52–57 (in Chinese).
- Xue, Xiantian, and Li, Yvzhen. “Lv e hua ren gong chan dang zu zhi ji qi zai hua jian dang wen ti [The communist organizations of Chinese in Russia and the problem of their party building in China].” *Jing dai shi yan jiu*, no. 5 (1989): 151–176 (in Chinese).
- Zhang, Jianhua. “Lv e hua gong yv shi yue ge ming qian hou zhong guo xing xiang de zhuan bian [The Chinese workers in Russia and changing of the Chinese image on the eve and after the October Revolution].” *Xue xi yv tan suo*, no. 1 (2009): 228–233 (in Chinese).

Информация об авторах / Information about the authors

М.В. Ходяков, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, m.khodyakov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

M.V. Khodjakov, Dr. habil. hist., Dr., Professor, Head of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint-Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russia; m.khodyakov@spbu.ru <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

С. Ичжи, лаборант-исследователь кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; yizhisun961203@gmail.com

S. Yizhi, Associate Researcher of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russia; yizhisun961203@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>

Научная статья / Research article

Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг.

Владимир Григорьевич Дацышен

Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева,

Красноярск, Россия

✉ generalhistory2005@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам истории китайского населения в приграничном с Китаем регионе Восточной Сибири в 30-х гг. XX в. Приграничный регион обусловил специфику формирования китайского населения, а возвращение в 1930-е гг. Забайкалья из Дальнего Востока в Сибирь усилило особенности развития китайской общины в регионе, нераспространение на нее «дальневосточной национальной политики». Особенности развития китайской общины в Забайкалье в 1930-х гг. были обусловлены полным закрытием государственной границы с Маньчжурией и появлением государственного образования Маньчжоу-Го, имевшего наряду с Китайской Республикой своих официальных представителей в Чите. В начале 1930-х гг. численность китайского населения в Забайкалье достигла максимума, и в Читинской области его доля по отношению к общему числу населения сравнялась с дальневосточными регионами. В 1930-х гг. условия труда и жизни большинства китайских рабочих были тяжелыми, они сталкивались с дискриминацией, слабо были адаптированы в социально-политические реалии «сталинской системы». Советские реалии 1930-х гг. обусловили активную политику большевиков в отношении китайцев, направленную на их идейно-политическое перевоспитание и улучшение условий жизни и работы. Во второй половине 1930-х гг. политика в отношении китайского населения изменилась, вопросы политико-просветительной работы и развития «советской китайской» культуры потеряли актуальность. Китайцы стали восприниматься как нелояльная советской власти национальная община, реальные или потенциальные агенты Японии и гоминьдановского Китая. С 1936 г. начались «разоблачения» китайских шпионов, а в 1937–1939 гг. советские китайцы, как одна из наименее защищенных от произвола советских спецслужб и карательных органов национальная община, сильно пострадали от политических репрессий. В конце 1930-х гг. численность китайцев в Забайкалье сократилась почти на треть, но здесь, в отличие от приграничных районов Дальнего Востока, их массового выселения не произошло.

Ключевые слова: Забайкалье, русско-китайское приграничье, советские китайцы, политика большевиков в отношении китайцев, политические репрессии

Для цитирования: Дацышен В.Г. Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>

The Chinese Population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s

Vladimir G. Datsyshen

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
KSPU named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia
✉ generalhistory2005@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the history of the Chinese population in the East Siberian border region with China, Transbaikal, in the 1930s. The particular position of this border region determined the specific formation of this Chinese population. The transfer of the Transbaikal region from the Far Eastern region back to the administrative unit of Siberia in the 1930s strengthened the Siberian regional features of the development of the Chinese community, and meant that the Far Eastern nationality policy was not applied to this community. The development of this community was influenced by the fact that in the 1930s, the state border with Manchuria was completely closed. The Manchukuo state, along with the Republic of China, had its official representatives in Chita. In the early 1930s the size of the Chinese population in Transbaikal reached a maximum, and in the Chita region its share in relation to the total population was equal to that in the Far Eastern regions. In the 1930s the working and living conditions of the majority of Chinese workers were difficult: they faced discrimination and were poorly adapted to the socio-political realities of Stalin's system. Initially the Bolsheviks carried out an active policy towards the Chinese that was aimed at their ideological and political re-education and the improving of their living and working conditions. In the second half of the 1930s, however, this policy changed, and political education and the development of a “Soviet Chinese” culture were no longer prominent. The Chinese began to be perceived as a national community disloyal to the Soviet regime, as real or potential agents of Japan and Kuomintang China. In 1936 began the “exposure” of Chinese spies, and in 1937–1939 the Soviet Chinese were fully subjected to the tyranny of the Soviet secret services and punitive agencies, and suffered greatly from political repression. By the late 1930s the number of Chinese in Transbaikal had decreased by almost a third; however, the situation was different from that in the border regions of the Far East in so far as there was no mass eviction of Chinese from the Transbaikal area.

Keywords: Transbaikal, Russian-Chinese border regions, Soviet Chinese, 1930s, Bolshevik policy towards Chinese, political repressions

For citation: Datsyshen, V.G. “The Chinese Population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>

Введение

Самый старый участок государственной границы Российской Федерации находится в Забайкалье¹. Установлен он был межгосударственным российско-китайским договором еще в XVII в., и до настоящего времени Забайкалье остается приграничным с Китаем регионом. Непосредственно к Китаю примыкают восточные районы современного Забайкальского края. Географически в состав Забайкалья

¹ Забайкалье за последние двести лет несколько раз передавали на Дальний Восток, потом возвращали в Сибирь: Приамурское генерал-губернаторство – Иркутское генерал-губернаторство. Дальне-Восточный край – Восточно-Сибирский край. В наше время Забайкалье входило в Сибирский федеральный округ, сейчас – в Дальневосточный. Все зависело от политики центра, что хотели усилить. Исторически, культурно, ментально это – Сибирь, но это и ворота на Дальний Восток, приграничье с Китаем, ресурсная база для освоения Дальнего Востока.

традиционно включается большая часть современной Бурятии, граничащей с Халха-Монголией. Пограничное положение Забайкалья способствовало не только появлению здесь выходцев из Китая, но и активному участию китайского населения в политической, экономической и культурной жизни региона.

Особым периодом в истории китайской миграции в России являются 1930-е гг. Период между кризисом 1929 г. («Великий перелом») и началом Второй мировой войны стал временем социальных экспериментов, поисков новых моделей экономического развития, политических репрессий. В 1930 г. начался процесс восстановления разорванных в конце 1920-х гг. советско-китайских отношений. В 1931 г. соседние с Забайкальем районы Китая были оккупированы японскими войсками, в 1932 г. было провозглашено зависимое от Японии государство Маньчжоу-Го. В 1930 г. в Чите было восстановлено консульство Китайской Республики, в 1933 г. здесь было открыто и консульство Маньчжоу-Го.

Летом 1930 г. все Забайкалье вошло в состав вновь образованного Восточно-Сибирского края. Кроме Бурят-Монгольской АССР в его состав вошли и переданные из Дальневосточного края Читинский и Сретенский округа. В 1936 г. Восточно-Сибирский край был ликвидирован, в 1937 г. была образована Читинская область. Вхождение Забайкалья в состав Восточной Сибири предопределило специфику политики и мероприятия большевиков в отношении китайцев в этом регионе.

В отечественной исторической науке в последние годы появились работы, посвященные китайской миграции в Советском Союзе, но основное внимание традиционно было уделено проблемам китайской миграции на Дальнем Востоке. Ряд исследователей, например, О.В. Залеская, внесли значительный вклад в изучение китайской миграции на востоке России, включая приграничные районы Забайкалья в 1930-х гг.² Много внимания историки уделяют проблемам политических репрессий в отношении китайцев³. Автоматическое распространение проблем китайского населения в Приморье и Приамурье на Забайкалье и особенно применительно к 1930-м гг. ведет к искажению исторической картины событий. В работах по истории китайцев в Сибири, как правило, не учитывается специфика Забайкалья как приграничного региона. В последние годы больше внимания вопросам истории китайцев в регионе стали уделять забайкальские историки⁴. Однако история китайцев в приграничных с Китаем районах Восточной Сибири, особенно в 1930-х гг., остается недостаточно изученной.

Цель работы – выявление проблем адаптации китайской общины Забайкалья к условиям жизни в СССР 1930-х гг. Предполагается рассмотреть проблемы, существовавшие как собственно у китайского населения, так и у местной власти в отношении китайской общины. Рассмотрение данного вопроса способствует созданию целостной картины демографической истории приграничных районов на востоке России.

Для восстановления исторической картины жизни китайской общины в Забайкалье были привлечены документы из фондов региональных архивов. В основе

² Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009.

³ Василевский В.И. Трагическая страница забайкальской истории / 2-е изд. дополненное. Улан-Удэ, 2012; Фартусов Д.Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМ АССР // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1; Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020.

⁴ Ланцова Ю.Н. Отношение Советской власти к китайцам и корейцам в Читинской области в довоенный период и во время Великой Отечественной войны // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. 11–12 сентября 2015 г. Чита, 2015. Ч. 1.

исследования – «Протоколы Заседания Секретариата Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б)» и «Спецсообщения НКВД по ВСК», хранящиеся в фонде Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б), а также материалы из фондов различных окружкомов ВКП(б), хранящиеся в Государственном архиве Забайкальского края, Государственном архиве новейшей истории Иркутской области, Государственном архиве Амурской области. Из опубликованных материалов большое значение для данного исследования имеют материалы переписей, а также Книги памяти жертв политических репрессий.

Численность и состав китайского населения Забайкалья в 1930-х гг.

Отправной точкой китайской миграции в Забайкалье стало открытие российско-китайской границы в 1860 г. Сначала в приграничные районы региона стали приезжать китайские торговцы из Монголии, а затем – ремесленники и земледельцы. В начале XX в. китайская миграция приняла массовый характер. Стимулировали китайскую миграцию железнодорожное строительство и развитие золотодобычи в регионе. К концу первого десятилетия XX в. переписи населения в Забайкальской области фиксировали более 2 тыс. китайцев, в основном ханьцев⁵. В этот период в регионе складывается немногочисленное постоянное китайское население, появляются смешанные китайско-русские семьи. Дополнительные стимулы к привлечению китайского труда были вызваны Первой мировой войной, ситуация вокруг китайской общины осложнилась во время Гражданской войны и иностранной интервенции в России.

В 1920-х гг. китайская община в Забайкалье не только сохранилась, но и продолжила свое развитие. В 1923 г. было зафиксировано 2996 проживавших в Забайкальской губернии китайцев⁶. Численность китайцев в столице Забайкалья была в два раза меньше, чем в Хабаровске или Благовещенске, и в несколько раз меньше, чем в Москве и Владивостоке. На 1 января 1927 г. в Чите было учтено 2 тыс. 334 китайца, в том числе 67 женщин и 77 детей. Из них советское гражданство имели 182 мужчины и 9 женщин⁷. В сельской местности Читинского района в это время проживало 213 китайцев, 28 из которых были советскими гражданами⁸. Несколько тысяч китайцев проживали на приисках Забайкалья. Согласно «Информации ППОГПУ по ДВК» больше всего китайцев в 1929 г. работало на прииске Козлова Борзинского районного управления «Цветметзолото» – 470 чел., а всего в семи указанных в документе пунктах региона было учтено 2 тыс. работающих китайцев⁹.

На протяжении 1930-х гг., когда граница с Маньчжурией была закрыта, а свободная миграция внутри России ограничена, в Забайкалье постоянно проживало несколько тысяч китайцев. Больше всего их было в Чите и Читинском районе, а также на приисках. В «Докладной записке о работе среди Вострабочих в Читинском районе» от 16 марта 1933 г. говорилось: «В Читинском районе 969 человек восточников, в т.ч. 805 китайцев...»¹⁰. В пограничном с Приамурьем Могочинском районе в 1933 г. было зафиксировано 567 «восточных рабочих», в большинстве китайцев¹¹. В «Докладной записке о состоянии работы среди восточных рабочих» бы-

⁵ И.С. Земледельческая Сибирь. К вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири // Известия ВСО ИРГО. 1910. Иркутск, 1911. Т. XLI. С. 155.

⁶ Таблица населения по национальностям, полу, возрасту и грамотности. Иркутск, 1923. С. 88.

⁷ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 2. Д. 360. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. П-71. Оп. 1. Д.468. Л. 283.

¹⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 86. Л. 14–17.

¹¹ Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

ло указано, что на приисках Усть-Карийского района было 385 восточных рабочих, в Козлово – 87, в Богомолово – 105 восточников»¹². В документах отмечалось, что «абсолютное большинство восточников» приехали из Китая.

Во второй половине 1930-х гг. в Советском Союзе были проведены две переписи, на основе которых можно получить представление о численности китайцев в регионах России. Переписью 1937 г. в СССР было зафиксировано почти 59 тыс. китайцев, включая иностранных граждан¹³. В Читинской области, согласно данным переписи, было 8 тыс. 127 советских китайцев¹⁴, 2 тыс. 172 советских китайца было зафиксировано в Бурят-Монгольской АССР¹⁵. Кроме того, в Читинской области проживали 1 тыс. 65 китайцев – иностранных граждан, а в Бурятии – 478 китайцев-иностранцев¹⁶. Процент китайцев, принявших советское гражданство, в Забайкалье был выше, чем на Дальнем Востоке и в целом по России. В Читинской области процент китайцев в общем населении региона был немного меньше, чем в Дальневосточном крае. Но если учесть, что на Дальнем Востоке большинство китайского населения было сконцентрировано во Владивостоке, а с учетом Бурятии и прилегающего с севера Бодайбинского района Иркутской области китайцев в Забайкалье было около 13 тыс. чел., то в региональном измерении китайское присутствие в Забайкалье было не менее заметным, чем на Дальнем Востоке.

К концу 1939 г. в Советском Союзе осталось два региона, где китайцы составляли заметную долю населения – около 0,5 %¹⁷. И самая многочисленная община теперь была в Читинской области, где переписью 1939 г. было зафиксировано 6 тыс. 17 китайцев¹⁸, что было несколько больше, чем в Хабаровском крае, включая Амурскую область. В Бурят-Монгольской АССР переписью 1939 г. было зафиксировано 1 тыс. 498 советских китайцев¹⁹.

Китайцы в Забайкалье были в подавляющем большинстве выходцами из северных регионов Китая. В материалах Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) по Усть-Карийскому району за 1933 г. отмечалось:

Абсолютное большинство восточников приехали из провинций Шандунь, Чжили и восточных трех провинций (Маньчжурия)²⁰.

Подавляющее большинство китайского населения, как советских граждан, так и иностранцев, состояло из мужчин. Например, в начале 1930-х гг. на Балеиском комбинате находилось несколько сотен китайцев-мужчин и всего одна китайянка. Из 1 тыс. 65 китайцев-иностранцев в Читинской области в 1937 г. мужчин было 1 тыс. 19²¹, в Бурятии было зафиксировано 422 китайца мужского пола из общего числа 478 чел. китайского населения²². Имеющиеся документы дают представления о возрастных группах китайцев в Забайкалье. По данным обследования

¹² ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 53. Л. 58.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов / сост. Б.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. С. 87.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 424.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР... С. 92.

²⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 53. Л. 58.

²¹ *Мотревич В.П.* Иностранцы граждане-китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 181.

²² Там же. С. 180.

китайских рабочих Бaleyского комбината, 92 чел. были старше 55 лет, рабочих в возрасте от 25 до 45 лет насчитали 115 чел., китайцев в возрасте до 25 лет было зафиксировано всего 7 чел.²³

Часть китайцев в Забайкалье состояла в браке с русскими женщинами. В «Докладной записке о состоянии работы среди восточных рабочих» говорилось: «Около 30 % женаты на русских, у восточников значительное количество детей...»²⁴. Данные о количестве детей в смешанных китайско-русских семьях можно найти в «Книгах памяти жертв политических репрессий». Например, осужденный к трем годам лишения свободы в 1938 г. житель поселка Оловянный Ян Делин имел русскую жену и 5 детей²⁵. У арестованных китайцев Тун Сян и Пан Чушин было по четыре ребенка от русских жен²⁶. В числе репрессированных были китайцы, имевшие по три, два и одному ребенку. Но не у всех китайцев были дети, в «Докладной записке о работе среди Вострабочих в Читинском районе» от 16 марта 1933 г. говорилось: «В Читинском районе... 805 китайцев... Китайских детей всего имеется 60-100, но матери их все русские»²⁷.

Китайцы в 1930-х гг. были заняты в разных сферах и отраслях народного хозяйства. Документы указывают на то, что большинство китайцев были рабочими на горнопромышленных предприятиях Забайкалья. Значительное число китайцев было занято в сельском хозяйстве, а также были ремесленниками. В Восточно-Сибирском крае в начале 1930-х гг. 5326 китайцев состояли в профсоюзе «Цветмет-золото», и еще 112 чел. – в профсоюзе угольщиков, 123 китайца были в профсоюзной организации лесных отраслей, 109 – в «Промкооперации», 47 – в профсоюзе кожевников, 11 – животноводов, 6 были отнесены к категории «Землед. совхозы» и 2 китайца были указаны членами профсоюза машиностроителей²⁸.

Рядом с Читой был образован колхоз «Красный Китай», просуществовавший до конца 1930-х гг.²⁹ В Чите в 1933 г. было 3 китайских артели огородников, объединявших 85 чел.³⁰ В Могочинском районе в 1930 г. официально было зафиксировано 19 китайцев-колхозников³¹. На значительное число китайцев, занятых в сельском хозяйстве и ремесле, указывают данные по репрессированным забайкальцам.

В документах областной организации ВКП(б) отмечены китайцы самых разных профессий и сфер деятельности, в том числе: заведующий участком горного цеха, директор районного магазина, контролер золотоизвлекательного цеха, смотритель приискового управления, заведующий складом и т.д.³²

Положение китайских рабочих

Большинство китайцев в 1930-х гг. находилось в тяжелых социально-экономических условиях. В документах указывалось:

Бытовые условия скверные. Проживают в фанзах-бараках, которые тесны, темные, сырые, грязные³³.

²³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 278. Л. 11.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 53. Л. 58.

²⁵ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита, 2008. Т. 6. С. 386.

²⁶ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита, 2007. Т. 5. С. 16.

²⁷ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 86. Л. 14–17.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 279. Л. 4.

²⁹ Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003. С. 153.

³⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 86. Л. 16.

³¹ ГАО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

³² ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 700. Л. 1–32.

³³ Там же. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 301.

Китайцы, жившие в 1930-е гг. в Забайкалье, оставались чуждыми существующему политическому режиму, не поддерживали идейно-политические установки большевиков, оставались приверженцами традиционных китайских ценностей. В своих отчетах о результатах обследования китайских рабочих на приисках Забайкалья в 1930 г. советские уполномоченные писали:

Политически неграмотные, не имеют понятия, что такое компартия, профсоюз, Советская власть, о событиях в Китае и пр. Большинство среди них курят опий, и частью занимаются картежными играми, упорно верят в религию...³⁴

Политически неграмотные... В их сознании гнездится национализм и утопические мечты: «стать богатым», мечты о маньчжурской династии: «вернется император и настанет царство покоя и объединения в Китае»³⁵.

В 1930-е гг. в Советском Союзе не исчезли антикитайские общественные настроения, они проявлялись в дискриминации, бытовом насилии, различных формах преступности. В 1931 г. в газете «Восточно-Сибирская правда» отмечалось:

Много случаев избиения рабочих китайцев и издевательства над ними до суда не доходят³⁶.

Газета также указывала:

Имеются факты невнимательного грубого отношения к рабочим – китайцам со стороны администрации³⁷.

Из Усть-Карийского района в начале 1930-х гг. сообщали, что русским рабочим выдали шубы и рукавицы, а китайцам – нет. В документе отмечалось:

Пришла китайская лапша, но китайцам не дали. На Октябрьские праздники давали русским мясо, а китайцам сказали – не ваш праздник³⁸.

Сами китайские рабочие жаловались своим представителям в Чите:

Товарищи ЛЮФУЧЕН, вы руководить всех приисках рабочих восточных должны по улучшить их жизнь, обще жизнь самы худ... баня нет, кроме этого еще контора заборная книжка не дают... вынуждение рабочих дешивний продавать свой рабочий сила. В лавке купить товары не по очереди, много восточный рабочий не понимать русский язык, 2 часа или 3 часа ждали никакой товары ни дают, русский рабочий не поочередь скоро купили и кончил, а восточный рабочий ждали, ждали, конца концов время пошли товара не получил...³⁹

При этом китайские рабочие выполняли и перевыполняли планы. В документах Восточно-Сибирской краевой организации ВКП(б) в начале 1930-х гг. говорилось:

Усть-Кара. Благодаря развернутой массовой работе основные группы восточников объявили себя ударниками и выполняют нормы до 130 %... В Балее лучшей бригадой забойщиков оказалась бригада восточников, получившая переходящее знамя⁴⁰.

Партийные органы постоянно указывали на факты дискриминации китайских рабочих:

³⁴ ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 301.

³⁵ Там же. Л. 334.

³⁶ Восточно-Сибирская правда. 1931. 2 марта.

³⁷ Там же. 4 марта.

³⁸ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 86. Л. 19.

³⁹ ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 332. [Орфография сохранена]

⁴⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 279. Л. 8.

Премирование восточников неудовлетворительно... Случай выдвижения рабочих восточников на хозяйственную работу единичны, а на партийную и профсоюзную работу совсем отсутствуют...⁴¹

В партийных органах Восточно-Сибирского края озвучивались такие случаи:

Управляющий прииском арестовывает без основательных для этого причин восточника тов. Ти-Сяна – кандидата ВКП(б). Он держал его под арестом 6 часов... русские напиваются пьяными и избивают восточников... Рабочий Гусев издевается над рабочим восточником – кандидатом партии... член бюро ячейки ВКП(б) Жуков (Зав. Горработами) систематически восточников называл не иначе, как «Джан-Зо-Лин», запугивая: «Я тебя завтра же отправлю в Маньчжурию»... ячейка дала ему выговор не за шовинизм, а за пьянство⁴².

В документах по Забайкалью указывалось:

Помехой к осуществлению нами задач ранее всего явился национализм, который выражается в том, что русская масса относится с пренебрежением к китайской. Так например, некоторые слова в общении «ходя» «китаеза» «фазан»...⁴³

Руководство Восточно-Сибирского края указывало и на наличие в регионе расистских взглядов. В «проекте Закрытого письма всем РК и партийным Восточно-Сибирского края» говорилось:

В материалах обследования работы среди китайских рабочих, произведенным Читинским КК-РКИ, где приводится ряд фактов о возмутительном отношении к восточным рабочим, вместе с тем... протаскивается и другая «теория», направленная против «метисации с китайцами»: «Так как прилива китайцев в Забайкалье нет, то нет и естественного прироста китайского населения. Метисация с китайцами, имеет незначительное место, причем от такого смешения получается потомство с ослабленной жизнеспособностью и с большой смертностью. Подобно-го рода великодержавные теории и теорички – отнюдь не спорадические явления»⁴⁴.

Китайцы не были защищены и от произвола спецслужб. Из Усть-Карийского района сообщали:

В 1931 г. ОГПУ произвел операцию, не разобравшись посадили всех рабочих восточников, стали всяческими способами истязать их. Имело место избиение, поливали холодной водой, через голову связывали пальцы, тянули к потолку и т.д., чтобы требовать от них золото... больше ста человек бежали за границу в Китай. В начале 1932 г. снова производилась операция ОГПУ...⁴⁵

С начала 1930-х гг. сложилась ситуация, когда практически исчезли возможности для притока китайских мигрантов на территорию приграничных районов Забайкалья. С закрытием русско-китайской границы свободная миграция исчезла, а после того, как на соседних территориях было создано государство Маньчжоу-Го под полным контролем Японии, прибывавших через границу китайцев (перебежчиков, интернированных солдат и проч.) больше не оставляли в Забайкалье. С другой стороны, проживавшие в регионе китайцы, особенно занятые в горной промышленности, искали возможность покинуть свои предприятия. В материалах партийной организации Восточно-Сибирского края сохранились такие сообщения:

⁴¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 279. Л. 8.

⁴² Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 24. Л. 105–106.

⁴³ ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 301 об.

⁴⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 24. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Оп. 4. Д. 86. Л. 20 об.

Описанное выше положение вызвало утечку рабочих восточников из пределов края, из одной золотой промышленности до 1 тыс. 500 чел. За последний год совершенно прекратился прилив на территорию края новых восточных рабочих⁴⁶.

В документах Читинской партийной организации также отмечалось, что общим настроением восточных рабочих было покинуть прииск Козлово⁴⁷.

Советская политика в отношении китайцев

Появившийся с конца 1920-х гг. в СССР дефицит рабочих рук делал задачу привлечения или сохранения китайских рабочих особенно актуальной, ведь страна нуждалась в золоте с сибирских приисков. Кроме того, в начале 1930-х гг. большевики пытались сделать жизнь в Советском Союзе привлекательной для народов Азии. Все это предопределило активную советскую политику в отношении китайского населения Забайкалья. В первой половине 1930-х гг. политика была направлена на улучшение условий жизни и работы советских китайцев, а также их идейно-политическое перевоспитание.

Выработка и реализация мероприятий по защите интересов китайцев и политико-пропагандистской работы среди них были в ведении региональных и местных организаций ВКП(б). Уже 20 декабря 1930 г. в Чите состоялось Первое краевое партсовещание по работе среди восточных рабочих⁴⁸. В проекте «Резолюции по докладу о работе среди Восточных рабочих» была представлена противоречивая картина. Документ начинался со слов о «серьезных успехах в осуществлении Ленинской национальной политики», а завершался:

в большинстве районов края и особенно по золотой промышленности эта работа поставлена совершенно неудовлетворительно⁴⁹.

В одном из мартовских номеров газеты «Восточно-Сибирская правда» за 1931 г. почти целая страница была посвящена борьбе с шовинизмом. Газета указывала:

Читинская РКК, проведшая обследование состояния работы среди рабочих–восточников и культурно-бытовых условий, в которых они находятся, сообщает что «В отдельных случаях суд и прокуратура недостаточно внимательно относятся к защите прав восточных рабочих»⁵⁰.

Партийное руководство Восточно-Сибирского края через газету пыталось организовать борьбу с великорусским шовинизмом:

Заслушав информацию т. Николаева о фактах проявления великодержавного шовинизма и местного национализма... рабочие строительства цветметзолото расценивают их как вылазки классового врага, как проявление уклонов от генеральной линии партии...⁵¹

Важнейшим инструментом вовлечения китайцев в социалистическое строительство было профсоюзное движение. К 1 мая 1931 г., по данным статистики, в профсоюзе на территории Восточно-Сибирского края состояло 6 тыс. 323 китайца⁵². В «Докладной записке о состоянии работы среди восточных рабочих» говорилось: «Членов профсоюза 60 %»⁵³.

⁴⁶ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 24. Л. 109.

⁴⁷ ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 301.

⁴⁸ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 278. Л. 32.

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ Восточно-Сибирская правда. 1931. 2 марта.

⁵¹ Там же. 4 марта.

⁵² ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 7. Д. 19. Л. 77.

⁵³ Там же. Оп. 4. Д. 53. Л. 61.

В 1931 г. в крайкоме ВКП(б) было принято решение «усилить обслуживание социально-бытовых нужд и запросов вострабочих». В решении указывалось:

...Цветметснабу, совместно с Крайснабом, выделить необходимый фонд для производства продуктов питания исходя из расчетов обслуживания 5000 чел. ... Крайпотребсоюзу в 1932 году обеспечить развитие огородничества в приисковых районах...⁵⁴

Активная деятельность советских властей по защите интересов китайских рабочих привела в начале 1930-х гг. к некоторым успехам. В докладной записке «По обследованию состояния культмассовой работы и бытового положения среди восточных рабочих по Могочинскому району» за 1933 г. говорилось:

а) общежития для восточников удовлетворительные, б) снабжение для восточников – на хозяйственной работе получают норму, все, что полагается по рабочему снабжению...⁵⁵

Партийные и советские органы пытались наладить культурно-массовую и общественно-политическую работу через клубы и кружки. Однако эта работа не получила должной материальной и организационной поддержки. В «Докладной записке о состоянии работы среди восточных рабочих» говорилось:

Вообще работа среди вострабочих со стороны парт. проф. и хозяйственных организаций недооценивается. Нет никакой системы. Работа проводится кампанейски⁵⁶.

В докладной записке инструктора Читинского горкома ВКП(б) от 16 марта 1933 г. «О работе среди Вострабочих в Читинском районе» говорилось, что «материальное положение интер-клуба очень скверное»⁵⁷. В записке «По обследованию состояния культмассовой работы и бытового положения среди восточных рабочих по Могочинскому району» отмечалось:

в) Работа красных уголков среди восточных рабочих, эта работа была слаба, нет ни одного красного уголка для восточных рабочих...⁵⁸

Летом 1932 г. Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) принял решение:

Для обслуживания культурно-бытовых нужд китайских рабочих Восточно-Сибирского края, приступить к изданию при газете «Рабочий Путь» (Хабаровск)... сменной полосы на китайском языке⁵⁹.

Тираж «сменной полосы» был установлен в 2 тыс. экземпляров, а редакционное помещение было выделено в Иркутске. Осенью 1932 г. китайская газета для китайских рабочих в Восточной Сибири в Иркутске стала выходить под названием «Ударник».

Важным направлением работы среди китайских рабочих были проводимые в СССР кампании по ликвидации неграмотности и латинизации китайской письменности. В начале 1930-х гг. власти констатировали:

Контрольные цифры 1931 года по охвату рабочих восточников ликбезами выполнены только на 55 %... основное затруднение состояло в том, что не хватало ликвидаторов⁶⁰.

⁵⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 278. Л. 2.

⁵⁵ ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

⁵⁶ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 53. Л. 61.

⁵⁷ Там же. Д. 86. Л. 16.

⁵⁸ ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

⁵⁹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 315. Л. 110.

⁶⁰ Там же. Оп. 2. Д. 278. Л. 56.

В 1931 г. в Чите были открыты курсы «ликвидаторов восточников». В документах указывалось:

Со второй половины 1932 г. после 1-го выпуска ликвидаторов началась работа по ликвидации неграмотности, на латинизированном алфавите кит-письменности⁶¹.

В документах Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) говорилось:

Во второй пятилетке партия и правительство ставят задачу превращения каждого рабочего в сознательного участника социалистического строительства. В деле выполнения данной задачи среди китайских рабочих, латинизация китайской письменности играет огромную роль как решающий рычаг культурной революции⁶².

В 1933 г. партийные организации Восточно-Сибирского края пытались усилить работу по «ликвидации неграмотности среди кит-рабочих на новом латинизированном алфавите». В постановлении крайкома ВКП(б) говорилось:

организовать 3-х месячные курсы ликвидаторов на 30 чел. в гор. Иркутске, 2-х мес. курсы на 20 чел. в Нер. заводе, 2-х мес. курсы на 20 чел. в гор. Чите⁶³.

Образовательно-просветительская работа с китайцами не ограничивалась уровнем «ликбеза». В резолюции по докладу о работе среди восточных рабочих, принятой в крайком ВКП(б) в 1931 г., в частности, говорилось:

КСНХ и Фракции КСПС в двухдекадный срок наметить практические мероприятия по организации курсов по подготовке вострабочих в Рабфак Мединститута, Совстроительства и Права, Горного института. Расширить отделения для вострабочих при краевой школе просвещения (до 20 чел.) и при Читинском медтехникуме (до 30 чел.)⁶⁴.

Китайских рабочих отправляли в Иркутск на курсы инженеров, техников и хозяйственников.

Для привлечения китайцев в ряды ВКП(б) и улучшения работы среди коммунистов-китайцев в Забайкалье была налажена система партийной учебы для восточников. В Читинской совпартшколе в 1931 г. было организовано Китайское отделение. Сначала было принято на это отделение 75 китайцев, в большинстве рабочих с золотых приисков, в 1933 г. в школе обучалось 63 китайца⁶⁵. Для сохранения китайцев в совпартшколе было принято решение увеличить стипендии курсантам и зарплату преподавателям.

С целью ускоренного обучения китайских активистов в Чите были открыты кратковременные курсы партийной учебы. В документах за 1932 г. говорилось, что двухмесячные курсы партактива и пропагандистов окончили 8 китайских рабочих, а месячные курсы партактива – 16 китайских рабочих. Партийные органы приняли решение на 1933 г.:

Утвердить план партийной учебы среди вострабочих и колхозников с контрольными цифрами 450 чел. и 100 % охватить членов и кандидатов ВКП(б)⁶⁶.

⁶¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 53. Л. 60.

⁶² Там же. Л. 154.

⁶³ Там же. Л. 145.

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 278. Л. 2–3.

⁶⁵ Там же. Оп. 4. Д. 86. Л. 14.

⁶⁶ ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853. Л. 39.

В 1932 г. Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) принял решение: с февраля 1933 г. при шестимесячных курсах партактива открыть одну группу восточников на 15–20 чел.⁶⁷

Важным инструментом работы с китайцами было вовлечение их в ряды ВКП(б). Больше всего китайцев-коммунистов было в Чите и Нерчинско-Заводском районе, более чем по 50 чел. В Могочинском районе в 1933 г. из 567 «восточных рабочих», в основном китайцев, 31 был членом ВКП(б) и 2 – комсомольцами⁶⁸.

Несмотря на то, что восточные рабочие были вовлечены во все мероприятия и политические кампании, китайцы не верили советской пропаганде. В «Докладной записке о состоянии работы среди восточных рабочих» отмечалось:

Вострабочие на заем первого года второй пятилетки... перевыполнили на 10–30 %, а так же участвуют во всяких общественных сборах... Облигации займа никогда не выдаются, а если получали, то восточники их бросают – мнение таково: «выписали, значит, деньги больше не получишь». Это показывает, плохую массовую работу⁶⁹.

Даже вступление в ряды правящей в СССР партии для большинства китайцев было лишь средством социально-политической адаптации в советском обществе. Не случайно среди китайцев-коммунистов был высокий процент людей, не связанных с тяжелым физическим трудом, хотя среди членов партии были и простые рабочие⁷⁰. Действительно, в начале 1930-х гг. число китайцев-коммунистов в Забайкалье выросло в несколько раз и составляло около 300 чел. Но о качественных характеристиках китайцев, состоявших в ВКП(б), говорит следующий документ:

Нами изучены состоящие в рядах ВКП/б/ из китайских граждан: 1. ФАН-ШО-СЕ... Производителем трудом не занимается, является передаточным ремнем между конторой Союззолота и рабочими артелями. За это летом получает 5 паев, а в зиму от 2 до 3. Организует картежные игры, перепродает опиум... 2. ЛИ-СИ-ЗУН... На промысле возглавляет две артели... Производителем трудом не занимается, а эксплуатирует рабочую силу... 3. ЛИ-ХО... Малограмотный. Классово плохо развит, но во много раз лучше, чем Фан-шо-се и Ли-си-зун⁷¹.

Репрессии

Рубежным событием в истории китайцев в СССР, как и многих других народов страны, стали сталинские политические репрессии. Геополитические реалии конца 1930-х гг. определили начало новой волны массовых репрессий именно в приграничных с Маньчжурией районах. При этом Забайкалье исторически и геополитически оставалось частью Сибири, а не «оторванного» Дальнего Востока, что предопределило некоторые отличия региональной политики в отношении «нелояльных» советской власти групп населения.

Приграничное положение Забайкалья обусловило повышенный интерес советских спецслужб к китайцам. В «Спецсообщения НКВД по ВСК» от 2 октября 1936 г. говорилось:

В результате наших мероприятий по восточникам, нами вновь выявлена и ликвидирована в сентябре с.г. крупная шпионская организация, охватившая своей деятельностью основные экономические точки и аэродромную сеть боевой авиации Забайкалья... арестовано 20 чел., из них 17 китайцев (3 нанкинско подданных) и 3 русских⁷².

⁶⁷ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 315. Л. 150.

⁶⁸ ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.

⁶⁹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 53. Л. 61.

⁷⁰ ГАЗК. Ф. П-3. Оп.1. Д. 700. Л. 1–32.

⁷¹ Там же. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 335.

⁷² ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 57. Л. 38.

Спецслужбы давали такую картину:

Прикрывшись, по заданию Нанкинского Консульства, промысловой артелью «Байкал» и открыв ряд ресторанов, столовых и починочных мастерских, группа китайцев – агентов Консульства, развернула шпионскую деятельность...⁷³

Руководителем шпионской китайской группы советские спецслужбы назвали бывшего сотрудника Китконсульства в Улан-Удэ Кон-Чун-И. Дело было закончено 28 июля 1936 г., к ответственности привлечены 3 китайца и один русский.

Данное дело было сфабриковано советскими спецслужбами, никаких доказательств, кроме личных признаний обвиняемых, в деле не было. В столице Бурятии не было китайского консульства, а китайские шпионы, по их признаниям, почему-то работали одновременно по заданию консульств двух враждебных друг другу государств. На фальсификацию дела указывает тот факт, что это дело советские спецслужбы связали с убийством Кирова и троцкистами. Но в 1936 г. репрессии еще не приняли массового характера, в итоге и обвинительный приговор предъявили лишь 4 арестованным из 20.

В 1937 г. начались массовые репрессии в отношении китайцев. Правда, из Восточной Сибири, в отличие от Приморья и Приамурья, китайцев не выселяли, но выселяемым из Дальневосточного края китайцам было запрещено проживать в Читинской области. В числе первых в Забайкалье под репрессии попали китайцы – сотрудники советских спецслужб. В июле 1937 г. по обвинению в «измене родине» был арестован, а затем расстрелян сотрудник читинского сектора УНКВД по Восточно-Сибирскому краю китаец П.В. Григоровский (реабилитирован в 1959 г.). В 1938 г. в Чите как «японский шпион» был арестован, но через год все же освобожден и восстановлен на работе лейтенант госбезопасности С.М. Леницев (Хоу Минци). В числе первых репрессированных оказались китайцы-коммунисты. В 1938 г. были исключены из партии и арестованы несколько рабочих прииска Козлово в Нерчинск-Заводском районе, а также других предприятий. В документах говорилось, что «основной причиной исключения» было признание «врагом народа»⁷⁴.

В СССР репрессии против китайцев проводились, в том числе, в рамках так называемой «Харбинской операции» (репрессировано более 10 тыс. китайцев). Однако к концу зимы 1938 г. в Читинской области задержали всего 152 китайца, меньше, чем в Новосибирской области или Красноярском крае⁷⁵. Тем не менее в 1938–1939 гг. тысячи китайцев в Забайкалье попали под политические репрессии, и многие из них погибли. Репрессии затронули все слои китайской общины Забайкалья, например, осенью 1938 г. были расстреляны рабочий из Читы Пан Куйчин, огородник из Нерчинского района Пан Тятжи, фотограф Пан Чухо и др.⁷⁶ Читинский историк пишет:

Всего было арестовано 1500 китайцев, проживавших в Чите. Настоящим злым демоном для китайцев стал начальник 3-го отдела НКВД старший лейтенант госбезопасности Яков Степанович Камнев, возглавивший кампанию по истреблению китайцев...⁷⁷

Историк из Новосибирска приводит примеры:

⁷³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 57. Л. 38.

⁷⁴ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 239. Л. 34.

⁷⁵ Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР... С. 80.

⁷⁶ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита, 2007. Т. 5. С. 16.

⁷⁷ Василевский В.И. Трагическая страница забайкальской истории. С. 113–114.

в апреле 1938 г. в Сретенске была якобы ликвидирована... группа китайцев-перебежчиков, в которую входило 120 чел. ... В феврале 1938 г. в Рухлове УНКВД по Читинской области сфабриковал дело о диверсионно-повстанческой организации китайцев-контрабандистов, по которому арестовали 144 чел.⁷⁸

О.В. Залесская указывает:

По Балеysкому району из 426 арестованных китайцев сумели доказать вину только 78 чел. Во время допросов и следствия только в Бале умер каждый четвертый китаец (117 из 426), в Чите – каждый третий (568 из 1500)⁷⁹.

В Бурятии были арестованы более 300 китайцев, из них 196 чел. были приговорены к расстрелу⁸⁰.

В результате массовых политических репрессий общая численность китайцев в Забайкалье уменьшилась. Исследователи указывают, что с 1937 по 1939 гг. численность китайцев Читинской области сократилось с 8 тыс. 127 чел. до 6 тыс. 16 чел., в Бурят-Монгольской АССР – с 2172 до 1498 чел.⁸¹ Сокращение численности китайцев в регионе и изменение национально-государственной политики в СССР сделали проблему китайцев в Забайкалье менее актуальной. С появлением во второй половине 1930-х гг. у Советского государства неограниченных ресурсов принудительного труда ослабла потребность в китайских рабочих руках. В условиях Второй мировой войны идеи «пролетарского интернационализма» потеряли актуальность, конкурентоспособность страны в мире теперь зависела от армии, а не «привлекательности социализма» для народов других стран. После 1939 г. китайская община в Забайкалье сохранилась, играла заметную роль в экономической жизни региона, но на китайцев были распространены правовые ограничения, введенные для представителей многих национальностей. В глазах советских властей и русской общественности китайские мигранты продолжали восприниматься и как представители союзного Китая, и как представители враждебной Японии.

Выводы

Таким образом, 1930-е гг. стали важным периодом в истории китайской общины в Забайкалье. В это время китайская община в восточном Забайкалье была одной из самых больших в Советском Союзе, как в процентном отношении к населению региона, так и по общей численности. Процент китайцев, принявших советское гражданство, в Забайкалье был выше, чем в целом по стране. Китайские мигранты были важны, как для советской экономики, так и для реализации идейно-политических установок правящей в СССР партии. В первой половине 1930-х гг. была проведена большая работа по улучшению материально-бытовых условий жизни и труда китайских рабочих, по вовлечению их в различные политико-пропагандистские и культурно-просветительские кампании. Несмотря на целенаправленную политику правящей в СССР партии и властей региона по перевоспитанию китайцев, созданию комфортной для работы и проживания среды, большинство сохраняли традиционные для китайских трудовых мигрантов в России взгляды и образ жизни. Во второй половине 1930-х гг. в советской политике в отношении китайцев стали преобладать репрессивные методы и принципы, вследствие чего численность китайцев в Забайкалье заметно сократилась. Статус Забайкалья как региона пограничного, но не входившего в 1930-е гг. в состав Дальневосточно-

⁷⁸ *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР... С. 91.

⁷⁹ *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России... С. 287.

⁸⁰ *Фартусов Д.Б.* Политические репрессии в СССР... С. 74.

⁸¹ *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР... С. 92.

го края, определял региональные особенности проживавших там китайцев, в том числе и сохранение китайского населения в приграничных районах в период политических репрессий в стране.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.10.2021

References

- Fartusov, D.B. "Political repression in relation to citizens of Mongolia and China in the territory of BM ASSR." *BSU bulletin. Human research of Inner Asia*, no. 1 (2015): 72–77 (in Russian).
- Lantsova, Yu.N. "Otnoshenie Sovetskoj vlasti k kitajtsam i korejtsam v Chitinskoi oblasti v dovoennyj period i vo vremena Velikoi Otechestvennoj vojny." In Part 1 of *Vtoraya mirovaya vojna: predis-toriya, sobytiya, uroki: materialy mezhdunar. nauch. konf. posvyashch. 70-letiu Velikoi Pobedy nad nemetskimi fashizmom i japonskim militarizmom. 11–12 sentiabria 2015 g.*, 67–71. Chita: ZabGU, 2015 (in Russian).
- Motrevich, V.P. "Inostrannye grazhdane-kitajtsy v Sovetskom Soyuze po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya SSSR 1937 g." In *Kitaj: istoriia i sovremennost': materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 7–8 oktiabria 2014 g.*, 178–181. Yekaterinburg: Uralskogo un-ta Publ., 2015 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda: Osnovnye itogi*. Moscow: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- Potapova, N.A. *'Kharbinskaia' operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressii*. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2020 (in Russian).
- Tarasov, A.P. *Zabaikal'e i Kitaj: opyt analiza mezhdunarodnykh svyazei*. Chita: ZabGPU Publ., 2003.
- Vasilevskii, V.I. *Tragicheskaja straniša zabaikal'skoi istorii*. 2 ed. Ulan-Ude: Domino Publ., 2012 (in Russian).
- Zaleskaya, O.V. *Kitajskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Zhiromskaya, B.B., and Polyakov, Yu.A., eds. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

В.Г. Дацышен, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 119333, Россия, г. Москва, улица Фотиевой, д. 6, корп. 1; профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А; профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, дом 89; generalhistory2005@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

V.G. Datsyshen, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher of the Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of Russian Academy of Sciences; 6, korpus 1, Fotievoy Str., Moscow, 119333, Russia; Professor of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University, 2 A, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russia; Professor of the Department of World History, KSPU named after V.P. Astafiev, 89, Ady Lebedevoy Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia; generalhistory2005@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-72-82>

Научная статья / Research article

Особенности политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг.

Александр Александрович Исаев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

✉ isaev.aa@dvfu.ru

Аннотация: Работа посвящена выявлению и характеристике особенностей развития системы политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. Несмотря на то, что активное исследование различных аспектов темы получило развитие в исторической литературе, многие вопросы проблемного характера до сих пор не получили должного внимания со стороны исследователей. На основе анализа архивных документов отмечается, что власть стремилась внедрить определенные политико-идеологические рычаги воздействия и контроля во все сферы жизни общества с целью достижения высокой производительности труда. Особенности политико-идеологической работы в дальневосточном регионе были непосредственно связаны с проблемами организационного, кадрового и функционального характера. Они исходили из ограниченности материальных и кадровых ресурсов, частой подменой хозяйственными мероприятиями, а также формальным отношением к ней со стороны партийных и хозяйственных руководителей на местах. Обосновано, что многие особенности развития данной системы в дальневосточном регионе были обусловлены ее оторванностью как от социально-экономических, культурных и бытовых нужд и запросов трудящихся, так и от государственных задач социально-экономического развития. Доказано, что это, в свою очередь, приводило к недооценке значения политико-идеологической работы со стороны рабочих и служащих, их слабому охвату, низкой степени посещаемости мероприятий политико-идеологического характера и выработке аполитичного отношения к ее содержанию.

Ключевые слова: сталинизм, агитпроп, Приморский край, Хабаровский край, агитационно-пропагандистская работа, Далькрайком ВКП(б)

Для цитирования: Исаев А.А. Особенности политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 72–82. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-72-82>

Features of Political and Ideological Work among the Population of the Far East of the USSR in the 1930s

Alexander A. Isaev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

✉ isaev.aa@dvfu.ru

Abstract: The paper discusses the system of political and ideological work among the population of the Far East of the USSR in the 1930s. While various aspects have already been elucidated in the historical literature, many issues of a problematic nature have not yet received due attention from researchers. Archival documents reveal that the authorities sought to introduce certain political and ideological levers of influence and control in all spheres of society in order to achieve high labor productivity. The peculiarities of political and ideological work in the Far Eastern region were directly related to

organizational, personnel and functional problems. They proceeded from the limited material and human resources, the frequent substitution of economic measures, as well as the formal attitude to it on the part of the party and economic leaders in the field. It is proved that many features of the development of this system in the Far Eastern region resulted from its neglect of the socio-economic, cultural and domestic needs and the demands of workers, and from the state tasks of socio-economic development. This, in turn, led to an underestimation of the importance of political and ideological work on the part of workers and employees, their weak coverage, a low degree of attendance at events of a political and ideological nature, and the development of an apolitical attitude.

Keywords: Stalinism, agitprop, Primorsky Territory, Khabarovsk Territory, propaganda work, Dalkraykom VKP (b)

For citation: Isaev, A.A. “Features of Political and Ideological Work among the Population of the Far East of the USSR in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 72–82. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-72-82>

Введение

Организация идеологической и общественно-политической работы с населением является одним из важнейших направлений в деятельности органов управления. Новый виток социально-экономических и политических преобразований в СССР, начатый в конце 1920-х гг., предполагал проведение далеко не популярных в народе государственных мероприятий, что могло поставить под вопрос их эффективную реализацию. Для выработки у населения необходимого понимания и поддержки проводимых мероприятий, а также для привлечения народа к новым трудовым подвигам руководящие органы стремились усилить все формы и методы политико-идеологического воздействия на население страны и ее регионов. Власть считала, что морально-психологическая и идейная стойкость советских граждан напрямую влияет на усиление их трудовых и профессиональных качеств и способностей. Это во многом и предопределило то, что ведущая роль, определявшая политику советского государства и влияющая на жизнь советского человека, принадлежала идеологии.

Первые публикации, в которых рассматривался процесс развития политико-идеологической работы среди населения СССР в рассматриваемый период, появились еще в ходе получения первого опыта ее реализации. В них нашли отражение вопросы развития и совершенствования партийной и политико-идеологической работы на предприятиях и организациях, в сельском хозяйстве, направленные на подъем политической и производственной активности трудящихся¹. Целью большинства публикаций этого периода времени являлась выработка определенных методических и практических рекомендаций для более эффективного развития официальной идеологии².

В полной мере изучение различных аспектов политико-идеологической работы происходило в 1950-е – 1980-е гг. В это время выходит в свет целый ряд научно-исследовательских работ, в которых рассматривался комплекс вопросов по организации и осуществлению политико-идеологической работы с населением как в стране в целом³, так и в регионах⁴. В этой связи следует особо выделить обобщенный

¹ См.: *Бинов А.А.* Партийно-массовая работа в цехе и бригаде. М. – Л., 1931; *Поповкин Е.Е.* Марксистско-ленинское воспитание на предприятии. М. – Л., 1931; *Поповкин Е.Е.* Марксистско-ленинское воспитание в деревне. М., 1932.

² См.: *Гилинский А.Л.* Партячейка на хозяйственном фронте. М. – Л., 1930; *Карпов И.К.* За перестройку работы советских ячеек. М., 1932.

³ *Ключева В.И.* Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии в условиях борьбы за построения социализма в СССР. М., 1970; *Самойлов А.Г.* Агитационно-пропагандистская работа партии в период проведения индустриализации (1929–1937 гг.) // *Историография агитационно-пропагандистской работы партии (1921–1937 гг.): Межвуз. сб. Горький, 1981. С. 55–66.*

двухтомный труд «Очерки истории идеологической деятельности КПСС»⁵, в котором характеризуются формы, подходы, методы и способы идеологической работы с населением страны в исследуемый период. Имеются работы по конкретным областям политико-идеологической работы⁶, а также особенностям ее осуществления среди определенных социальных групп населения⁷. Их характерной чертой являлась строгая идеологическая выдержанность и описательный характер без детального критического анализа.

В постсоветский период, в связи с изменением политической конъюнктуры, исследование процессов политико-идеологической работы с населением страны в исследуемый период стало занимать скромное второстепенное место и затрагивалась лишь косвенно при рассмотрении общих вопросов развития государства. В настоящее время можно отметить постепенное восстановление научного интереса к различным аспектам политико-идеологической работы в СССР⁸. Вместе с тем проблемы развития политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока в этот период, с учетом государственных приоритетов и потребностей общества, изучены недостаточно.

Исходя из этого, целью данной работы является выявление и характеристика особенностей развития системы политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. на примере Приморского и Хабаровского края. Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы. Важным из них является метод системного анализа, который способствует рассмотрению процесса политико-идеологической работы как важнейшего элемента системы управления населением страны. Исследование опирается на корпус документальных исторических источников, выявленных в фондах региональных архивов – Государственного архива Хабаровского края и Государственного архива Приморского края. Основными видами документов, использованных в данной работе, являются политические донесения, информационные, объяснительные и докладные записки, отчеты о ходе и результатах политико-идеологических мероприятий, стенограммы совещаний, резолюции и постановления центральных и региональных органов власти, касающиеся развития политико-идеологической работы на Дальнем Востоке в исследуемый период.

⁴ *Сосов А.А.* Мероприятия западно-сибирской краевой партийной организации по политическому воспитанию рабочего класса в годы второй пятилетки // Из истории рабочего класса Сибири. Сб. науч.-исслед. работ. Новосибирск, 1964. С. 117–135; *Ротанова Т.Н.* Руководство дальневосточной партийной организации вовлечением масс в советское строительство (1926–1930 гг.) // Труды московского института народного хозяйства. Вып. 67. М., 1969. С. 78–91.

⁵ *Очерки истории идеологической деятельности КПСС, октябрь 1917–1937 гг.* М., 1985; *Очерки истории идеологической деятельности КПСС 1938–1961 гг.* М., 1986.

⁶ *Войшнис В.Э.* Партийное строительство на Дальнем Востоке (ноябрь 1922–1937 гг.). Хабаровск, 1984; *Федукова А.М.* Идеино-политическое воспитание студенчества в вузах и техникумах Дальневосточного края в годы второй пятилетки // История дальневосточных партийных организаций периода социалистического строительства (1922–1972 гг.): Сборник статей. Владивосток, 1974. С. 87–99.

⁷ *Смирнова М.В.* Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по воспитанию политической сознательности рабочих в годы второй пятилетки // Партийные организации Дальнего Востока в авангарде борьбы за построение социализма и коммунизма: Межвуз. сб. науч. трудов. Хабаровск, 1974. С. 148–164; *Огурцова М.Е.* Идеино-политическая работа партийных организаций Дальнего Востока в период упрочения социалистического общества в СССР. 1938 – июнь 1941 гг. (На материалах Приморского и Хабаровского краев): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1973.

⁸ *Страшников П.А.* Формирование системы советских органов и учреждений партийно-государственной пропаганды и агитации в начале 20-х гг. // Вестник социально-педагогического института. 2013. № 1 (6). С. 55–56; *Чогандарян М.Г.* Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 181–183; *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013.

Сущность политико-идеологической работы и ее формы

Политико-идеологическая работа – это комплекс мероприятий, осуществляемый властными (партийно-государственными) структурами среди населения с целью внедрения определенных идейных установок, базирующихся на политических программах и установках, характерных для конкретного периода времени. В процессе постоянных изменений политического вектора развития государства происходит корректировка идейных дефиниций, внедряемых в сознание населения. Исходя из этого политика служит вектором, который направляет и определяет суть и смысл идейного развития.

Для выполнения задач массированного политико-идеологического воздействия на население страны, по мнению партийно-политического руководства, требовались эффективные механизмы распространения в народе идеологических формул и установок понятных и воспринимаемых им. Для этого еще в период становления и укрепления советской власти начал формироваться партийно-государственный аппарат, куда входили специальные органы, которые профессионально занимались агитационно-пропагандистской деятельностью. В июне 1920 г. в структуре ЦК РКП(б) был создан агитационно-пропагандистский отдел. Его работа исходила из стратегических и тактических директив, получаемых от высшего партийно-государственных органов власти и управления, а также непосредственно от лидеров партии. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) (позже ВКП(б)) имел подотделы: агитационный, пропагандистский, печати, издательский и национальных меньшинств. Ему подчинялись агитпропотделы при губернских и уездных (позже – краевых, областных, городских, районных) комитетах партии⁹. На Дальнем Востоке СССР вопросами политико-идеологической работы занимался агитационно-пропагандистский отдел при Далькрайкоме ВКП(б), которому подчинялись аналогичные отделы при райкомах, обкомах и горкомах ВКП(б). Данный отдел разрабатывал, утверждал, согласовывал и рассылал руководящие циркуляры (планы работы, формы и методические рекомендации, тематику и т.д.) областным, городским и районным партийным организациям, осуществлял подбор и утверждение идеологических кадров, координировал работу культурно-просветительских учреждений и редакций газет.

Политико-идеологическая работа имела различные формы: индивидуальные и групповые беседы и лекции на политические и социально-экономические темы; читки центральных и региональных газет, политической и художественной литературы, с комментариями чтецов и беседчиков; индивидуальная и групповая агитация в ходе собраний трудовых коллективов и митингов по поводу проведения какой-либо идеологической кампании или праздника. В начале 1930-х гг. получили развитие новые формы политико-идеологической работы, такие, как политдни¹⁰, политзачеты и политмассовки¹¹, политбой¹² и т.д., которые осуществлялись соответствующими кадрами, приглашенными или направляемыми из районного, городского, областного или краевого комитета партии, либо выделенного из партийного или комсомольского актива предприятия. Сотрудники отделов пропаганды и агитации

⁹ Страшиников П.А. Формирование системы советских органов и учреждений партийно-государственной пропаганды и агитации в начале 20-х гг. // Вестник социально-педагогического института. 2013. № 1 (6). С. 55–56.

¹⁰ Политический день (политдень) – единый день (общий для всего предприятия, района и т.п.), отводившийся для занятий политическими предметами и для работы кружков, изучающих эти предметы.

¹¹ Политические массовки (политмассовки) – массовое обсуждение (дискуссия) по актуальному политическому вопросу (вопросам).

¹² Политический бой (политбой) – политический диспут по ключевым проблемам.

райкомов ВКП(б), горкомов ВКП(б), обкомов ВКП(б) и Далькрайкома ВКП(б) осуществляли постоянные проверки и обследования качества политико-идеологической работы на предприятиях и организациях края. Их результаты постоянно заслушивались и обсуждались на бюро областных, городских, районных комитетах ВКП(б), а особо актуальные на бюро Далькрайкома ВКП(б). Именно материалы проверок демонстрировали, по мнению властных структур, подлинное состояние политико-идеологической работы, ее достижения и успехи, которые рекомендовалось распространять, а также упущения и просчеты, которые требовалось ликвидировать в кратчайшие сроки. Однако значительная часть проблем, мешавшая эффективному развитию политико-идеологической работы среди населения, сохранялась на протяжении длительного периода времени и продолжала негативно влиять на качество работы.

Методы осуществления политико-идеологической работы

Высокая эффективность качества политико-идеологической работы с населением завесила от правильной расстановки партийных сил на хозяйственно-производственных единицах. Именно партийцы должны были стать основными проводниками внедрения идейно-политических установок, стимулировавших хозяйственно-экономическое развитие. Однако, несмотря на создание низовых партийных звеньев (партгрупп), низовых партийных организаций на определенных производственных участках (бригадах, цехах, депо, командах судов) и разукрупнение смешанных партийных ячеек по однородному принципу¹³, которые должны были усилить авторитет партийца на производстве и стимулировать развитие трудового энтузиазма, качество политико-идеологической работы оставалось на низком уровне. В работе партийных организаций продолжал сохраняться бюрократизм, обезличивание результатов, семейственность, круговая порука и отсутствие самокритики. Повседневными вопросами улучшения политико-идеологической массовой работы партийные организации не занимались, поскольку они также, как руководство цеховых ячеек часто не имели представления о смысле своей работы¹⁴. Так, в частности, на предприятиях транспорта наблюдалась большая текучесть партгрупиров, которые зачастую перебрасывались из одной смены или бригады в другую, в результате чего они не знали, за какую смену или бригаду они отвечали. Порой имели место рассуждения, что «раз моей основной задачей является выполнение промфинплана, значит партийно-массовая работа, может быть отнесена на задний план», как говорилось в докладной записке «О реализации решения ЦК ВКП(б) от 21 марта 1931 г. о перестройке партийно-массовой работы на транспорте»¹⁵.

Во многом это было связано с тем, что партийные организации на производственных и хозяйственных участках длительное время ожидали от вышестоящего руководства соответствующих распоряжений, не проявляя при этом инициативы. Отсутствие политико-идеологической работы среди рабочих и служащих приводило к срывам выполнения хозяйственно-политических задач, слабому внедрению ударничества, социалистического соревнования и повышения трудовой дисципли-

¹³ См.: Постановление ЦК ВКП (б) от 21 марта 1931 г. «О партийной и массовой работе в цехе и бригаде» о поголовном вовлечении коммунистов и комсомольцев в социалистическое соревнование. Для активизации работы производственных совещаний ЦК ВКП (б) предлагал применить на всех предприятиях оправдавший себя опыт работы групповых и сменных производственных совещаний и производственных совещаний работников ведущих профессий. Большое внимание в постановлении уделялось правильной расстановке партийных сил на производстве.

¹⁴ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П-2. Оп. 8. Д. 2. Л. 4.

¹⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 2. Л. 2.

ны¹⁶. Об этом отмечалось в докладе первого секретаря Приморского областного комитета ВКП(б) К.Ф. Пшеницына, сделанного им на первой Приморской областной конференции ВКП(б) в марте 1933 г.¹⁷

Особо слабо политико-идеологическая работа была поставлена в городских общежитиях, где политбеседы проводились крайне редко и то только по случаю проведения каких-либо политических кампаний. Это не позволяло полностью изучить состав рабочих, знать их настроения, дифференцированно проводить политическую массово-разъяснительную работу и быстро реагировать на все волнующие работников вопросы. Сами агитаторы часто не интересовались тем, что читают рабочие, как проводят свободное время, какие у них проблемы и т.д. Они не ставили перед собой задачу организации в общежитиях культкомиссий, библиотек, литературных кружков и т.п.¹⁸ Подобное положение часто имело свои негативные последствия. Так, в 1932 г. на заводе № 202 им. Ворошилова в г. Владивостоке (далее Дальзавод) в результате отсутствия политико-идеологической работы большая часть работников, проживающих в общежитиях, особенно в выходные дни занимались пьянством, хулиганством и картежной игрой. Причем этим занимались не только беспартийные ударники, но и отдельные партийцы. Более того, были отмечены случаи, когда группы рабочих в общежитии собирались и сговаривались не выходить на работу, увольняться с завода и т.д.¹⁹

Однако даже там, где осуществлялась политико-идеологическая массовая разъяснительная работа, она часто была оторвана от насущных трудовых и бытовых вопросов жизни рабочих и служащих. Данная работа часто происходила урывками, компанейски и без определенной системы и плана. Даже на крупнейших предприятиях дальневосточного региона, таких как Механический завод им. Молотова (г. Хабаровск), завод судового машиностроения им. А.М. Горького (г. Хабаровск), судоремонтный завод им. Ворошилова (г. Владивосток) охват трудящихся политической агитацией в середине 1930-х гг. достигал не более 40–50 %.²⁰

Неудовлетворительная ситуация с развитием политико-идеологической работы отмечалась и в сельской местности. Некоторые партийные работники часто не проводили с партийным и комсомольским активом колхозов инструктаж по организации и методическом сопровождении политико-идеологической и воспитательной работы с колхозниками. Беседы, собрания, читки газет и другие политико-идеологические мероприятия проводились крайне редко и не имели системного характера. Вследствие этого многие колхозники не знали решений съездов партии и постановлений правительства²¹. Подобная ситуация отмечалась в ходе проверок в ряде колхозов региона, таких как колхоз имени 14 кавалеристской дивизии Ханкайского района и колхоз имени Буденного Гродековского района Приморской области²².

Коммунисты и комсомольцы как основные проводники идеологии в массы сами нуждались в постоянном повышении идейного уровня. Однако беседы с отдельными коммунистами показали, что подобная работа с ними часто носила несистемный характер и осуществлялась с большими перерывами и без должного руководства со стороны парторганизаций²³. В результате беседчики и агитаторы сами

¹⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 36. Л. 2.

¹⁷ Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 24–25.

¹⁸ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 204. Л. 6.

¹⁹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 192–193.

²⁰ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 234. Л. 63.

²¹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 259. Л. 22.

²² Там же. Д. 109. Л. 108 об.

²³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 36. Л. 37.

путались в решениях партии и правительства и не могли правильно и доходчиво донести информацию до рабочих и служащих. Так, чернорабочий вагонного депо станции Хабаровск-2 Цимерин говорил по поводу работы беседчиков следующие:

интересуюсь международным положением и внутренним, как дальше будет протекать жизнь рабочих и колхозников, а об этом нам не рассказывают²⁴.

Важной причиной медленного развития политико-идеологической работы на предприятиях и транспорте Дальнего Востока являлся дефицит опытных агитаторов и пропагандистов. Особо беспокоил тот факт, что многие коммунисты, комсомольцы и беспартийный актив не привлекались к работе агитаторами и беседчиками. Исходя из этого их количество на предприятиях и организациях было недостаточным для нормальной работы. Так, на более чем 500 чел. коллектива Дальзавода на 1937 г. имелось всего 3–4 агитатора²⁵.

Согласно отчетам, утверждение беседчиков, чтецов, агитаторов и пропагандистов часто происходило формально, без необходимой проверки, при этом для их работы не намечалось конкретных объектов. Нередко это были «случайные» люди, не имевшие опыта агитационно-пропагандистской работы с населением. Следствием их низкого уровня политической грамотности являлось неудовлетворительное состояние всей политико-идеологической работы, проводимой ими на шахтах²⁶, рудниках, рыбных промыслах²⁷, лесозаготовках, транспорте²⁸. Это, прежде всего, проявлялось в отсутствии увязки политико-идеологических аспектов с хозяйственными задачами. В результате этого многие коммунисты не выполняли производственную программу и не являлись ударниками на производстве.

Ослабление эффективности политико-идеологической работы на местах усугублялось ее частой заменой на хозяйственные мероприятия для выполнения или перевыполнения плановых показателей на производстве. Исходя из этого некоторые руководители предприятий, а порой и местная администрация проводили политико-идеологическую работу лишь формально. Так, в результате проверки состояния политико-идеологической работы в Амурской области в 1939 г. было отмечено, что

во многих случаях партийно-массовая и политическая работа, а также повседневное руководство находилось на недопустимо низком уровне. Политработники своих прямых обязанностей не выполняют, а занимаются хозяйственными работами²⁹.

Про подобных работников И.В. Сталин говорил в своем докладе от 3 марта 1937 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б):

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т.п. – не стали обращать внимание, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело³⁰.

Недостаточно развитая система коммуникационной инфраструктуры дальневосточного региона приводила к медленному развитию политико-идеологической

²⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 234. Л. 46–47.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 279. Л. 160.

²⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 160. Л. 18–19; ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 260. Л. 78.

²⁸ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 421. Л. 71–71 об.

²⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 179. Л. 244.

³⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. № 1. 1994. С. 14.

массовой работы среди населения отдаленных районов, что значительно сковывало, по мнению властей, социально-экономическое развитие «глубинки». В большинстве случаев в сельских районах беседчики и чтецы большей частью командировались из районных центров, а не выделялись непосредственно в самих селах. В результате этого беседы и читки проводились редко и в основном по темам, далеким от повседневной жизни того или иного села. Имевшийся в некоторых населенных пунктах края положительный опыт работы беседчиков (как например, в селе Халкидон Черниговского района Приморской области, где каждую декаду регулярно проводились беседы и читки)³¹, организационно не закреплялся. Агитационные коллективы в районах часто не использовали в своей работе местный материал – примеры высокой идейности и ответственности отдельных работников и целых коллективов за вверенное им дело. Так, на лесокомбинате в Шкотовском районе Приморской области домохозяйки прочитали в газете «Известия» о том, что в Горьковской области «выпал серебряный дождь» и многие из них расценили, что это «послание божие» и заявляли: «Вот, а говорят, что бога нет». На это явление агитаторы не дали разъяснений, а вся парторганизация лесокомбината стояла в стороне от антирелигиозной работы³².

Востребованность в политико-идеологических мероприятиях в простейших формах, таких, как читки, беседы и т.д. со стороны трудящихся дальневосточного региона была очень велика, о чем свидетельствуют следующие строки:

Раньше к нам часто приходили, проводили беседы. Был даже литературный вечер – с сожалением отмечал котельщик-стахановец завода «Металлист» Лапин. Теперь никто не приходит. Нас интересуют последние события. Сами мы разобраться не можем. Нам нужны беседы о международном и внутреннем положении³³.

Интерес порой был настолько силен, что дирекции предприятий и организаций направляли в Далькрайком ВКП(б) и обкомы ВКП(б) запросы о проведении с их работниками лекций и бесед по международным проблемам и внешней политике СССР. К такому шагу, из-за отсутствия политико-идеологической работы на производстве, в частности, прибегнул хабаровский краевой комитет профсоюза работников леса и сплава³⁴.

Значительная часть проблем в развитии политико-идеологической работы была связана с отсутствием эффективного руководства со стороны отдела партийной пропаганды и агитации Далькрайкома ВКП(б), который не уделял достаточно внимания ни работе партийных комитетов предприятий и организаций, ни работе обкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). Партработники иронично называли данный отдел «передаточным пунктом», т.к. его работа сводилась только к пересылке на места директив, получаемых из ЦК ВКП(б), у работников отдела невозможно было получить сведения информационно-аналитического характера. Вместе с тем, данный отдел часто не располагал сведениями о сущности проводимой той или иной политико-идеологической работы на местах. Также обращало на себя внимание полное отсутствие работ по популяризации политической информации, по подведению итогов различных агитационных компаний, по изучению настроений, которые обнаруживались в процессе агитации, и т.д.³⁵

Центральное и региональное партийно-политическое руководство стремились решить проблемы, которые мешали эффективному развитию политико-

³¹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 204. Л. 5.

³² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 50. Л. 90.

³³ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 220. Л. 58.

³⁴ Там же. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 557. Л. 196.

³⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 204. Л. 1–2.

идеологической массовой работы. Многочисленные распоряжения о необходимости улучшения политико-идеологической работы среди населения, об усилении персональной ответственности за ее качество и т.д. не всегда выполнялись на местах в полном виде, о чем свидетельствовали фактические данные разнообразных обследований и проверок. По итогам их обсуждения выносились решения о ликвидации недочетов, упущений и ошибок, допущенных в ходе реализации с определенными социальными группами. Однако многие из них не выполнялись на местах в полной мере, что в свою очередь отмечалось в последующей отчетной документации и вновь предлагалось их ликвидировать. Так, результаты масштабной проверки состояния политико-идеологической агитационной работы в первичных партийных организациях завода им. Молотова, завода им. Горького, участка станции Хабаровск-2, Хабаровской электростанции, Краевого земельного управления (Крайзу), Хабаровского почтамта, телефонной станции и Сталинского районного совета в г. Хабаровск, которая продемонстрировала крайне низкий уровень качества политико-идеологической работы, были предметом рассмотрения на заседании бюро Далькрайкома ВКП(б) в июле 1937 г.³⁶ Подвергнув критике общее состояние политической агитации и пропаганды на проверенных предприятиях и организациях, Далькрайком ВКП(б) обязал их в кратчайший срок исправить все недочеты. Однако уже в отчете «О состоянии партийной пропаганды и политической агитации в ДВК» от 13 октября 1937 г. указывалось сохранение недостатков в области развития политико-идеологической работы³⁷. Подобная ситуация отмечалась в ходе проверки состояния партийной пропаганды и агитации в партийной организации Дальзавода³⁸, Ворошиловского масложиркомбината³⁹, а также ряда партийных организаций г. Благовещенска⁴⁰ и г. Владивостока⁴¹.

Не получая со стороны вышестоящих партийно-политических органов власти соответствующих распоряжений и указаний, партторги и местные партийные территориальные организации не выполняли работу по внедрению политико-идеологической составляющей в повседневной трудовой деятельности. Отсутствие специального подхода к ведению политико-идеологической массовой работы исходящей от специфики социально-экономического положения трудящихся определенных предприятий, организаций, школ, колхозов и т.д. приводило к отказу населения посещать их и способствовало выработке у него аполитичного отношения к мероприятиям власти. Часть населения постепенно переставала верить официальной пропаганде, агитации и ее носителям, поскольку декларируемые ею обещания лучшей жизни по факту не проявлялись в повседневности. А тот факт, что сами агитаторы, беседчики, чтицы и другие политико-идеологические работники относятся к своей работе не всегда качественно, усиливали эти настроения. Исходя из этого руководители некоторых предприятий и организаций, особенно во второй половине 1930-х гг. отмечали некоторую аполитичность и безразличное отношение рабочих и служащих к происходившим в стране политическим событиям. Так, на митинге, посвященном выходу постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбы с злоупотреблениями в этом деле», на Дальзаводе из 3500 чел., работавших в основных цехах, присутствовало только 475 чел., или 14 %. Из присутствовавших никто не высту-

³⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 234. Л. 48.

³⁷ Там же. Л. 62.

³⁸ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 234.

³⁹ Там же. Д. 442. Л. 236 об.

⁴⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 36. Л. 36.

⁴¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 50. Л. 15–16.

пил и не задал ни одного вопроса, а реплики прозвучали только от пяти заранее подготовленных агитаторов⁴².

Подобные факты отмечались в трамвайном парке г. Владивостока. На партийное собрание коллектива 21 мая 1941 г. явилось только 46 чел. из более чем 500 работников предприятия. На вопрос о причинах отсутствия рабочих на собраниях говорилось:

Зачем ходить на собрания, ведь там устраивают только говорильню, выносят хорошие и красивые решения, для того чтобы подшить все к делу и ничего не делать, вот поэтому и не хочется ходить на собрания⁴³.

Проверка данного предприятия выявила полное отсутствие политико-идеологической работы с коллективом в течение длительного времени. Партийные работники не занимались устной и наглядной агитации (изготовлением плакатов, диаграмм, витрин ударников и стахановцев), а социалистические соревнования организовывались формально и то только в связи с какими-нибудь партийно-политическими событиями или праздниками. Партийный комитет предприятия не рассматривал многочисленные ценные рационализаторские предложения от работников, что привело к сокращению их поступления⁴⁴.

Выводы

Политико-идеологическая работа, осуществляемая партийно-политическими структурами Дальнего Востока СССР в 1930-е гг., в целом развивалась в общесоюзном русле. Но в то же время она имела целый ряд особенностей, связанных со специфическими условиями региона. В их основе было нехватка кадров, в результате чего данную работу выполняли люди, не имевшие ни опыта, ни стажа, ни соответствующей квалификации. Формальный подход исполнителей и отсутствие строгого контроля со стороны вышестоящих инстанций способствовали снижению качества, что прежде всего проявлялось в недостаточном увязывании политико-идеологических установок с решением актуальных хозяйственно-экономических задач. Некоторые региональные партийные и хозяйственные руководители были заинтересованы в выполнении промышленных и хозяйственных плановых показателей и часто недооценивали политико-идеологическую работу. Это мешало выработке идейной зрелости и моральной ответственности у рабочих и служащих и часто приводило к появлению неверных толкований политических и социально-экономических решений и мероприятий, проводимых государством. Ряд ответственных партийных работников и рядовых коммунистов и комсомольцев не являлись ни передовиками, ни ударниками производства и потому не могли быть примером для подражания. В результате у части трудящихся происходило снижение уровня доверия к партии, что приводило к отказу от участия в политико-идеологических мероприятиях, который порой приобретал системный характер.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.05.2021

⁴² ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 828. Л. 53.

⁴³ Там же. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 132. Л. 26–27.

⁴⁴ Там же. Л. 29.

References

- Binov, A.A. *Partiino-massovaia rabota v tsekh i brigade*. Moscow: Ogiz Publ.; Leningrad: Moskovskii rabochiy Publ., 1931 (in Russian).
- Chogandaryan, M.G. “Metody, sposoby i priemy sovetskot propagandy v 1920–30-e gg. XX v.” *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 4 (2013): 181–183 (in Russian).
- Fedukova, A.M. “Ideino-politicheskoe vospitanie studenchestva v vuzakh i tekhnikumakh Dal'nevostochnogo kraia v gody vtoroi piatiletki.” In *Istoriia dal'nevostochnykh partiinykh organizatsiy perioda sotsialisticheskogo stroitel'stva (1922–1972 gg.)*, 87–99. Vladivostok: DVGU Publ., 1974 (in Russian).
- Gilinskiy, A.L. *Partiacheika na khoziaistvennom fronte*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo Publ., 1930 (in Russian).
- Karpov, I. K. *Za perestroiku raboty sovetskikh iacheek*. Moscow: Partizdat Publ., 1932 (in Russian).
- Klyucheva, V.I. *Ideinoe i organizatsionnoe ukreplenie Kommunisticheskoi partii v usloviyakh bor'by za postroenie sotsializma v SSSR*. Moscow: Mysl' Publ., 1970 (in Russian).
- Ogurcova, M.E. *Ideino-politicheskaya rabota partiinykh organizatsiy Dal'nego Vostoka v period uprocheniia sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR. 1938 – iun' 1941 gg. (Na materialakh Primorskogo i Khabarovskogo kraev)*: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1973 (in Russian).
- Popovkin, E.E. *Marksistsko-leninskoe vospitanie na predpriatii*. Moscow: Ogiz Publ.; Leningrad: Moskovskii rabochiy Publ., 1931 (in Russian).
- Popovkin, E.E. *Marksistsko-leninskoe vospitanie v derevne*. Moscow: Partizdat Publ., 1932 (in Russian).
- Rotanova, T.N. “Rukovodstvo dal'nevostochnoi partiinoi organizatsii вовлечением mass v sovetskoe stroitel'stvo (1926–1930 gg.)” In vol. 67 of *Trudy moskovskogo instituta narodnogo khoziaistva*, 78–91. Moscow: MINH Publ., 1969 (in Russian).
- Samoylov, A.G. *Agitatsionno-propagandistskaia rabota partii v period provideniia industrializatsii (1929–1937 gg.)*. *Istoriografiia agitatsionno-propagandistskoi raboty partii (1921–1937 gg.)*. Gor'kii: GGU Publ., 1981 (in Russian).
- Smirnova, M.V. “Deiatel'nost' dal'nevostochnoi kraevoi partiinoi organizatsii po vospitaniiu politicheskoi soznatel'nosti rabochikh v gody vtoroi piatiletki.” In *Partiinye organizatsii Dal'nego Vostoka v avangarde bor'by za postroenie sotsializma i kommunizma*, 148–164. Khabarovsk: HPI Publ., 1974 (in Russian).
- Sosov, A.A. *Meropriiatiia zapadno-sibirskoi kraevoi partiinoi organizatsii po politicheskomu vospitaniiu rabocheho klassa v gody vtoroi piatiletki*. In *Iz istorii rabocheho klassa Sibiri*, 117–135. Novosibirsk: Knizhnoe izd-vo Publ., 1964 (in Russian).
- Strashnikov, P.A. “Formirovanie sistemy sovetskikh organov i uchrezhdenii partiino-gosudarstvennoi propagandy i agitatsii v nachale 20-kh gg.” *Vestnik social'no-pedagogicheskogo instituta*. no. 1 (6) (2013): 55–56 (in Russian).
- Ushakova, S.N. *Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funktsionirovaniia stalinskogo rezhima: novye podkhody i istochniki*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013 (in Russian).
- Voishnis, V.Ye. *Partiinoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (noiabr' 1922–1937 gg.)*. Khabarovsk: HGPU Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

А.А. Исаев, канд. ист. наук доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточного федерального университета; Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, остров Русский, поселок Аякс, д. 10; isaev.aa@dvfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4750-7215>

A.A. Isaev, PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Archeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University; 10, Ayax village, Vladivostok, Russky Island, Primorskii Territory, 690922, Russia; isaev.aa@dvfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4750-7215>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-83-94>

Научная статья / Research article

На БАМе было все! Торговое обслуживание участников Всесоюзной комсомольской стройки

Николай Сергеевич Байкалов

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия

✉ baikalov@bsu.ru

Аннотация: В работе рассмотрены особенности организации торгового обслуживания строителей БАМа в 1974–1989 гг., описаны сложившиеся режимы распределения товаров повышенного спроса, формы и практики потребления. Эмпирическую базу исследования составили материалы делопроизводства и статистические данные Минтрансстроя СССР, строительных предприятий, муниципалитетов, партийных и общественных организаций, а также собранные в районах стройки воспоминания бамовцев. Автор анализирует проблемы строительства и материального оснащения отрасли и делает вывод, что торговая сеть региона проектировалась и создавалась в сжатые сроки преимущественно во временном исполнении. На протяжении всего периода строительства она испытывала дефицит торговых и складских помещений, отличалась низкой материально-технической оснащённостью. Особый режим снабжения строителей должен был привлечь рабочую силу и способствовать оседанию населения в районах нового освоения. Если по личным источникам торговое обслуживание описывается исключительно как привилегированное, то документальные позволяют заключить, что система снабжения испытывала схожие с обычной советской торговлей трудности. На основе сочетания существовавшего режима привилегий с системными сбоями в функционировании торговой отрасли в районах стройки сложились специфические практики распределения и потребления товаров, многие из которых оказались востребованными местными жителями в постсоветский период.

Ключевые слова: советская культура потребления, брежневская эпоха, поздний социализм, история повседневности, уровень потребления, поздний социализм

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-43043 и гранта Бурятского госуниверситета № 20-10-0502.

Для цитирования: Байкалов Н.С. На БАМе было все! Торговое обслуживание участников Всесоюзной комсомольской стройки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 83–94. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-83-94>

At the BAM We Had Everything! Consumption Good Supplies for Workers of the All-Union Komsomol Construction Project

Nikolai S. Baikalov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

✉ baikalov@bsu.ru

Abstract: The paper analyzes trade and supply services for the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM) builders during the years 1974–1989. It describes the distribution system of goods, the forms of consumer behavior as well as consumption practices among participants of the project. The sources used

for this study include office documents and statistics of the Soviet Ministry for Transport Construction, of building companies and municipalities, as well as of party and public organizations, next to oral testimonies given by former BAM construction workers that the author recorded during fieldwork. The author analyzes the establishment of trade enterprises and their technical equipment. Important is that the BAM trade network was created in a short time, and was meant to be temporary. During the whole period the system was plagued by a shortage of retail and warehouse facilities, and by insufficient support. At the same time, a special supply regime was in place to attract labor to BAM, and also to contribute to the subsistence of the population in the new development areas. While personal testimonies described trade services exclusively as privileged, the documentary evidence shows that the supply system faced difficulties similar to problems in “ordinary” Soviet trade. As a privilege regime came in combination with systemic malfunctions in the trade industry, specific practices were developed for the distribution and consumption of goods. Many of these practices were continued by local residents in the post-Soviet period.

Keywords: Soviet Consumer Culture, the Brezhnev Era, everyday life history, late socialism, workers’ supply,

Acknowledgements and Funding: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43043 and grant of Buryat State University № 20-10-0502.

For citation: Baikalov, Nikolai S. “At the BAM We Had Everything! Consumption Good Supplies for workers of the All-Union Komsomol Construction Project.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 83–94. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-83-94>

Введение

Культура потребления периода позднего социализма привлекает внимание исследователей, которые стремятся в ней найти истоки социальных потрясений рубежа 1980–1990-х гг. Уровень благосостояния 1970-х казался беспрецедентным старшему поколению советских граждан, но был недостаточным для их детей и внуков. Брежневские годы заложили основу нестабильности и в конечном итоге разрушения советской системы¹. Большинство работ по данной теме написаны на материалах европейской части страны. Обширные территории Сибири и Дальнего Востока с сетью новых городских поселений редко попадают в фокус исследователей. Данная работа посвящена проблемам организации торгового обслуживания участников последней социалистической стройки всесоюзного масштаба – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ), основной период сооружения которой пришелся на 1974–1989 гг. Территориально исследование охватывает Усть-Кутский и Казачинско-Ленский районы Иркутской области, Северо-Байкальский и Муйский – Бурятской АССР, Каларский – Читинской области, вместе образующие западный участок БАМа.

Источниками работы послужили документальные материалы центральных, региональных и местных архивов, в том числе отчеты служб снабжения, советских и партийных органов власти, комсомольских и профсоюзных организаций. Наряду с ними были использованы устные свидетельства участников и современников стройки, собранные автором во время серии экспедиций в районы БАМа. Методологической основой работы послужил современный историко-антропологический подход. При рассмотрении проявлений «экономики дефицита» в торговом обслуживании строителей автором применялась концепция «малой сделки», под которой понимается терпимость государства по отношению к теневой экономике и неформальным экономическим практикам в обмен на лояльность граждан к системе². Теория «перформативного сдвига»³ использовалась при анализе количественных и

¹ Chernyshova N. *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London, 2013. P. 205.

² Millar J. *The Little Deal: Brezhnev’s contribution to acquisitive socialism* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 4. № 44. P. 694–706.

³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 74–75.

качественных показателей торгового обслуживания. С этой точки зрения выполнение плана товарооборота предполагало не удовлетворение потребности общества в определенном виде товара, а достижение требуемых показателей.

Автор выделяет три тематических фокуса, представленные в соответствующих разделах статьи: организация рабочего снабжения, особенности системы распределения товаров и связанные с ними формы и практики потребления.

От изобилия к дефициту: развитие системы рабочего снабжения строителей

Система снабжения БАМа формировалась в неблагоприятных условиях северных районов, характеризовавшихся низкой плотностью населения, неразвитостью путей сообщения, незначительной долей натуральных доходов от подсобных хозяйств и отсутствием местной промышленности. Первоначально торговое обслуживание строителей осуществлялось маломощными предприятиями потребительской операции, занимавшей более 70 % товарооборота. С ростом населения Минтрансстроем было образовано три управления рабочего снабжения (УРС), в каждом из которых создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы), непосредственно обеспечивавшие строителей товарами народного потребления. Возникавшие вдоль БАМа города и поселки могли существовать только за счет спецснабжения, чем напоминали советские закрытые территории, представлявшие «искусственно созданные островки изобилия в системе плановой советской экономики»⁴.

К 1980 г. в системе УРСов насчитывалось 286 магазинов, 106 столовых и котлопунктов, 59 тыс. кв. м общетоварных складов⁵. Высокие темпы их развертывания достигались за счет размещения во временных и приспособленных зданиях. Однако торговых площадей все равно не хватало. Планы ввода объектов регулярно не выполнялись из-за недостатка финансирования и стройматериалов. Так, по УРСу «Нижеангарсктрансстрой» обеспеченность торговыми площадями составляла 45 %, столовыми – 35 %, складами – 49 %, холодильниками – 50 %, пекарнями – 36 %⁶.

Слабое обустройство торговых предприятий компенсировалось широким ассортиментом товаров, возможностью приобрести в рассрочку автомобиль через целевой вклад в сбербанке. В официальном дискурсе данные привилегии рассматривались как обязательное условие по жизнеобеспечению тружеников БАМа. По мнению Н. Чернышевой, в 1970-е гг. советское общество переживало «потребительскую революцию», в ходе которой идея материального изобилия как предпосылки построения коммунизма заняла прочное место в концепции «развитого социализма»⁷.

Первая встреча с прилавками бамовских магазинов вызывала изумление приехавших к дефициту советских граждан:

Полушубки тогда в моде были на «большой земле», а у нас они как спецодежда... Леонид Ильич снабжал капитально. На «большой земле» мы не знали, что такое фрукты. А здесь они постоянно лежали: от цитрусовых до ананасов⁸.

Снабжение БАМа представляет специфическое место памяти бамовцев и сегодня, что свойственно большинству молодых поселений⁹. Ностальгия по прошло-

⁴ Бородулина А.С. «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 127.

⁵ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 3825. Л. 99.

⁶ Там же. Д. 4587. Л. 57.

⁷ Chernyshova N. Soviet Consumer Culture... P. 17–18.

⁸ ПМА: интервью с бывшим тоннельщиком, Баргузин, 2018.

⁹ Веселкова Н.В., Прямокова Е.В., Вандышев М.Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург, 2016. С. 316.

му и сложная ситуация, в которой население оказалось после окончания стройки, формируют нарратив товарного изобилия, прослеживающийся во всех рассказах:

На БАМе было все! У нас колбасы какой только не было, и стуженки, и тушенки, и конфет. У нас все было! В начале БАМа – особенно. Этот кримплен, материалы, шубы, польта были... У меня лично пять пар сапог было, босоножек пар шесть¹⁰.

Архивные документы демонстрируют, что показатели обеспеченности баумовцев товарами народного потребления отличались на разных этапах строительства и зависели от значимости сооружаемого объекта, местной логистики и инфраструктуры, личных качеств работников торговли.

География поставщиков товаров для БАМа охватывала все республики СССР. Сибирь зависела в снабжении сельхозпродукцией от других регионов и не располагала развитой пищевой промышленностью¹¹. Ежегодно каждый УРС завозил до 10 тыс. тонн картофеля, более 3 тыс. лука, 1,5 тыс. свежей капусты, а также бахчевые культуры и фрукты из республик Средней Азии. Отечественные и импортные консервы приходили через Росоптпродторг. Кондитерские изделия поступали из Москвы, Ульяновска, Волгограда, Благовещенска¹².

Нередко ОРСы привлекали избыточные ресурсы, которые перепродавались другим торгующим системам. На рубеже 1970–1980-х гг. регулярно «перепоставлялись» мясные продукты, рыба, консервы, кондитерские изделия. В постоянной продаже имелось несколько видов свежемороженой рыбы, мясных консервов, большой выбор рыбных и плодоовощных консервов, а также фруктовых соков. Недостаток товаров наблюдался по свежим овощам и фруктам, молочной продукции, которые обычно распределялись между столовыми, школами, больницами и в розничную продажу поступали редко¹³.

Шефский коллектив из Пензы обратился с письмом к А.Н. Косыгину, в котором рабочие жаловались на отсутствие в продаже молока и молочнокислых продуктов, рыбы, свежих овощей и фруктов¹⁴. У группы ленинградских строителей из-за неполноценного питания развилась цинга, а рацион военнослужащих, занятых на восточном участке БАМа, в течение года состоял из порошка картофеля и рыбных консервов¹⁵. В 1979 г. объем розничного товарооборота в расчете на душу населения на БАМе был на 5–15 % ниже, чем по РСФСР¹⁶. Соцопрос штаба ЦК ВЛКСМ показал, что торговым обслуживанием было недовольно 68,9 % респондентов¹⁷.

УРСы восполняли дефицит свежих продуктов, привлекая местных сельхозпроизводителей, которые ежемесячно производили по 60–70 тонн свежего молока. В поселках были созданы 96 свинопунктов и 2,7 тыс. кв. м теплиц¹⁸. Южно-Якутский ТПК удовлетворял собственным производством потребности в кар-

¹⁰ ПМА: интервью с работником столовой, Новый Уоян, 2004.

¹¹ Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск, 2019. С. 189.

¹² Архивный отдел Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области (АО КЛМР). Ф. 39. Оп. 1. Д. 79. Л. 101.

¹³ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 5554. Л. 58.

¹⁴ Там же. Д. 2943. Л. 109–112.

¹⁵ Воронина Т.Ю. Рабочая миграция на БАМ (1974–1984): социальная политика и рассказы о жизни в интервью с бывшими строителями // *National Identity in Eurasia II: Migrancy and Diaspora* (University of Oxford, Oxford, UK). 10–12 July 2009. URL: <https://www.academia.edu/5480266> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁶ Аганбеян А.Г., Кин А.А., Можин В.П. БАМ: строительство и хозяйственное освоение. М., 1984. С. 58–59.

¹⁷ Государственный архив республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. П-36. Оп. 14. Д. 86. Л. 6.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 3825. Л. 99.

тофеле на 24 %, овощах – на 40 %, яйцах – на 34 %, в молоке – на 10 %. Зейско-Свободненский ТПК обеспечивал собственными силами производство мяса на 43 %, овощей – на 62 %, яиц – на 52 %¹⁹.

По непродуктивным товарам структура спроса и предложения отличалась своей динамикой. В первое время в торговых сетях наблюдался переизбыток невостребованных в условиях палаточного быта товаров (мебель, посуда, галантерея). Работник торговли вспоминал, что в 1975–1976 гг. на бурятский участок стройки было выделено по пять тысяч телевизоров и гитар, которые в отсутствие электричества и телевидения оказались не нужны²⁰. По мере обустройства поселков спрос на промтовары возрастал, что приводило к их нехватке и введению специальных режимов распределения. «Перевыбранными» являлись фонды на овчинно-шубные и меховые изделия, трикотаж, чулочно-носочные изделия, радиотовары и телевизоры²¹. С середины 1980-х гг. торговые организации испытывали недостаток мебели, посуды, тканей и бытовой химии²².

Перебои в снабжении были вызваны нарушениями норм и сроков отгрузки товаров поставщиками, неконтейнерными поставками, планированием до 40 % промтоварных фондов на четвертый квартал года, неразвитостью транспортно-разгрузочной инфраструктуры. С 1987 г. начались регулярные срывы импортных поставок, связанные с прерыванием торговых связей со странами СЭВ.

Нехватку товаров ОРСы стремились восполнить вовлечением товарных запасов, децентрализованным закупком, развитием комиссионной торговли, организацией собственного производства. В целом данная система оказалась неготовой к новым условиям, связанным с самостоятельными исследованиями рынка, поиском поставщиков, закупками. Несмотря на воспоминания бамовцев о товарном изобилии, в рабочем снабжении воспроизводилась ситуация дефицита, характерная для других регионов страны.

«По разрядке» или «из-под прилавка»: особенности распределения дефицитных товаров

Недостаток тех или иных товаров приводил к возникновению особых режимов распределения. Самые дефицитные товары, например ковры, меха, мотоциклы, поступали «по разрядке» и распределялись постройками по талонам между предприятиями. Руководители строительных организаций, секретари парткомов и постройкомов имели прямой доступ к отбору и распределению поступающих товаров.

Местное партийное и советское руководство стремилось установить свой контроль над товарными потоками, иницируя и поощряя критику ОРСов со стороны трудящихся. В отдельных случаях посоветы добивались права распределять талоны на отдельные группы товаров. Они определяли время и магазины, куда будут завезены дефицитные вещи, вели списки очередников. Все товары повышенного спроса должны были вноситься в регистрационные книги, а нераспределенный остаток свободно продаваться «с прилавка» на следующий день после закрытой распродажи²³.

Работники торговли, в свою очередь, вырабатывали свои схемы «обхода» формальной системы распределения. Во многих ОРСах существовала практика вывоза дефицитных товаров на стройучастки для продажи рабочим. Фактически таким путем товары реализовывались через «своих» покупателей нужным лицам

¹⁹ Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985. С. 97.

²⁰ Натаев П.Л. Трасса мужества. Бурятский участок БАМа. Улан-Удэ, 2005. С. 169.

²¹ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 5551. Л. 87.

²² Там же. Д. 6550. Л. 47.

²³ АО КЛМР. Ф. 39. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

в разрез установленным спискам и разрядкам. Местные власти в борьбе с подобными фактами апеллировали к недовольству граждан, нарушению санитарных норм, взывали к общественным обязательствам и моральным качествам сотрудников ОРСов.

По мере завершения строительных объектов и передачи отдельных организаций из Минтрансстроя в железнодорожное или муниципальное ведомства ОРСы прекращали снабжение работников таких организаций дефицитными вещами. В поссоветы поступало большое количество заявлений с требованиями обязать торговую организацию возобновить снабжение граждан. Обычно в таких обращениях заявитель просил выделить ему не один конкретный товар, а перечислял несколько разных вариантов, в надежде получить талон хотя бы на одну вещь²⁴.

Свои негласные правила существовали в распределении товаров между разными поселками, обслуживаемыми одним ОРСом. В более выгодном положении находился населенный пункт, в котором размещались руководство и торговая база снабжающей организации. Остальные участки обеспечивались по «остаточному принципу». В 1979 г. в ходе проверки народным контролем отделений ОРСа СМП-571 было обнаружено, что в п. Магистральном, где располагалось «головное» отделение, ассортимент был намного разнообразнее, чем в филиалах. Вместо запрашиваемых товаров периферия получала не пользующуюся спросом продукцию²⁵.

Все это создавало предпосылки роста злоупотреблений, наибольшее количество которых приходилось именно на сибирские новостройки²⁶. В ежегодных отчетах УРСов показатели нарушений в торговле занижались. Попытки правоохранительных органов инициировать расследования нередко пресекались «сверху», как полагают эксперты, из-за коррупции и с целью сохранения безупречного имиджа стройки²⁷. Тем не менее, информация о мелких злоупотреблениях находила отражение в сводках народного контроля. На БАМе были распространены типичные для советской торговли нарушения, такие как обмеривание, обвешивание, обсчет, подмена сортности, завышение расценок, «принудительный» ассортимент в форме праздничных наборов²⁸. Продавцы имели право списывать лимитированное количество товаров, ссылаясь на якобы допущенный при транспортировке и разгрузке бой стеклянной тары, брак, «некондицию».

Несколько резонансных дел о спекуляциях товарами повышенного спроса было связано с руководителями комсомольских штабов стройки. Как отмечалось в одной из критических статей:

Штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе обнажил страшный контраст героизма рабочих комсомольских бригад и комсомольских аристократов, начальников, умеющих заниматься лишь махинациями, воровством, трескучими мероприятиями и бумаготворчеством²⁹.

В архивных фондах ЦК ВЛКСМ сохранились сведения о том, как комсомольские лидеры спекулировали коврами, дубленками, магнитофонами. В одном случае лидер комсомольской организации распределял предназначенные для победителей соцсоревнования мотоциклы между своими друзьями и знакомыми³⁰. В другом де-

²⁴ АО УКМО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 76. Л. 80.

²⁵ АО КЛМР. Ф. 39. Оп. 1. Д. 27. Л. 68–69.

²⁶ *Погребняк А.И.* Статистика правонарушений в системе государственной и кооперативной торговли Сибири в середине 1940-х – 1980-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 331.

²⁷ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 13. Д. 105. Л. 22.

²⁸ *Хазиев Р.А.* «Ловкачи на все руки»: нелегальное получение доходов в эпоху Н.С. Хрущёва // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. №14. С. 262.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 27м. Оп. 1. Д. 348. Л. 14–16.

³⁰ *Ward Chr.* Building Socialism?: Crime and Corruption during the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway // *Global Crime*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 58–79.

фицитные вещи вывозились из Тынды в Москву, где «реализовывались» через БММТ «Спутник». Прокуратурой и органами следствия было инициировано несколько крупных процессов, часть из которых завершилась приговорами, другие были прекращены после «звонка сверху»³¹. Таким образом, даже специальная система снабжения БАМа не избавила стройку от свойственного советской торговле дефицита и порождаемых им режимов распределения, мошенничества, коррупции и взяточничества.

Между аскетизмом и роскошью: особенности культуры потребления строителей

У строителей БАМа сложилась специфическая модель потребительского поведения тех лет. Исследователи обращали внимание на беспечное отношение к деньгам, «нестяжательство» в повседневной жизни и одновременный азарт в приобретении статусных вещей, автомобилей³². На основе собранных интервью и воспоминаний строителей можно выделить наиболее часто встречающиеся сюжеты, характеризующие культуру потребления бамовцев через определенные практики и ценностные установки.

Жизнь во «временках» сформировала своеобразный бытовой аскетизм строителей, которые обходились без привычных вещей. Многие бамовцы предпочитали изготавливать все необходимое кустарным способом еще со времен палаточных лагерей:

С деньгами у нас тогда проблем вообще не было. Но дело в том, что нам нечего было покупать! Что мы будем покупать, если мы все живем в палатке? Зачем эти ковры и кровати нужны? Потом переехали в щитовые дома, там тоже не было кроватей. Временка, все самодельное было – шкафчики на кухне, столы, стулья...³³

Наряду с психологической установкой большинства строителей на временное пребывание на стройке в числе причин подобного аскетизма бамовцы называют недостаток свободного пространства в квартирах, невозможность эксплуатации бытовых приборов из-за отсутствия или перебоев в электро-, водо- и теплоснабжении, частые пожары во временных поселках, режим строгой экономии, к которому прибегали многие семьи для досрочного погашения выплат по целевым вкладам на приобретение автомобиля – одного из главных стимулов привлечения рабочих на стройку. У жителей бамовских поселков всегда была возможность изготовить самостоятельно или безвозмездно приобрести самодельные мебель, утварь и прочие изделия.

В первые годы стройки бамовцы не делали продуктовых запасов, столь характерных для советских граждан на «большой земле», что связывается очевидцами со стабильным и разнообразным ассортиментом товаров в магазинах. Стесненные жилищные условия и невозможность обеспечить сохранность продуктов также затрудняли их заготовку впрок. В исключительных случаях, как праздничное застолье или встреча гостей, отдельные виды продуктов закупались заблаговременно. По мере обустройства поселков многие семьи стали запасать продукты. В воспоминаниях встречаются рассказы о кладовках, обвешанных колбасами, или коробках с консервами под кроватью.

Еще одной особенностью потребления были легендарные бамовские посылки, адресованные друзьям и родственникам с «большой земли». Стандартный

³¹ РГАСПИ. Ф. 27м. Оп. 1. Д. 348. Л. 17–20.

³² Воронина Т.Ю. Память о БАМе. Тематические доминанты в биографических интервью с бывшими строителями // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 76–95.

³³ ПМА: интервью с учителем средней школы, Новый Уоян, 2004.

набор включал мясные и рыбные консервы, колбасы, компоты, кондитерские изделия. Жительница Нового Уояна вспоминает:

Вот я приезжала в Улан-Удэ к тетке: колбасы тебе – на, дрожжи сухие тебе – на, сгущенку – на, бери. Мы возили болгарские огурцы из-за банок пятилитровых... Если я собираю маме посылку: колбасу вот так вот (показывает охапку. – *Н.Б.*) принесешь³⁴.

Любовь советских граждан к колбасе, «престижность» потребления которой достигла апогея на рубеже 1970–1980-х гг.³⁵, дополнялась на БАМе культом тушеной говядины («тушенки»). Плотник из Северомуйска рассказывает:

По работе часто приходилось летать в Улан-Удэ, так я деду, у которого останавливался, каждый раз коробку тушенки привозил. Просто зайду перед отъездом в магазин и сразу коробку возьму. Он мне потом говорит: «Не надо больше тушенки, нам ее теперь до конца жизни не съесть»³⁶.

Магазины БАМа привлекали жителей соседних регионов, которые специально ездили туда «отовариваться». Феномен «продовольственных десантов», т.е. «регулярных массовых поездок в столичные города за продуктами и другими товарами первой необходимости», известен в СССР с конца 1930-х гг. Такие поездки нередко вызывали антагонизм жителей провинции и столицы³⁷. В районах БАМа подобные экспедиции участились после открытия железной дороги для пассажирских перевозок. Пока продуктов было достаточно, иногородних «конкурентов» никто не замечал. Позднее стали высказываться инициативы по ограничению продажи товаров приезжим. В 1987 г. жители Магистрального с возмущением жаловались:

Если подойти на железнодорожный вокзал к красноярскому поезду, весь зал ожидания завален ящиками и сумками с продуктами. Местным жителям отоваривание по нормам товара в одни руки, а приезжие закупают коробками³⁸.

На практике требуемые ограничения так и не были введены, поскольку вскоре снабжение БАМа перестало быть привилегированным, и «колбасные поезда» исчезли сами собой.

Бытовой аскетизм бамовцев сочетался с «погоней» за престижными товарами и особым пиететом перед импортными вещами. По наблюдениям исследователей, заграничные товары привлекали советских граждан не только тем, что выигрывали по своим внешним и внутренним характеристикам, но еще и потому, что позволяли «их обладателям выделиться на фоне стандартизированной отечественной продукции»³⁹. Спрос на «импорт» нередко носил нефункциональный характер вне зависимости от потребительских свойств приобретаемых вещей⁴⁰. Тем не менее респонденты всегда отмечают в своих рассказах два преимущества импорта: разнообразие ассортимента и высокое качество.

Большая часть потребительских товаров поступала на БАМ из стран соцлагеря. Примечательно, что к импорту бамовцы в своих воспоминаниях также относят

³⁴ ПМА: интервью с работником столовой, Новый Уоян, 2004.

³⁵ *Лебина Н.Б.* Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М., 2019. С. 11–12.

³⁶ ПМА: интервью с бывшим плотником СМП-670, Баргузин, 2020.

³⁷ *Зарубина Н.Н.* От дефицита к диете: повседневные практики питания в советских и постсоветских анекдотах // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 135.

³⁸ АО КЛМР. Ф. 39. Оп. 1. Д. 90. Л. 50.

³⁹ *Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017. С. 126.

⁴⁰ *Твердюкова Е.Д.* «Лучшее из доступного»: качество потребительского импорта СССР из социалистических стран Центральной и Восточной Европы (1950-е – 1980-е гг.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1. С. 181.

товары из прибалтийских республик, которыми снабжались комсомольские отряды шефских организаций. Обычно такие поставки осуществлялись крупными партиями по предварительным заявкам рабочих, но излишки были доступны всем желающим. Если через ОРСы распространялись вдоль всей трассы одинаковые товары, то в шефские магазины они поступали в ограниченном количестве, и покупатели могли рассчитывать на эксклюзивную вещь:

У нас так: продают платья, и мы покупаем все, и назавтра у кого-то юбилей – мы все приходим в одинаковых платьях. Хочется надеть, а оказывается... Я помню, у Нины Дмитриевны юбилей был, 50 лет, и пять человек в одинаковых платьях, только расцветка разная... А там (в шефском магазине. – Н.Б.) они привозили совсем другие товары, если платье, то одно-два, костюм тоже – один-два⁴¹.

Повышенный интерес к импорту приводил к «залежалости» отечественных товаров, которые, по мнению потребителей, были изготовлены из материалов низкого качества, имели непривлекательный вид, были неудобными в использовании, часто и быстро выходили из строя. С одной стороны, местные власти пытались бороться с гонкой за импортными товарами и пропагандировали изделия отечественного производства⁴². С другой стороны, существовавший в СССР «культ иностранных товаров» поддерживался государством, которое активно закупало импортные товары для удовлетворения внутреннего спроса, распространяло их через магазины Внешпосылторга, спецраспределители, ОРСы и прочие закрытые системы снабжения, «подтверждая тем самым высокий статус иностранной продукции»⁴³.

Много неформальных практик возникло вокруг приобретения алкогольной продукции, на реализацию которой в районах стройки всегда существовали ограничения. В годы, предшествовавшие антиалкогольной кампании М.С. Горбачева, контроль над продажей крепких напитков в зоне БАМа разнился в зависимости от конкретной территории строительства, сложности возводимых объектов, количественного и качественного состава рабочих. Наиболее последовательно запрет на спиртное осуществлялся в комсомольских отрядах, молодежных бригадах, прочих «образцовых» коллективах. У так называемых «кадровых строителей», приехавших в составе организаций Минтрансстроя, ограничения соблюдались формально. Например, в поселках тоннельщиков винно-водочная продукция продавалась в открытом доступе, в том числе и в целях профилактики радиационного заражения в горных выработках⁴⁴.

В системе рабочего снабжения официально винно-водочная продукция отсутствовала. Однако по сводкам ГлавБАМстроя, уже в 1975 г. по одному только поселку Звездному в медвытрезвителях побывало за год около 500 человек из двух тыс. жителей⁴⁵. Источниками поступления алкоголя на стройку являлись торговые предприятия неподконтрольных Минтрансстрою систем. Спирт можно было «достать» у геологов, водку – в магазинах потребкооперации, выполнявшей планы по товарообороту за счет продажи алкоголя. Например, в 1975 г. винно-водочные изделия занимали 47,7 % товарооборота Северо-Байкальского райпотребсоюза. В один только эвенкийский поселок Уоян с населением в 400 жителей поступило

⁴¹ ПМА: интервью с бывшим начальником СМП, Северобайкальск, 2004.

⁴² АО КЛМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 460. Л. 8.

⁴³ Иванова А. Магазины «Березка»... С. 126, 159.

⁴⁴ Байкалов Н.С. Производственный травматизм и охрана труда при строительстве западного участка БАМа (1970-е – 1980-е годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 234.

⁴⁵ Ward Chr. "Path to the Future" or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984. Chapel Hill, 2002. P. 124.

30 тыс. бутылок водки⁴⁶. Подобные способы выполнения плана на территориях проживания коренных народов Севера описаны в научной литературе. З.П. Соколова считает, что таким путем достигались нужные плановые показатели и восполнялся дефицит наличных денег в местных бюджетах, от которых зависели в том числе выручка и премии работников торговли⁴⁷. По воспоминаниям, строители осуществляли «оптовые» закупки спиртного в местных торговых сетях, привлекая для доставки на стройучастки вездеходы, вертолеты, прочую спецтехнику.

В архивных документах содержатся свидетельства нарушений ограничительных мер самими ОРСаами. Спиртные напитки реализовывались не только «из-под прилавка» в магазинах, но также в столовых и котлопунктах «по завышенным ценам»⁴⁸.

Еще одним источником поступления алкоголя являлось самогонование. Комиссар комсомольского отряда, участвовавшего в строительстве Таксимо, вспоминал, как на 7 ноября рабочие приготовили брагу:

Мы к бочке 200-литровой приварили трубу и наделали дырок, чтобы умываться, умывальников же не было. Ребята украли эту бочку и бражку в ней замутили. Я нашел, вылил бражку на землю. И вот мы троих должны были выгнать из отряда⁴⁹.

Постепенно ограничения продажи крепких напитков становились формальными. В сети УРСов появились вина, шампанское, ликеры, коньяки, которые некоторое время продавались по талонам, а потом стали реализовываться свободно:

В магазинах у нас было бренди любое и вино. Я, когда домой приехал, в ресторанчик зашел. Друзья говорят: «Давай по коньячку». Я говорю: «Не-не-не, давай по водочке, потому что этот коньяк уже вот тут сидит»⁵⁰.

В мае 1985 г. в стране была повышена розничная цена на алкоголь, увеличен возраст, по достижении которого разрешалось употреблять спиртное, сокращено количество винно-водочных магазинов. В 1988 г. были введены талоны на алкоголь: один литр водки или коньяка, либо полтора литра вина или шампанского на человека в месяц⁵¹. Последствиями нововведений стали невыполнение торговыми предприятиями планов по товарообороту, бюджетный дефицит, спекуляции и рост отравлений от употребления контрафактной продукции⁵². В результате уже с конца 1988 г. начались послабления в торговле винно-водочной продукцией, завершившиеся полной отменой ограничений.

Выводы

В ходе сооружения БАМа на прилегающих территориях в крайне сжатые сроки была сформирована широкая сеть предприятий рабочего снабжения, включая магазины и автолавки, столовые, котлопункты, пекарни, склады. Система снабжения стройки проектировалась как временная, что определило такие особенности ее развития, как нехватка производственных площадей, слабая материально-техническая оснащенность, ограниченное финансирование. Все эти недостатки власти

⁴⁶ МКУ «Управление культуры и архивного дела муниципального образования «Северо-Байкальский район» республики Бурятия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 355. Л. 141.

⁴⁷ Соколова З.П. Советский магазин: торговля и алкоголь на Обском Севере (коренное население в 1950–1980 гг.) // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 105.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 27м. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–6.

⁴⁹ ПМА: интервью с командиром отряда «Комсомолец Бурятии», Таксимо, 2002.

⁵⁰ ПМА: интервью с бывшим тоннельщиком, Баргузин, 2018.

⁵¹ Вацук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и ее последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 98–99.

⁵² АО КЛМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 4–5.

стремились компенсировать широким товарным ассортиментом, что по замыслу проектировщиков должно было служить не только стимулом привлечения дополнительной рабочей силы в зону стройки, но и механизмом закрепления населения в районах нового освоения.

По воспоминаниям строителей торговля на БАМе реконструируется в рамках нарратива товарного изобилия, что объясняется ретроспективностью памяти и общей ностальгией бамовцев по советскому прошлому. Анализ письменных источников показал, что для снабжения стройки были характерны проблемы, свойственные советской торговле в целом: недочеты в планировании, перебои в поставках, дефицит, коррупция. Особенно явно они проявились во второй половине 1980-х гг. вместе с сокращением инвестиций в проект.

Режим привилегированного снабжения вызвал к жизни специфические практики распределения и потребления товаров. На вершине пирамиды распределения сложилось два конкурировавших сегмента: местное советское и партийное руководство и «элита» строительных предприятий в составе руководителей парткомов, стройкомов, комсомольских штабов и ОРСов. У обычного населения сформировались особые потребительские практики и формы поведения, в числе которых выделялись бытовая аскетизм, отсутствие привычки запасать продукты впрок, престижное потребление статусных вещей импортного производства, отправка продуктовых посылок на «большую землю» и практика «продуктовых десантов» жителей соседних районов, различные приемы обхода «сухого закона» и пр. Многие из выработанных в этот период неформальных практик потребления оказались востребованными в период системного кризиса рубежа 1980–1990-х гг. и последовавшей за ним затяжной экономической депрессии в районах БАМа.

Поступила в редакцию / Submitted: 26.06.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 16.08.2020

Принята к публикации / Accepted for publication: 28.10.2020

References

- Aganbegyan, A.G., A.A. Kin, and V.P. Mozhin, eds. *BAM: stroitel'stvo i khozyaistvennoe osvoenie*. Moscow: Ekonomika Publ., 1984 (in Russian).
- Baikalov, N.S. "Proizvodstvennyi travmatizm i ohrana truda pri stroitel'stve zapadnogo uchastka BAMa (1970s–1980s)." *Nauchnyi dialog*, no. 8 (2019): 226–242 (in Russian).
- Belkin, E.V., and F.E. Sheregi *Formirovanie naseleniya v zone BAM*. Moscow: Mysl' Publ., 1985 (in Russian).
- Borodulina, A.S. "'Resursnoe proklyatie' i strategii zhizneobespecheniya na ostrove Iturup." *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2 (2018): 124–141 (in Russian).
- Chernyshova, N. *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge, 2013.
- Ivanova, A. *Magaziny 'Berezka': paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017 (in Russian).
- Khaziev, R.A. "'Lovkachi na vse ruki': nelegal'noe poluchenie dokhodov v epokhu N.S. Khrushcheva." *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 14 (2013): 260–279 (in Russian).
- Lebina, N.B. *Passazhiry kolbasnogo poezda: Etiudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917–1991*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019 (in Russian).
- Millar, J. "The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism." *Slavic Review* 4, no. 44 (1985): 694–706.
- Nataev, P.L., ed. *Trassa muzhestva. Buryatskii uchastok BAMa*. Ulan-Ude: OAO Respublikanskaya tipografiya, 2005 (in Russian).
- Pogrebnyak, A.I. "Statistika pravonarushenii v sisteme gosudarstvennoi i kooperativnoi trgovli Sibiri v seredine 1940s–1980s." *Vestnik KrasGAU*, no. 11 (2006): 321–332 (in Russian).
- Rafikova, S.A. *Zhivaia istoriia povsednevnosti: sibirskie gorozhane v 1960-e gody*. Krasnoyarsk: SibSU, 2019 (in Russian).

- Sokolova, Z.P. “The Soviet Shop: Trade and Alcohol in the North of Ob (The Indigenous Population in the 1950-80s.” *Etnograficheskoe Obozrenie*, no. 1 (2017): 97–108 (in Russian).
- Tverdyukova, E.D. “ ‘It is Best of the Accessible’: Quality of Imported Consumer Goods of the USSR from the Socialist Countries of Central and Eastern Europe (1950s – 1980s).” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2016): 171–186 (in Russian).
- Vashchuk, A.S., and Krushanova, L.A. “Anti-alcohol Policy in the USSR in the Period of Perestroika and its Consequences in the Far East.” *Rossiia i ATR*, no. 4 (2014): 94–108 (in Russian).
- Veselkova, N.V., Pryamikova, E.V., and Vandyshv M.N. *Mesta pamyati v molodykh gorodakh*. Ekaterinburg: Ural. Univ. Publ., 2016 (in Russian).
- Voronina, T.Yu. “Pamyat' o BAME. Tematicheskie dominanty v biograficheskikh interv'yu s byvshimi stroitelyami.” *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2 (2009): 76–95 (in Russian).
- Ward, Chr. “Building Socialism?: Crime and Corruption during the Construction of the Baikal- Amur Mainline Railway.” *Global Crime* 8, no. 1 (2007): 58–79.
- Ward, Chr. *‘Path to the Future’ or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984*. Chapel Hill: University of North Carolina, 2002.
- Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russ.).
- Zarubina, N.N. “Ot defitsita k diete: povsednevnye praktiki pitaniya v sovetskikh i postsovetskikh anekdotakh.” *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, no. 2 (2015): 130–148 (in Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Н.С. Байкалов, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова; 670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; baikalchik@gmail.com

N.S. Baikalov, Associate Professor of the Department of Buryatia History, Banzarov Buryat State University; 24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia; baikalchik@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-95-95-108>

Научная статья / Research article

Санитарная служба 431-го Тихвинского пехотного полка в годы Первой мировой войны

Вера Викторовна Бондарева ^a, Наталия Владимировна Эйльбарт ^b

^a Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей,
Тихвин, Россия

^b Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

 ejlbart@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию санитарной службы в отдельно взятом полку в годы Первой мировой войны в период с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. Основной корпус источников составили архивные дела 431-го тихвинского пехотного полка из Российского государственного военно-исторического архива. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается формирование медицинской службы полка, начиная с дружин ополчения. Доказано, что в дружинах санитарная часть была не самостоятельной, а опиралась на земскую медицину городов и лазареты военного лагеря. Анализируется работа врачей в 431-м Тихвинском полку в период пребывания в Лифляндии с июня 1915 г. по май 1916 г. Проведено изучение различных направлений медицинского обслуживания полка до участия в боевых действиях: лечение солдат и профосмотры, санитарное просвещение, надзор за местами проживания, профилактика заразных заболеваний. Установлено, что во время сторожевой службы полка санитарная часть работала удовлетворительно. Рассмотрено расширение обязанностей санитарной службы полка на фронте с лета 1916 г., выявлен источник пополнения медицинских кадров полка. Особое внимание уделяется сложной санитарно-гигиенической обстановке на фронте в Австро-Венгрии. Выявлены эпидемии тифа, холеры, дизентерии, возникшие на фронте, и рассмотрена профилактика и меры борьбы с ними. Доказана взаимосвязь неустроенного быта и недостаточного питания с заболеваемостью.

Ключевые слова: фронтовая повседневность, истории медицины, военная медицина, Российская империя, позднейшая имперская Россия

Для цитирования: Бондарева В.В., Эйльбарт Н.В. Санитарная служба 431-го Тихвинского полка в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 95–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-95-95-108>

The Sanitary Service of the 431st Tikhvin Infantry Regiment during World War I

Vera V. Bondareva ^a, Natalia V. Eilbart ^b

^a Tikhvin Historical-Memorial and Architectural-Art Museum, Tikhvin, Russia

^b A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

 ejlbart@mail.ru

Abstract: The article analyzes the formation and development of the sanitary service in one particular regiment in the period from August 1914 to December 1916. The main body of sources consists of archival files of the respective military unit. The novelty of the present paper is seen in the fact

that it is the first study devoted to the formation of the medical service of the regiment, starting with the militia squads. It is proved that in the squads the sanitary unit was not independent but relied on the zemstvo medical system of the cities and on the infirmaries of the garrisons. A focus is on the work of doctors in the 431st Tikhvin Regiment during their stay in Livonia from June 1915 to May 1916. Various areas of medical care of the regiment before participating in hostilities are studied in detail: the treatment of soldiers and prophylactic examinations, sanitary education, supervision of places of residence, as well as the prevention of infectious diseases. It is established that during the guard service of the regiment, the sanitary unit worked satisfactorily. The article zooms in on the expansion of the duties of the regiment's sanitary service at the front starting in the summer of 1916, and identifies how the medical personnel of the regiment was replenished. Special attention is paid to the difficult sanitary and hygienic situation at the front in Austria-Hungary, and the measures that were taken to combat the main epidemics that arose at the front, namely typhus, cholera, and dysentery. Equally discussed are the consequences of unsettled life and malnutrition.

Keywords: frontline everyday life, history of medicine, military medicine, Russian Empire, late imperial Russia

For citation: Bondareva, Vera V. and Eilbart, Natalia V. "The Sanitary Service of the 431st Tikhvin Infantry Regiment during World War I." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 95–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-95-108>

Введение

Историю санитарной службы русской армии в годы Первой мировой войны исследовали многие авторы. В 1930-е гг. в фундаментальном труде генерал-майора Н.Н. Головина значительное внимание уделяется вопросам военной медицины, начиная от призыва новобранцев до организации тыловых госпиталей¹. Н.Н. Головин одним из первых рассматривал армию с позиций социологии, в том числе поставил и вопрос изучения психической травмы². Военный историк А.А. Керсновский приводил сведения о численности врачей и раненых в различные периоды войны³. Полковники А.Х. Базаревский⁴ и Л.В. Ветошников⁵ в трудах, посвященных Брусиловскому прорыву, оценивали санитарное состояние войск и организацию эвакуации больных и раненых.

Помимо изучения боевых операций советская историография делала акцент на политической составляющей истории войны, классовой борьбе и революционному движению⁶. До 1990-х гг. в стороне оставалась обширная тематика повседневности, в том числе вопросы, связанные с санитарным состоянием войск.

В 1990–2000-е гг. и особенно в 2014 г., в связи со столетним юбилеем, произошел всплеск внимания к тематике Первой мировой войны. Вклад в разработку темы повседневности был внесен Е.С. Сенявской⁷, А.Б. Асташовым⁸, Д.Г. Узбековой⁹ и др. Среди прочих аспектов повседневности авторы затрагивали тематику медицины: организацию лечения на фронте, эпидемии и психические травмы, развитие фармакологии, деятельность лазаретов и выдающихся врачей.

В трудах ряда авторов изучалась организация военно-санитарной службы и эпидемиологической службы русской армии¹⁰. Исследованию системы эвакуации

¹ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. Париж, 1939.

² Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.

³ Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1994.

⁴ Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937.

⁵ Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М., 1940.

⁶ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 68.

⁷ Сенявская Е.С. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. Очерки по военной антропологии. М., 2017.

⁸ Асташов А.Б. Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годах: социально-экологический анализ // Вестник Пермского университета. 2021. № 2. С. 27–36.

⁹ Узбекова Д.Г. В.П. Кравков санитарный врач русской императорской армии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. С. 51–54.

¹⁰ Очерки истории отечественной военной медицины. Медицинская служба Русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны 1906–1917 гг. Книга 3. Уфа, 2006. 319 с.; Бринюк Н.Ю.,

в русской армии посвящена работа Г.Н. Шапошникова и В.В. Запария¹¹. Проблема медицинского обеспечения действующей армии и функционирования системы медицинского снабжения рассматривается в работе Ю.В. Мирошниченко¹².

В.Ю. Кузьмин характеризовал участие государственных и общественных структур в деле оказания медицинской помощи военнопленным¹³. И.В. Омелянчук рассматривал работу общественных организаций в деле помощи раненым и увечным воинам¹⁴.

Фронтной быт солдат изучал Я.В. Валяев¹⁵. А.А. Патыко и О.А. Кистенева исследовали эпидемии в годы войны¹⁶. А.А. Ярошенко и Н.П. Шок рассматривали работу комиссии по пересмотру норм санитарного снабжения русской армии¹⁷. Работа П.Ф. Гладких посвящена организации и тактике медицинской службы армии¹⁸. О.С. Поршнева изучала формирование и эволюцию исторической памяти о Первой мировой войне в России¹⁹. Вместе с тем история военной медицины нуждается в дальнейших исследованиях, как отмечали А.Н. Мошкин и Я.В. Валяев²⁰.

Основной корпус источников составили неопубликованные архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива – канцелярии 431-го пехотного Тихвинского полка и 321-й Новгородской дружины, включая книги приказов, исходящих и входящих телефонограмм, журналы боевых действий. Также в статье использованы опубликованные воспоминания офицера Я.Ф. Кравченко, инженера-конструктора Г.В. Федорова и письма солдат, собранные Е.В. Молоствовой.

Новизна данной статьи – в детальном исследовании санитарной службы в отдельном взятком 431-м пехотном Тихвинском полку: с момента создания дружин ополчения до участия в боевых действиях на фронте. В истории русской армии в годы Первой мировой войны ополченские части занимают отдельное место, но сегодня они еще недостаточно изучены. Дружины несли службу в тылу, соединились в полки третьей очереди формирования. На фронте эти полки сражались вместе с армейскими частями и испытали на себе все сложности фронтной повседневности.

Будко А.А. «Русскую армию спасал Николай – угодник...»: Проблемы медицинского обеспечения русских войск в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 3–9.

¹¹ Шапошников Г.Н., Запарий В.В. Армейская медицина в годы Первой мировой войны // Здравоохранение Российской Федерации. 2021. № 2. С. 172–178.

¹² Мирошниченко Ю.В. и др. Организация обеспечения медицинским имуществом войск русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2014. № 3. С. 235–244.

¹³ Кузьмин В.Ю. Участие государственных и общественных структур в деле оказания медико-социальной помощи военнопленным в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. № 1. С. 29–32.

¹⁴ Омелянчук И.В. Монархические организации Владимирской губернии в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. № 3. С. 625.

¹⁵ Валяев Я.В. Фронтной быт военнослужащих российской императорской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Научные ведомости. 2010. № 19. С. 159–173.

¹⁶ Патыко А.А., Кистенева О.А. Эпидемии в годы Первой мировой войны // Молодежный инновационный вестник. 2019. № 8. С. 105–106.

¹⁷ Ярошенко А.А., Шок Н.П. Медицина в годы первой мировой войны: комиссия по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения русской армии (1915–1917 гг.) // История медицины. 2018. № 3. С. 245–258.

¹⁸ Гладких П.Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 годах // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 2. С. 5–24.

¹⁹ Поршнева О.С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. № 2. С. 216–235.

²⁰ Мошкин А.Н., Валяев Я.В. Проблемы санитарно-гигиенической службы российской армии в годы Первой мировой войны // Научные ведомости Белг. гос. ун. 2014. № 8. С. 95.

Формирование ополчений и служба в Выборге

В августе 1914 г. по всей стране создавались ополчения. В Старой Руссе была сформирована 311-я дружина, в Нарве – 318-я и в Тихвине – 321-я. На формирование Уставом отводился один месяц, во время которого было положено начало санитарной службе. В числе первых офицеров, прибывших на формирование дружины, был дружинный врач. Он получал равное с офицерами и чиновниками содержание. Также для врача была закуплена лошадь за 170 руб., такая же, как и для ротных командиров. В состав каждой дружины вошло до 1000 ратников, разделенных на 4 роты, в каждой из которых было назначено по 1 фельдшеру. Для этого были выбраны наиболее способные рядовые, поступившие под начальство врача.

В течение месяца формирования в дружинах врачебного участка не существовало. В случаях заболевания ратники обращались к врачу, и он определял их в земскую больницу. В каждой дружине за месяц заболело до 15 чел., или 0,15 % общего числа рядовых.

В сентябре все три дружины были перевезены в военный лагерь г. Выборга. Ратники, оставшиеся в земских больницах, после выздоровления прибывали в свои части. Так, в середине сентября прибыл ратник 3-й роты 321-й дружины Григорий Кузнецов, а в тихвинской больнице оставался еще один ратник 2-й роты Андрей Степанов²¹.

В течение первой недели после прибытия в Выборг была организована помывка дружинников, после которой врачи за несколько дней провели осмотр всех ратников. Общие осмотры более не проводились, но по необходимости устраивалось освидетельствование состояния здоровья отдельных ратников. Например, 20 сентября лекарь 321-й дружины Грехе осматривал девять человек. Иногда в результате осмотра ратник признавался негодным и отправлялся домой.

В каждой дружине в одном из казарменных помещений был организован околоток (врачебный пункт). Инструменты и медикаменты для дружинных околотков выдавались из полевой аптеки 6-й армии. Обязанности врачей существенно расширились: они проводили осмотры, установили санитарное наблюдение за местами проживания и ротными кухнями. Но вместе с этим работа дружинного врача в большей степени опиралась на медицинскую службу выборгского гарнизона. Например, заболевшие ратники отправлялись в Выборгский военный лазарет, а в дружинном околотке только проводились осмотры и оказывалась первая помощь. В казармах выборгского гарнизона и на ротных кухнях следовало поддерживать установленные санитарные правила.

В течение девяти месяцев пребывания в Выборге врачи дружин могли приобрести необходимый опыт организации полевой медицинской службы. Раз в месяц проводились маневры с участием всех трех дружин и частей войск Выборгского гарнизона. Маневр занимал один день, после чего в гарнизонном собрании его разбор проводил комендант Выборгской крепости генерал-лейтенант Петров. Участие дружинных врачей на этих разборах было обязательным²².

Создание полка и служба в Лифляндии

В начале июня 1915 г. 311-я, 318-я и 321-я дружины были переведены в Лифляндию, где из них был сформирован 431-й пехотный Тихвинский полк 108-й пехотной дивизии. В течение года – до июня 1916 г. полк охранял побережье Рижского залива и участия в боевых действиях не принимал.

²¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 8544. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

²² Там же. Ф. 8544. Оп. 1. Д. 1. Л. 96 об.

Дружины стали батальонами полка. Старшим полковым врачом был назначен надворный советник (соответствовало чину подполковника) Кравцев. В составе каждого из трех батальонов оставалось по одному младшему врачу и по три фельдшера. Сестры милосердия в полку не служили на протяжении всего времени его существования. Вместо дружинных околотков в каждом батальоне (т.е. на одну тысячу человек) был организован приемный покой на четыре человека. В полку был создан лазарет, при котором состояло пять лазаретных служителей из нижних чинов²³.

Существовало определенное отличие от организации медицинской части в кадровых войсках и в ополченской части. В кадровых войсках нестроевая команда подразделялась на писарскую (писаря части), лазаретную (надзиратель больных, фельдшера, фельдшерские ученики) и собственно нестроевую роту или команду (все остальные нижние чины)²⁴. В тихвинском полку, созданном из дружин ополчения, нестроевая команда не делилась на части, а санитары могли переводиться на другие работы. В июне 1915 г. нестроевая команда состояла из 141 нижнего чина (шорники, портные, столяры, колесники, кузнецы, печники, сапожники, плотники, слесари и т. п.), среди которых числились 9 фельдшеров и 5 лазаретных служителей. В июле 1915 г. лазаретный служитель Василий Вахмистров был переведен в полковую канцелярию и назначен литографом²⁵.

В полковом лазарете было несколько десятков наименований медикаментов²⁶. В достаточном количестве имелись инструменты и материалы.

Полевая санитарная служба полка существенно отличалась от предыдущего периода пребывания дружин в гарнизоне Выборгской крепости. Обязанности медиков расширились, потребовали большего внимания и сил.

Основные направления санитарной работы

Офицер Я.Ф. Кравченко вспоминал, что нижние чины «любят лечиться», так как это давало освобождение от несения службы. Но санитары знали об этой хитрости, и в лазарет не принимались солдаты без видимых признаков серьезного заболевания²⁷. У каждого фельдшера была санитарная сумка с малым набором медикаментов и инструментов. При обращении солдата к фельдшеру измерялась температура. Из-за частого использования термометров, а также из-за неумения солдат обращаться с ними термометры регулярно ломались. Например, 30 апреля 1916 г. был составлен акт осмотра 22 термометров Цельсия (16 – из фельдшерских сумок и 6 – из лазарета); все они оказались испорчены и были списаны²⁸.

До лета 1916 г. Тихвинский полк не участвовал в боевых действиях, и в лазарет поступали рядовые с жалобами на болезни²⁹. Офицер Я.Ф. Кравченко отмечал, что «от всех болезней – за малым исключением – лечат йодом и касторкой»³⁰. При этом, в лазарете имелись большие запасы хлороформа, который применялся для общего обезболивания при проведении серьезных операций³¹. Серьезной нагрузки лазарет до этого времени не испытывал.

²³ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.

²⁴ Устав внутренней службы. СПб., 1910. С. 81.

²⁵ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 1. Л. 152 об.

²⁶ Там же. Л. 124–126 об.

²⁷ Кравченко Я.Ф. Записки. 20 февраля — 7 июля 1916 г. // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии. М., 2016. С. 124.

²⁸ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.

²⁹ Там же. Д. 7. Л. 56 об.

³⁰ Кравченко Я.Ф. Записки... С. 124.

³¹ Узбекова Д.Г. К 100-летию создания внутривенного наркоза // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2010. № 3. С. 175.

Примечательно, что осенью 1915 г. произошло несколько смен командиров Тихвинского полка, которые были вызваны болезнями. 9 августа 1915 г. полковник Власов заболел и выбыл в Петроград в Николаевский госпиталь. В Тихвинский полк он больше не вернулся. Временное командование полком принял подполковник Марков, начальник хозяйственной части. 13 августа во временное командование вступил выздоровевший подполковник Верховцев, но 25 августа он вновь отбыл в Петроград для лечения. Во временное командование вновь вступил подполковник Марков до 12 сентября, когда его сменил выздоровевший подполковник Верховцев³². Наконец, 14 ноября 1915 г. командование полком было вверено полковнику Бологовскому. Болезни командиров полка были вызваны не условиями быта, а их почтенным возрастом. Закономерно, что в полковом лазарете они не лечились, а отбывали на лечение в Петроград.

В ходе мобилизации в ряды ополченцев могли попасть лица, к службе неспособные³³. Так, 22 июня 1915 г. из Лифляндии был демобилизован рядовой 10-й роты Владимир Магин. После осмотра врача Владимир был отправлен в Петроград и исключен из списков полка.

26 июня из полка на тыловую службу были переведены 250 нижних чинов, достигших старшего возраста и физически слабых. Такие обновления проводились периодически. Например, 10 сентября 1915 г. начальник 108-й дивизии распорядился предоставить список на 100 рядовых старшего возраста, которых «желательно заменить более молодыми»³⁴.

Такие же перемещения проводились внутри полка. Например, в июне 1916 г. полковник Бологовский предписывал заменить нестроевых нижних чинов моложе 30 лет людьми старшего возраста. Врачебная комиссия осматривала нижних чинов и, признанные негодными к строевой службе, назначались в денщики и конюхи³⁵.

Среди негодных рядовых отмечались единичные случаи смертей: например, 2 марта 1916 г. скоропостижно скончался рядовой 1-й роты Федор Гагарин. 4 марта состоялось его отпевание и погребение. По Уставу ответственными за погребения были ротные командиры, которые сообщали родственникам о смерти, организовывали похороны на местном кладбище³⁶.

Абсолютное большинство ратников полка были вчерашними крестьянами, многие – неграмотными. А.Б. Асташов отмечал, что русская армия на 80 % состояла из крестьян «с присущим им особым менталитетом, не соответствовавшим... самым обыкновенным реалиям новой войны»³⁷. Если ополченцы, прошедшие службу в военном лагере Выборга, уже владели некоторыми знаниями, то поступавшее из запасных батальонов пополнение требовалось обучать. Так, в донесении 9 марта 1916 г. сообщалось, что они «в большинстве являются не ознакомленными с подачей первичной медицинской помощи»³⁸.

Медицинское просвещение было одним из направлений общей работы по повышению грамотности рядовых. Эта работа периодически проводилась по предписаниям начальника 108-й пехотной дивизии. Так, 1 марта 1916 г. генерал-лейтенант Ласский указал:

³² РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 7. Л. 209, 226, 269, 326.

³³ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. 1939. С. 47.

³⁴ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³⁵ Там же. Д. 29. Л. 73.

³⁶ Устав... С. 26.

³⁷ Асташов А.Б. Война как культурный шок. Анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. 2002. С. 271.

³⁸ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

Вести во всех частях дивизии три раза в неделю по полчаса после вечерних занятий или утром перед обедом духовно-нравственные беседы, беседы врачей о сбережении здоровья, военно-воспитательные беседы офицеров... Во всех частях дивизии вести беседы полковым врачам и практические занятия по борьбе с удушливыми газами³⁹.

Это распоряжение комментирует офицер Я.Ф. Кравченко:

В расписание занятий входили беседы офицеров на исторические и политические темы, и беседы врачей о сохранении здоровья, и беседы священника о сохранении души... Слышал также лекцию доктора, все о том же: «Остерегайтесь заразить свой член, иначе вы можете его потерять». Могу удостоверить, что воздействие этих бесед на солдат равнялось воздействию гороха на стену. А смеялись потом досыта⁴⁰.

Тем не менее, представления об опасности боевых газов и заразных заболеваний солдаты получали.

Важнейшей задачей санитарной службы была профилактика заразных заболеваний. Наиболее опасными являлись дизентерия, тиф и холера, связанные с нечистотой и скученным проживанием. Для предупреждения болезней военные врачи вели наблюдение и за гражданским населением, проживающим вблизи полка. Когда обнаруживались очаги заболеваний, военные врачи сообщали об этом местным органам городского и земского управлений, которые тоже должны были принимать меры к устранению эпидемии. Для войск опасная территория закрывалась на карантин. Например, 3 марта 1916 г. в имении Германсгоф Валкского уезда было выявлено заболевание скарлатиной пяти местных жителей. Приказом по Тихвинскому полку командировки в Валкский уезд запрещались⁴¹.

Для предупреждения заразных заболеваний проводились прививки. В армиях Северного фронта за первые четыре месяца 1916 г. эта работа значительно активизировалась. Было сделано почти 350 тыс. прививок, из которых почти половина были первичными. Прививочные отряды, состоящие из одного врача и двух сестер-помощниц, совершали переезды от своей базы в войска, где прививали в день более 200 чел.⁴²

11 марта 1916 г. в Тихвинском полку был отменен полковой маневр из-за прибытия санитарного отряда для противотифозной прививки⁴³. Весной существовала наибольшая вероятность возникновения тифозной эпидемии.

Установления командира полка относительно порядка и чистоты в местах проживания нижних чинов периодически проверялись специальными санитарными комиссиями. В эти комиссии входили офицеры и полковые врачи. По итогам проверок составлялись акты и давались предписания на устранение нарушений. Проверки проводились раз в три месяца: осенью 1915 г. и в первых числах января 1916 г.

Нарушения, как правило, были незначительными, но отмечалось периодическое появление вшей. Для санитарной очистки грязное белье погружалось в котел с раствором зеленого мыла и керосина. Кипячение длилось 5 часов, после чего еще 2 часа белье кипятилось в чистой воде.

Дезинфекция помещений производилась окуриванием «серничками» – узкими полосками бумаги, покрытой серой. Перед окуриванием в помещении следовало закрыть и законопатить все отверстия, здесь же можно было развесить вещи, зараженные насекомыми. Сернички подвешивались под потолком, так как дым от их горения стелился вниз. После поджигания серничков дверь законопачивали

³⁹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.

⁴⁰ Кравченко Я.Ф. Записки... С. 136.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

⁴² Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. Бердичев, 1915.

⁴³ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.

на 6–7 часов⁴⁴. В течение года службы полка в Лифляндии эпидемий тифа не случилось и карантин не вводился.

Особенно строгий и постоянный надзор полковые врачи установили за кухней и продуктами питания. Мясо поставлялось в полк из г. Вольмар, где каптернамусы полка проводили первый осмотр туш, привезенных подрядчиками. Вечером поезд прибывал на станцию Гайнаш, где его уже ждал полковой врач. После осмотра врача мясо развозили на телегах по ротным кухням. Летом для предотвращения порчи мяса от жары оно вынималось из мешков и посыпалось солью. В каждом батальоне мясо еще раз осматривал младший врач и распорядился о создании необходимых условий для его хранения⁴⁵.

Распоряжением командира полка употребление нижними чинами сырой воды было «безусловно воспрещено» для предохранения от инфекций. Ротные командиры вместе с фельдшерами следили, чтобы ежедневно утром перед занятиями и днем после занятий нижние чины могли утолить жажду кипяченой водой. Также было запрещено употребление сырых овощей и фруктов во избежание дизентерии.

В целом состояние здоровья нижних чинов в период охраны побережья залива было «весьма удовлетворительным», о чем докладывал старший полковой врач в рапорте 20 января 1916 г., после проведения очередного медицинского осмотра нижних чинов⁴⁶.

Организация санитарной службы во время боевых действий

В июне 1916 г. 108-я пехотная дивизия, в которую входил 341-й Тихвинский полк, была передислоцирована в Австро-Венгрию для участия в Брусиловском прорыве. Ввиду предстоящих сражений санитарная часть 108-й дивизии была усилена: были организованы два лазарета и перевязочный отряд, в состав дивизии вошли 133-й дезинфекционный отряд, 403-й санитарный транспорт и 15-й зубо-врачебный кабинет⁴⁷.

13 июля 1916 г. полк занял позиции перед д. Зывачув (совр. Ивано-Франковская обл. Украины) и приготовился к наступлению. Штаб полка с обозом остановился в селе Харасимув. Здесь же, возле церкви был развернут полковой перевязочный пункт, а подальше от фронта в крупном селе Городенко с дивизионным лазаретом остановились санитарные транспорты полка. Полк развернул свой лазарет, но ввиду наступления его санитарная служба подкреплялась более крупным дивизионным лазаретом.

Взятие д. Зывачув 15 июля стало боевым крещением полка. На следующий день поле боя за деревней Зывачув осматривал офицер 429-го полка:

По дороге множество наших убитых. Развороченные черепа, вывалившиеся внутренности. Некоторые еще боролись со смертью, успевали раздеться, чтобы, очевидно, начать перевязку⁴⁸.

То есть не все солдаты успевали получать первую помощь во время боя или сразу после него.

В течение июля – октября полк практически непрерывно принимал участие в боевых действиях. Полковой лазарет постоянно был наполнен ранеными, но большая их часть сразу же отправлялась в тыловые госпитали. Раненый мог следовать по лазаретам до месяца и более. Так, 1-го августа 1917 г. в Тихвинский лазарет

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 97.

⁴⁵ Там же. Д. 7. Л. 26.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 27. Л. 62.

⁴⁷ Там же. Д. 31. Л. 15.

⁴⁸ *Кравченко Я.Ф.* Записки... С. 194.

поступил рядовой 9-й роты Егоров Иван с огнестрельным ранением левой руки, которое он получил в первом бою полка 15 июля 1916 г. Примечательно, что зачастую врачи проявляли особое расположение к раненым-землякам⁴⁹.

В соответствии с «Наставлением о погребении павших воинов» полковой врач назначался ответственным за погребения. По окончании сражения в распоряжение врача выделялось 20 нижних чинов, которые вместе с санитарями проходили цепью место сражения и собрали трупы. Врач выбирал участок для устройства братской могилы, куда переносились погибшие. Установка крестов, устройство надписей на могилах и учет похороненных возлагалась на попечение полка⁵⁰.

На фронте было необходимо организовать противогазовую защиту. Противогазные повязки и противогазы числились санитарным имуществом. Старшему полковому врачу предписывалось проверять наличие противогазов у нижних чинов, а в случае нехватки – принимать меры к пополнению⁵¹. Фельдшера и младшие врачи должны были донести до солдат важность противогаса, поскольку изначально рядовые нередко выбрасывали их, а в противогазной сумке носили другие вещи.

Обязанностью санитаров стал сбор оружия. Приказом по XII армии № 469 от 1 июня объявлялось, что санитары, выносящие раненых, «безусловно обязаны забирать и их винтовки»⁵². Надо сказать, что в полку уже была создана специальная команда по сбору оружия, но тем не менее эту обязанность возложили еще и на санитаров. Ежемесячно в боях терялись сотни тысяч винтовок и потребовались особые меры к их сбережению⁵³.

Еще одной обязанностью полковых санитаров было освидетельствование шкур павших животных. Шкуры требовалось обрабатывать и хранить на бойне, после чего сдавать в Кожевенный отдел Всероссийского Земского Союза. Так, 5 сентября 1916 г. полком было сдано на склад земсоюза 55 яловых кож и 1 лошадиная шкура. Без свидетельства полкового врача о том, что животное пало не от заразной болезни, кожи не принимались⁵⁴.

Источником пополнения медицинских кадров стал собственный состав полка. Полковые врачи отбирали способных рядовых и отправляли их на фельдшерские курсы. Например, в середине июля 1916 г. одиннадцать нижних чинов Тихвинского полка окончили обучение. Распределением их занимался начальник санитарной части 108-й дивизии: шестеро тихвинцев были назначены ротными фельдшерами в свой 431-й полк, четверо – в 432-й Валдайский полк, и один оставлен при штабе 108-й пехотной дивизии⁵⁵.

Пополнение запасов медикаментов и расходных материалов поступало с военных складов, расположенных в тылу: в городах Бердичев, Каменец-Подольский и Проскуров. Дорога занимала немалое время, например, чины, отправленные за медикаментами 22 июня, вернулись 9 августа⁵⁶.

Эпидемическая обстановка на фронте в Австро-Венгрии значительно отличалась от предыдущего года службы в Лифляндии. Еще в августе 1915 г. на Юго-западном фронте были разработаны мероприятия по вакцинированию от холеры и

⁴⁹ Эйльбарт Н.В. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья, 1850–1936. М., 2003. С. 34.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 30. Л. 53 об.

⁵¹ Там же. Л. 42.

⁵² Там же. Д. 29. Л. 75.

⁵³ Федоров Г.В. В поисках оружия. М., 1964. С. 19, 83.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

⁵⁵ Там же. Д. 30. Л. 34.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 74 об.

брюшного тифа⁵⁷. В военно-полевых условиях солдаты реже мыли руки с мылом, пили некипяченую грязную воду, из-за чего распространялись желудочные расстройства. С лета 1916 г. особенно много приказов, предписаний и распоряжений относятся к профилактике дизентерии. В июле 1916 г. в районе расположения полка были отмечены случаи холеры. Командир 108-й дивизии генерал-майор Стефанович приказал обратить особое внимание на санитарное благоустройство, врачам усиленно разъяснять солдатам необходимость соблюдения санитарных мер, а офицерам показывать личный пример. Во избежание холеры требовалось мыть руки перед едой, пить только кипяченую воду, соблюдать чистоту посуды. Солдатам предписывалось заливать во фляги кипятком, своевременно получать мыло, и не употреблять грязные и незрелые фрукты и овощи.

Врачам строго предписывалось следить за чистотой на кухне и за работой кашеваров. Для постоянного кипячения воды в нестроевой роте были назначены пятнадцать солдат-кипятильщиков. Также 30 июля полковник Бологовский предписывал ротным командирам, завести в каждом взводе (60 чел.) по одному чайнику на 5–10 человек⁵⁸, кроме чайников использовались самовары.

В военно-полевых условиях практически невозможно было обеспечить нормальные условия быта. Солдаты вынужденно жили при большой скученности в землянках, разрушенных зданиях, нередко ночевали в палатках. Солдаты реже мылись, по многу недель не меняли белье⁵⁹. Безымянный солдат писал домой: «Теперь поцеловал бы сто раз свою баню, теперь больше двух месяцев не мылись»⁶⁰. 1 ноября 1916 г. команду солдат командировали для стирки белья в прачечную за 70 км от позиций полка. В начале августа 1916 г. командир полка предписывал старшему врачу произвести медицинский осмотр солдат и впредь таковой производить периодически⁶¹. От врачей требовалось дополнительное наблюдение за ровиками – специальными местами, в которых солдаты справляют нужду. При перемещении полка требовалось каждый раз устраивать ровики подальше от мест проживания и водоемов, вовремя дезинфицировать их (посыпать известью или золой), а по наполнении – засыпать землей и устраивать новые. Врачи должны были убеждать солдат пользоваться ровиками, а «ходить куда попало совершенно недопустимо в холерное время»⁶².

В середине августа 1916 г. старший врач Озеров рапортом донес полковнику Бологовскому, что среди нижних чинов наблюдаются неоднократные случаи заболевания дизентерией и брюшным тифом⁶³. Меры для их предупреждения предпринимались постоянно, и, определенно, сдерживали распространение эпидемии. На время ближайшей стоянки дивизии было назначено проведение противохолерной прививки.

В середине сентября 1916 г. вновь пришлось принимать усиленные меры по борьбе с дизентерией⁶⁴. На территориях, которые занимал наступающий Тихвинский полк, врачи должны были сразу же обследовать источники воды. Использование загрязненных источников не допускалось, чистые источники следовало охранять⁶⁵.

⁵⁷ Военно-санитарный... С. 94.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 30. Л. 53 об.

⁵⁹ Там же. Д. 32. Л. 2 об.

⁶⁰ *Молостова Е.В.* Солдатские письма. Казань, 1917. С. 22.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.

⁶² Там же. Д. 53. Л. 40 об.

⁶³ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 30. Л. 78.

⁶⁴ Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 31. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 26.

С осени 1916 г. проявилась нехватка продуктов и в довольствии все большее место стала занимать чечевица. В конце октября в полку был объявлен приказ, в котором сообщалось, что недопустимы случаи отказа от чечевицы, которые уже были в армии. Командиры и врачи разъясняли нижним чинам, что «чечевица по своему химическому составу является наилучшим продуктом из бобовых мотыльковых зерен»⁶⁶.

Недостаточное питание привело к появлению цинги. Цинга вызывается недостатком витамина С и начинает развиваться на 4-ю неделю при полном прекращении поступления в организм аскорбиновой кислоты. На фронте более вероятно другая причина появления цинги: болезнь может быть вызвана общей нехваткой витаминов (гиповитаминоз), клинические проявления тогда менее выражены и проявляются через 4–7 месяцев.

В середине октября 1916 г. начальник 108-й дивизии требовал принимать меры по предупреждению распространения цинги. Врачам поручалось организовать строгий надзор за получаемыми продуктами. Требовалось повысить разнообразие пищи, заменять сушеную зелень свежей и заготавливать ее ротами самостоятельно. При кипячении овощей и зелени добавлять лимонную кислоту или уксус, которые позволяли сохранить «противоцинговые вещества» овощей. Врачебный осмотр солдат производить не реже 1 раза в неделю. Слабосильным людям выдавать к чаю клюквенный экстракт и содержать их отдельно от больных цингой ввиду заразного характера цинги⁶⁷. Заболевших цингой предписывалось отправлять во 2-й лазарет соседней 21-й пехотной дивизии.

Некачественное питание и походная жизнь привели к вспышке тифа в конце осени 1916 г. Солдаты заражались через грязные продукты и сырую воду, то есть из-за несоблюдения правил личной гигиены. Больные солдаты становились распространителями инфекции.

Приказом командующего 7-й армией за № 1634 от 12 ноября в войсках проводились повторные прививки от брюшного тифа. В ноябре в Тихвинский полк прививочный отряд не приезжал, потому что противотифозную прививку тихвинцам делали в марте, а срок ее действия – один год⁶⁸. Но 2 декабря от брюшного тифа скончался младший унтер-офицер 4-й роты Алексей Яковлев. У других заболевших наблюдалась головная боль, температура, слабость, понос – это был тиф⁶⁹.

Говоря о педикулезе как главной проблеме армии, Е.С. Сенявская отмечала, что санитарные потери не только снижали боеспособность, но и перерастали в проблему психологическую, угнетая личный состав, подрывая его моральный и боевой дух⁷⁰. Усталость от войны проявлялась в некотором снижении дисциплины. 11 декабря в приказе по полку отмечалось, что за последнее время нижние чины отправляют естественные потребности не в специально отведенных местах, а на открытом месте, вследствие чего деревня Бялокерница оказалась крайне загрязненной. Подхватить бактерии сальмонеллы можно было и от испражнений. Полковник Бологовский предписывал врачам устраивать ровики и засыпать их землей, строго следить, чтобы нижние чины не испражнялись где попало, и принять меры к очистке окрестностей от загрязнений⁷¹.

Заболевания брюшным и сыпным тифом появлялись в Тихвинском и в других полках дивизии, и 12 декабря был издан срочный приказ:

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 31. Л. 94.

⁶⁷ Там же. Л. 65.

⁶⁸ Сборник руководящих приказов и приказаний командующего 7-й армией. [Б. м.], 1917. С. 248.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 32. Л. 55.

⁷⁰ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. М., 1999. С. 72.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 32. Л. 77.

Всем частям дивизии немедленно приступить к производству противотифозной прививки всем нижним чинам⁷².

Вскоре было установлено, что инфекцией заражено и местное население. Приказ от 15 декабря предписывал:

Усилить наблюдение за населением д. Белокерница, Вержбув, Конг, Тессарувка. Немедленно приступить к систематическому мытью в бане и тщательной дезинсекции всех частей дивизии, начиная с 429 и 431 полков. Ведя в баню, людей необходимо остричь, а после бани выдать им белье и одежду, очищенную от насекомых⁷³.

Зимой 1916 г. санитары полка не могли справиться с распространением заболевания и для проведения дезинсекции в дивизию прибыли 57-й эпидемиологический отряд и 22-й дезинфекционный отряд Красного Креста. Для санации обмундирования солдат использовались дезинсекционные печи при банях банного отряда 41-й строительной летучки.

По окончании дезинсекции начальник дивизии требовал принять все меры к поддержанию чистоты в полках:

Санитарный персонал должен всячески внушать нижним чинам представление о чистоте и ее необходимости. Зараженных вшами людей тотчас отделять и дезинсектировать⁷⁴.

Продолжались вспышки дизентерии. Проживание в приспособленных строениях и земляных норах не позволяло соблюдать гигиену. Ослабленные солдаты заболевали, дизентерия приводила к смертельным исходам: например, 16 ноября от нее умер рядовой Андрей Исаев⁷⁵.

В декабре 1916 г. развернулась усиленная работа по обучению фельдшерскому делу чинов полка. В батальонах в достаточном количестве были вырыты отхожие ровики, но требование не соблюдалось. Командир полка полковник Филатьев негодовал:

Писалось, говорилось о необходимости пользоваться только ровиками и, наконец, приказывалось, и несмотря на то, лес вокруг полка все более и более загрязняется. Очевидно, ничем не убедить, что это недопустимо во всех отношениях.

Полковник приказал, чтобы группы солдат с офицером ежедневно утром обходили место стоянки полка и лес вокруг него на 400 шагов и убирали территорию⁷⁶.

Выводы

При создании ополчения в дружинах вводилась должность врача, но как таковой санитарной части не имелось – дружины пользовались услугами земской медицины. В военном лагере г. Выборга дружины завели свои врачебные околотки, обязанности врачей расширились, но дружины во многом опирались на медицинскую службу гарнизона Выборга. Военная обстановка потребовала участия ополчения на фронте: из трех дружин был создан Тихвинский полк, в котором была организована собственная санитарная служба, был развернут лазарет и приемные покои. В течение года полк не принимал участия в боевых действиях, соответственно, в лазарет поступали не раненые, а больные. Во время сторожевой службы благода-

⁷² РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 32. Л. 79.

⁷³ Там же. Л. 87 об.

⁷⁴ Там же. Л. 88.

⁷⁵ Там же. Л. 22 об.

⁷⁶ Там же. Л. 46 об.

ря удовлетворительной организации проживания, питания и санитарно-гигиеническим мероприятиям в полку не появились заразные заболевания. Санитарная обстановка существенно изменилась с лета 1916 г., когда полк был передислоцирован в Австро-Венгрию и принял участие в боевых действиях. Врачам пришлось иметь дело с большим числом раненых, обязанности санитаров существенно расширились. Неудовлетворительное состояние быта, ухудшение питания способствовали появлению и распространению заразных заболеваний. С осени 1916 г. санитарная служба полка боролась со вспышками тифа, холеры и дизентерии. Собственной санитарной службы полка было недостаточно для борьбы с эпидемиями, поэтому полк многократно обращался за помощью в различные организации для проведения лечения, прививок, дезинфекции и дезинсекции.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.10.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.11.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2021

References

- Astashov, A.B. "Mobilization and Sanitation at the Russian Army Home Front in 1914–1918: Socio-Ecological Analysis." *Vestnik Permskogo Universiteta – Istoriiia-Perm University Herald-History*, no. 2 (2021): 27–36 (in Russian).
- Astashov, A.B. "Voina kak kul'turnyi shok. Analiz psikhopatologicheskogo sostoiianiia russkoi armii v Pervuiu mirovuiu voynu." In *Voenno-istoricheskaia antropologiia. Ezhegodnik* (2002): 268–281 (in Russian).
- Bazarevskii, A.H. *Nastupatel'naia operatsiia 9-i russkoi armii. Iiun' 1916 goda: proryv ukreplennoi polosy i forsirovanie reki*. Moscow: izd. Narkomata oborony Publ., 1937 (in Russian).
- Eilbart, N.V. *Iulian Dominikovich Tal'ko-Gryncevich – issledovatel' Zabaikal'ya, 1850–1936*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Fedorov, G.V. *V poiskakh oruzhiia*. Moscow: Voenizdat Publ., 1964 (in Russian).
- Gladkih, P.F. "Military medicine of imperial Russia in the World War I (1914–1917)." *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*, no. 2 (2017): 5–24 (in Russian).
- Golovin, N.N. *Nauka o voine. O sotsiologicheskoi izuchenii voiny*. Paris: Signal Publ., 1938
- Kersnovskii, A.A. *Istoriiia Russkoi armii*. Moscow: Golos Publ., 1994 (in Russian).
- Kravchenko, Ya.F. "Zapiski. 20 fevralya – 7 iul'ia 1916 g." In *Pervaia mirovaia voina 1914–1918 gg. v dnevnikh i vospominaniakh ofitserov Russkoi imperatorskoi armii: Sbornik dokumentov*, 119–200. Moscow: Politicheskaiia entsyklopediia Publ., 2016 (in Russian).
- Kuz'min, V.Yu. "Participation of governmental structures and public organizations in the medical and social assistance to war prisoners during the World War I (1914–1918)." *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, no. 1 (2019): 29–32 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A., and Pushkareva, N.L. " 'More Than Binding Men's Wounds...': a Historical and Anthropological Study of Nursing Care during World War I." *Siberian Historical Research Journal*, no. 2 (2018): 244–251 (in Russian).
- Molostvova, E.V. *Soldatskie pis'ma*. Kazan: [S.n.], 1917 (in Russian).
- Moshkin, A.N. and Valyaev, Ya.V. "Problemy sanitarno-gigienicheskoi sluzhby rossiiskoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny." *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, no. 8 (2014): 95–100 (in Russian).
- Omeliyanchuk, I.V. "Monarchist Organizations of the Vladimir Province during the First World War." *Modern History of Russia* 9, no. 3 (2019): 625–642, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.305> (in Russian).
- Patyko, A.A., and Kisteneva, O.A. "Epidemii v gody Pervoi mirovoi voiny." *Molodyozhnyi innovatsionnyi vestnik*. no. 8 (2019): 105–106 (in Russian).
- Rostunov, I.I. *Russkii front Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Senyavskaya, E.S. *Cheloveki i frontovaia povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka. Ocherki po voennoi antropologii*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017 (in Russian).

- Senyavskaya, E.S. *Psikhologiya voyny v XIX veke*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Uzbekova, D.G. “K 100-letiiu sozdaniia vnutrivennogo narkoza.” *Rossiiskii mediko-biologicheskii vestnik imeni akademika I.P. Pavlova*, no. 3 (2010): 175–177 (in Russian).
- Uzbekova, D.G. “V.P. Kravkov sanitarnyi vrach russkoi imperatorskoi armii.” *Problemy sotsyal'noi gigieny, zdavoookhraneniia i istorii meditsyny* 22, no. 4 (2014): 51–54 (in Russian).
- Valyaev, YA.V. “Frontovoi byt voennosluzhashchikh rossiiskoi imperatorskoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.)” *Nauchnye vedomosti*, no. 19 (2010): 159–173 (in Russian).
- Vetoshnikov, L.V. *Brusilovskii proryv: operativno-strategicheskii ocherk*. Moscow: izd. Narkomata oborony Publ., 1940 (in Russian).
- Yaroshenko, A.A. and Shok, N.P. “Meditsyna v gody pervoi mirovoi voiny: komissii po peresmotru norm sanitarnogo i meditsynskogo snabzheniia russkoi armii (1915–1917 gg.)” *Istoriia meditsyny*, no. 3 (2018): 245–258 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

В.В. Бондарева, директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея; 187555, Россия, г. Тихвин, ул. Тихвинская, 1; tikhvinmuseum@yandex.ru.

V.V. Bondareva, Head of the Tikhvin Historical-Memorial and Architectural-Art Museum; 1, Tikhvinskaya St., Tikhvin, 187555, Russia; tikhvinmuseum@yandex.ru

Н.В. Эйльбарт, д-р ист. наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>

N.V. Eilbart, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; 48, Moika River embankment, St. Petersburg, 191186, Russia; ejlbart@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0021-073X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-109-119>

Научная статья / Research article

Состояние военной медицины в годы Гражданской войны

Ольга Михайловна Морозова ^a , Татьяна Игоревна Трошина ^{b, c}

^a Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^b Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

^c Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

 olgafrost@gmail.com

Аннотация: Наряду с анализом военной стратегии и тактики, идеологической составляющей борьбы, вклад в понимание истории Гражданской войны в России может внести рассмотрение широкого спектра вопросов, связанных с «обеспечивающими» факторами силы противоборствующих лагерей. В основу статьи положено исследование санитарно-медицинских служб Рабоче-крестьянской красной армии и армий Белого движения. Грань между военной и гражданской медициной в тех условиях была очень зыбкой, поскольку война была внутренней, и она совпала со временем нескольких крупных эпидемий. Кадры, организационные формы и практики оказания лечебной помощи восходили к общему опыту Первой мировой войны. В момент зарождения вооруженных формирований между ними происходила борьба за привлечение специалистов в свои ряды. В свою очередь, представители медицинского сообщества встали перед выбором, кто-то сделал его сознательно, кто-то ситуативно. В начале войны преимущество во врачебных кадрах было за белыми, к ее концу большевикам удалось исправить ситуацию. Белые восприняли опыт Первой мировой войны, отведя особую роль в обеспечении армии общественным организациям. Красные же стремились соответствовать революционному духу эпохи, поощряя инициативу и умея сочетать это с достаточно плотным контролем за деятельностью своих служб, с самого начала выстраивая их как централизованную систему. Частная проблема о принципах построения военных медико-санитарных служб внесла дополнительные штрихи в вопрос о причинах победы большевиков в Гражданской войне.

Ключевые слова: санитарно-лечебные учреждения, организация военно-медицинского дела, практики оказания военно-медицинской помощи

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00814 (18-00-00813) «Патриархальный мир и факторы жизнестойкости населения в период «долгой войны» 1914–1922 годов».

Для цитирования: Морозова О.М., Трошина Т.И. Состояние военной медицины в годы Гражданской войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 109–119. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-109-119>

The State of Military Medicine during the Russian Civil War

Olga M. Morozova ^a , Tatiana I. Troshina ^{b, c}

^a Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^b Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

^c Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

 olgafrost@gmail.com

Abstract: Along with the analysis of military strategy and tactics and of the ideological component of the struggle, the history of the Russian Civil War can also be studied with regard to the “supporting” factors in the opposing camps. The present article is based on the study of sanitary-medical

services of the Red Army and the armies of the White Movement. Under war conditions, the boundary between military and civil medicine was blurred, as we are talking about a domestic war that coincided with several major epidemics. The personnel as well as the organizational forms and practices of medical care went back to the experiences of World War I. At the outbreak of the war the armed formations competed with each other to attract specialists to their ranks. Members of the medical community thus had to decide which side to serve – a choice that some made consciously and others situationally. At the beginning of the war, the Whites had an advantage regarding medical personnel; by the end of the war, the Bolsheviks had managed to rectify this situation. The Whites adopted the experience of World War I, assigning public organizations a special role in supplying the army. The Reds, in contrast, sought to match the revolutionary spirit of the era by encouraging initiative. This they combined with a fairly tight control of their services, creating a centralized system from the outset. The analysis of how the warring parties organized their military medical-sanitary services can thus add new insights to our understanding of why the Bolsheviks achieved victory in the Civil War.

Keywords: military medical services, sanitary and medical institutions, organisation of military medical affairs, practices of military medical aid

Acknowledgements and Funding: This work was financially supported by the RFBR (project No. 18-00-00814 (18-00-00813) “The patriarchal world and factors of the people’s resilience during ‘the Long War’ of 1914–1922,” 2019–2020).

For citation: Morozova, Olga M., Troshina, Tatiana I. “The State of Military Medicine during the Russian Civil War.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 109–119. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-109-119>

Введение

История гражданских и мировых войн включает в себя не только историю боевых действий, но и историко-антропологические проблемы военной повседневности. В социальной топологии войн одно из важнейших мест занимают службы обеспечения – интендантство, транспорт, продовольственное обеспечение, санитарно-медицинская поддержка войск, которые создают основу для успешного ведения боевых действий армий.

В историко-медицинских исследованиях делался акцент на создании в нашей стране противоэпидемической системы современного типа¹, позже область изучения была расширена за счет деятельности Российского общества Красного креста (РОКК)². В связи с особенностями внутренней войны вызывает интерес дробление наследуемого общенационального опыта лагерями, вступившими в борьбу за политическую власть в стране³. Данная статья носит компаративный характер, поскольку в ней рассматриваются организационные особенности постановки санитарно-медицинского обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии и армий белых анклавов, в основном Юга и Севера.

Медицинское сообщество в водовороте революционных событий

Врачи, фельдшеры, сестры милосердия, в своем большинстве люди прогрессивных убеждений, приветствовали Февраль 1917 года. Воодушевление масс революционными свободами привело к поголовному участию больничных низов

¹ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968; Петровский Б.В. Советское здравоохранение за 50 лет СССР. М., 1973; Давыдова Т.В. Становление системы советского здравоохранения: миф или реальность // История в подробностях. 2013. № 3. С. 22–29; Морозова О.М. Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3424%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (дата обращения: 10.10.2019).

² Ипполитов С.С. Деятельность Российского общества Красного Креста на территории Украины, Кубани и Крыма в 1918–1920 годах // Новый исторический вестник. 2018. № 56. С. 154–167; Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 56–68.

³ Трошина Т.И. Медицинское обеспечение боевых действий войск в период Гражданской войны (на примере Архангельского района Северного фронта) // Военно-медицинский журнал. 2020. Т. 341. № 10. С. 85–92.

в установлении правил внутреннего распорядка лечебных учреждений, иногда расстраивающему ход дел в учреждении⁴.

Но это было ничто по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться в армии и флоте. Нарастание недоверия к офицерам поставило врачей в погонях в один ряд с прочим офицерством. Избранные в солдатские комитеты санитары и фельдшера нередко использовали свои полномочия для сведения счетов с непосредственным начальством – врачами и начальниками госпиталей, что стало предметом обсуждения на 2-м депутатском съезде Всероссийского союза врачей армии и флота в декабре 1917 г.⁵

Закрытие военных лазаретов и госпиталей привели к безработице среди медицинского персонала. Но уже к лету 1918 г., в связи с началом боев, ситуация стала меняться. Создание Беломорского военного округа (включившего Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую губернии) и в его составе военно-санитарного управления РККА означало возвращение в строй всех уволенных военных медиков⁶. Что касается Юга, то во время первых боев Добровольческой и Донской казачьей армии с отрядами красных началась, как случалось почти ежегодно, холера, а в самом начале осени пришла испанка. Примерно в ноябре она была вытеснена небывалой эпидемией тифа. Между враждующими армиями шла настоящая охота за врачами и фельдшерами. При оставлении территории старались забрать с собой всех медиков, включая гражданских. Так, при отступлении армии А.В. Колчака из Екатеринбурга в июле 1919 г. поступил приказ эвакуировать все лазареты, как военные, так и гражданские (кроме роддома), со всем имуществом⁷.

Белые армии имели более высокую обеспеченность медперсоналом. Среди беженцев из центра страны были не только эвакуировавшиеся частным образом врачи, но и организованно отбывшие со своими воинскими частями женские санитарные батальоны, санитарные поезда, лазареты. Во-вторых, университетские клиники, эвакуированные из западных губерний, оказались там, где происходило зарождение войск антибольшевистского лагеря. Так, Варшавский университет был эвакуирован в 1915 г. в Ростов-на-Дону, Киевский университет св. Владимира – в Саратов, Дерптский – в Пермь и Воронеж. Кроме того, политические симпатии медиков чаще были на стороне Белого движения. Его лозунги перекликались с их земским опытом.

Количество врачей в Добровольческой армии было достаточным для того, чтобы укомплектовать штаты не только госпиталей и лазаретов, но и врачебно-наблюдательных пунктов, эпидемических лазаретов, лечебно-санитарных отрядов. Весной 1919 г. в связи с высокой степенью обеспеченности санитарно-медицинскими кадрами Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) Всероссийский союз городов приступил к формированию госпиталя для передачи его в Уральскую армию⁸.

Медицинские службы Красной армии изначально располагали более скудными, чем их противник, кадровыми ресурсами⁹. Терялось даже то, что удавалось собрать. Спешная эвакуация советской власти из Архангельска 1–2 августа 1918 г. привела к тому, что практически все медики, собранные военно-санитарным управлением Беломорского военного округа, остались у белых. И в дальнейшем с трудом мобилизованные в Красную армию медики при первой возможности переходили на сторону неприятеля. В Пермской губернии после отступления колчаковцев оказалось всего 30 врачей, в то время как при отступлении Красной армии в 1918 г. оставалось около 300¹⁰.

⁴ Отдел рукописей Российской публичной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 581. Д. 70. Л. 113.

⁵ Военно-санитарное дело. Орган ЦИК Всероссийского Союза врачей армии и флота. 1918. № 3 (Январь). С. 2–4.

⁶ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1199. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 2, 8, 14.

⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 57. Л. 1, 2, 5.

⁸ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2, 4.

⁹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 9. Л. 70–70 об.

¹⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 57. Л. 1, 2, 5.

Не будет ошибкой считать, что у медиков, как и у большинства населения страны, массовым было стремление дистанцироваться от активных событий гражданской войны. Ощущающие себя над схваткой врачи оказывали помощь больным, раненым и другим нуждавшимся. В момент, когда на Дону разворачивалась вооруженная борьба, врачебно-санитарный отдел Донской советской республики от лица ростовских медиков напомнил о внепартийности Красного креста и заявил, что рассчитывает на гарантии неприкосновенности медицинского персонала, примыкание которого к одной из сторон конфликта назвал недопустимым¹¹. Известный томский доктор Я.А. Калачников служил старшим врачом в лазарете при лагере военнопленных в 1915–1918 гг. Он продолжил работу в госпитальной терапевтической клинике при А.В. Колчаке и позже при большевиках.

Особую ценность медперсонал представлял на фронте. Известно, что в Красной армии врачам оружие не полагалось: В боях на пути к Москве в плен обоюднo не брали, но захваченный белыми красный «подвижной лазарет с медицинским персоналом» считался богатым трофеем¹². Врач штаба 9-й Красной армии Л.А. Зильбер, оказавшись летом 1919 г. в неожиданно занятом белыми Балашове Саратовской губернии, не встретил никаких проблем с трудоустройством ни своим, как бактериолога, ни персонала своего госпиталя¹³. Не брезговали служившими у противника врачами, фельдшерами и сестрами милосердия и большевики, занимавшая в 1920 г. оставляемые белыми территории¹⁴.

В 1918 г. недостаток медперсонала в Красной армии был чрезвычайным. В этих условиях командование шло на разные импровизации. Имевшие минимальные навыки работы с ранеными женщины назначались начальницами лазаретов. Обычно это были прошедшие через ускоренные курсы сестер Общества Красного креста девушки из низовых слоев, с ранних лет жившие своим трудом и видевшие в повышении своего профессионального статуса одно из завоеваний Революции. Добыть столь нужного врача можно было и в бою. Командир партизанского отряда Ф.Ф. Лыткин совершил налет на аул Ачикулак с тем, чтобы захватить врача для оказания помощи своим раненым накануне бойцам¹⁵. Когда в октябре 1918 г. на Архангельском фронте красные захватили полевой госпиталь интервентов, то с его лечебным персоналом было заключено соглашение о предоставлении медицинской помощи красноармейцам в обмен на жизнь их раненых.

В сентябре 1918 г. начался призыв врачей в регулярную Красную армию. Большевики использовали материальное стимулирование труда медработников. Совет рабоче-крестьянской обороны (СРКО) принял декрет об увеличении заработной платы врачам и об обеспечении их семей всем необходимым¹⁶. Работающим в заразных бараках выплачивался повышенный оклад¹⁷. Командование Красной армии пристально наблюдало за исполнением служащими должностных обязанностей. Обильный стол явно неказенного происхождения мог стать основанием для подозрения

¹¹ ГАРО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

¹² *Левитов М.Н.* Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года: Общее положение после занятия города Белгорода. URL: <http://www.dk1868.ru/history/LEVITOV.htm> (дата доступа: 15.09.2019).

¹³ *Зильбер Л.А.* Записки военного врача // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 298.

¹⁴ Научный архив Североосетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 366–367.

¹⁵ *Лыткин Ф.Ф.* Красные камышанцы // 20 лет освобождения Ставрополя от белых. Пятигорск, 1940. С. 46.

¹⁶ *Готовкин В.В.* Роль Совета Рабоче-Крестьянской Обороны в развитии советской военной медицины в период гражданской войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 8. С. 38–42.

¹⁷ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 10. Л. 104.

лазаретного врача в распродаже медикаментов; приходилось оправдываться, ссылаясь на ведение частной практики, казавшейся тогда меньшим прегрешением¹⁸.

Бывало, заслуженно, но иногда и несправедливо, медперсонал обвинялся в саботаже. Цитата из воспоминаний:

После боя у нас были раненые. Мы их отправили в Троицкую больницу, где был саботаж врачей, его удалось прекратить после арестов¹⁹.

Неслучайно в Саратове некто Лацис совмещал должности комиссара госпиталей и председателя комиссии по борьбе с саботажем²⁰.

Старый крестьянский предрассудок и недоверие в отношении врачей проявили себя и в Красной армии. Бойцы бригады Ф.А. Текучева, оборонявшей зимой 1919 г. Царицын, считали причиной высокой смертности от тифа вредительство врачей, которые давали бойцам не «выздоровливающее лекарство», а лекарство смерти. И поэтому

с этим явлением велась жестокая борьба, красные бойцы уезжали в лазареты с наганами для того, чтобы и на фронте медицины изжить недостатки²¹.

Раненный в ногу командир кавалерийского отряда в 6-й Красной армии осетин Хаджимурат Дзарахохов отказался от помощи врачей, лечился сам, хотя его и опекала Розалия Землячка, учившаяся на медицинском факультете Лионского университета²².

Мобилизованные в РККА врачи по-разному понимали свой долг. Женщина-врач, руководившая тифозной больницей, отказалась делить своих пациентов на белоармейцев и пленных красноармейцев; уже излечившихся красноармейцев она не выписывала, чтобы те не оказались в лагере военнопленных²³. Во время закончившейся катастрофой отхода 11-й Красной армии с Северного Кавказа она столкнулась с эпидемиями сыпного тифа и испанки. Мобилизованные врачи отставали от своих лазаретов, оставаясь на зимовку в ставропольских селах, но другие ушли в степи вместе с армией. Один очевидец вспоминал трех врачей – двух мужчин и женщину, которая производила впечатление барышни. В конце перехода через степи эти трое тоже были больны тифом, но отказывались эвакуироваться в Астрахань, продолжая исполнять свои обязанности. Мемуарист с долей восхищения писал, что и под барским нарядом скрывалось человеческое сердце²⁴.

За годы Гражданской войны 86 врачей и медработников других категорий (фельдшеры, сестры, лекарские помощники) были награждены орденами Боевого Красного знамени. Среди награжденных – большое число медсестер. В нескольких случаях в наградных приказах указывается личное мужество при оказании помощи раненым под жестоким обстрелом врага. Но, по-видимому, большинство награжденных были сделаны не за исполнение профессиональных обязанностей, а за совершение военных подвигов и участие в боях²⁵.

В течение 1918–1920 гг. было проведено несколько мобилизаций медицинского персонала в Красную армию. В апреле 1919 г. было принято постановление

¹⁸ Государственный архив Латвии (далее – ГАЛ), Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 37. Л. 58.

²⁰ Рейли Д. «Заложник пролетариата». Отрывки из воспоминаний А.А. Минха. Саратов, 2001. С. 43.

²¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 34. Л. 45.

²² Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее – ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 620. Л. 6, 76.

²³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 57. Л. 4, 10.

²⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 654. Л. 12.

²⁵ Нестеренко А.И. О медработниках – первых кавалерах ордена Красного знамени // Советское здравоохранение. 1965. № 3. С. 38–43.

о немедленном призыве студентов-медиков пятого курса. В связи с противодействием данному постановлению наркомату юстиции было поручено возбудить дело против ректоров Саратовского и 2-го Петроградского университетов. Переосвидетельствование медицинского персонала, подлежащего призыву, было временно поручено Особому отделу ВЧК, что было связано с тем, что врачи призывных комиссий из корпоративной солидарности «выбраковывали» коллег якобы по состоянию здоровья²⁶. Комплекс мероприятий принес свои плоды. Накануне массовой демобилизации 1923 г. в советской армии и флоте было 20 тыс. врачей²⁷.

Советские военные и гражданские медицинские службы

До середины 1918 г. все вопросы, относящиеся к гражданским и военным санитарно-медицинским службам, находились в ведении Народного комиссариата здравоохранения. Но начальник Главного военно-санитарного управления М.И. Баранов находился также в прямом подчинении Революционному военному совету Республики (РВСР) и СРКО²⁸.

Еще до начала боев Гражданской войны для районов, примыкающих к границе и к линии разграничения по условиям Брестского мира, где создавались отряды «Завесы», осуществлялась разработка мобилизационного плана. Он, в частности, предполагал формирование и развертывание сети «чайно-питательных» и «согревательных» пунктов²⁹. В дальнейшем это стало основой будущей системы РККА.

На Архангельском участке фронта с белыми и интервентами с августа 1918 г. организацию эвакуационного дела Красной армии пришлось осуществлять «врачебно-медицинской секции» «Советской ревизии», которой руководил комиссар М.С. Кедров. Главным организатором военно-санитарного дела стал доктор А. Христофоров, назначенный также начальником Снабарма. В их распоряжении были огромные запасы закупленных для русской армии за границей предметов санитарно-медицинского назначения. Эти грузы размещались в вагонах вдоль всей железной дороги от портового Архангельска до Вологды. Первое время ее почти полностью контролировали красноармейские части. Беломорскому военному округу разрешено было пользоваться 5 % этого имущества, чего было вполне достаточно для относительно небольшой 6-й Красной армии³⁰.

Лечебно-эвакуационная служба 6-й армии располагала двумя госпиталями, сформированными в период мировой войны в Вологде и Вятке; семью санитарными поездами. Но новые условия: близость фронта, партизанские методы ведения войны, высокая мобильность воинских подразделений, потребовали создания лазаретов при железной дороге, причем на каждой из станций, имеющих помещение для переоборудования, чтобы сократить срок доставки раненых³¹. Эвакуация к пристанционным лазаретам производилась гужевым транспортом. По пути движения создавались промежуточные питательные пункты, передвижные походные аптеки, пункты сортировки раненых – по тяжести состояния³². Командиров и комиссаров

²⁶ *Потулов Б.М.* Вопросы здравоохранения в деятельности Совета рабочей крестьянской обороны (декабрь 1918 г. – апрель 1920 г.) // Советское здравоохранение. 1962. № 11. С. 68–69.

²⁷ Военно-санитарное дело: Орган ЦИК Всероссийского Союза врачей армии и флота. 1918. № 3. С. 1.

²⁸ *Готовкин В.В.* Роль Совета Рабоче-Крестьянской Обороны в развитии советской военной медицины в период гражданской войны. С. 38–42.

²⁹ *Здыбка С.А.* Военный госпиталь и развитие больничного дела на Архангельском Севере. Архангельск, 2008. С. 87–88; *Кузьмин Н.Н.* Борьба за Север // Этапы большого пути. М., 1962. С. 309.

³⁰ *Кедров М.С.* За Советский Север: личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 108.

³¹ *Барминский.* Организация помощи раненым в Архрайоне // Съезд хирургов Красной армии Северного фронта с 20 по 25 октября 1919 г. Вологда, 1919. С. 16.

³² *Ахизер Г.* Военно-санитарные импровизации в районе дивизии эпохи гражданской войны // Военно-санитарный сборник Украинского военного округа. Харьков, 1924. С. 5–10.

направляли на излечение в Петроград или в Москву, где была лучше поставлена медицинская помощь³³. Санитарные службы армии учитывали специфику участков Северного фронта, связанную с особенностями коммуникаций – водный путь, железнодорожная линия или проселочная дорога³⁴.

Осенью 1918 г. большую тревогу советских центральных органов вызывало положение на Южном фронте в связи с эпидемией тифа. В декабре на заседаниях СРКО дважды обсуждался вопрос «о санитарном положении на Южном фронте». Было принято решение о направлении туда санитарных грузов и дополнительных сил врачей. В первой половине 1919 г. советскому командованию приходилось решать вопрос и с «захватами» военно-санитарных вагонов отдельными частями Красной армии. Поезда были предназначены для эвакуации раненых в тыл, но командование фронтовых частей, испытывая нужду в кадрах, помещениях и медикаментах, превращало их в стационарные лечебные заведения. Инструкции, воспреещающие это, должны были приобрести статус боевого приказа³⁵. Когда волна сыпного и возвратного тифа накрыла советскую республику во второй раз осенью 1919 г., а очагами поражения стали восточные и юго-восточные районы страны, В.И. Ленин подписал запрет на частное пассажирское движение по железнодорожным линиям в направлении Ташкента, Челябинска, Перми, Самары³⁶. В ноябре 1919 г. при Наркомате здравоохранения была создана Особая всероссийская комиссия по улучшению санитарного состояния с участием представителей ВЧК, Политического управления РВСР, профсоюзов, женских организаций. При местных органах советской власти должны были быть созданы комиссии с аналогичными функциями и в таком же составе. Дела, возбужденные этими комиссиями, должны были во внеочередном порядке рассматриваться чрезвычайными органами.

На советской территории медицинские учреждения делились на гражданские, подчиненные здравотделам исполкомов, и военные – санитарные части воинских подразделений, руководимые Военно-санитарным управлением РККА. Но в прифронтовых районах работать они должны были в полном единстве, как например, осенью 1919 г. в Нижнем Поволжье в борьбе с эпидемией тифа. Под руководством начальника санитарной части 2-й бригады 34-й дивизии С.И. Спасокукоцкого был составлен план организации тифозных барачков. Они открывались гражданским ведомством, при этом военные организации должны были оборудовать там дезинфекционные мощности, снабжать бельем, продовольствием и мылом в нужных количествах. Имеющийся гражданский медицинский персонал, по сути, оказывался на положении мобилизованного для борьбы с эпидемией³⁷.

Во время боев на московском направлении здравотделы местных исполкомов и военные госпитали также работали в тесном контакте. Прослеживается появление навыков работы в экстремальных условиях. Здравотдел Старооскольского уисполкома быстро и по-деловому сформировал план мероприятий с учетом местных ресурсов: выделить реквизированные здания под госпиталь и заразный барак, организовать ассенизационный обоз, собрать по городу белье для больных, коммунальному найти доски для «постройства кроватей и гробов», приспособить городские плодосушилки для пропаривания одежды и белья, запустить мыловаренный завод, добыть дрова за счет разбора пустующих деревянных зданий и т.д.³⁸

³³ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 651.

³⁴ *Фрайбергер*. Организация помощи раненым на Северо-Двинском фронте // Съезд хирургов Красной армии Северного фронта с 20 по 25 октября 1919 г. С. 14–15.

³⁵ *Потулов Б.М.* Вопросы здравоохранения в деятельности Совета рабочей крестьянской общины (декабрь 1918 г. – апрель 1920 г.) // Советское здравоохранение. 1962. № 11. С. 66.

³⁶ Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 47–48.

³⁷ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 68. Л. 33–34.

³⁸ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 245. Оп. 1. Д. 19. Л. 182–186.

Отдельно стоит упомянуть муниципализацию медицинских учреждений, частных аптек и стоматологических кабинетов. Это был инициативный процесс без приказов и инструкций по национализации из центра. Он был вызван остановкой деятельности аптек и кабинетов в связи с отъездом специалистов и дефицитом медикаментов, медицинских материалов и инструментов. На свободном рынке они отсутствовали, их можно получить только из централизованных государственных ресурсов. Перечень получаемых аптеками препаратов многообразен не отличался, это могли быть антифебрин, хинин, кокаин, сода, анисовое масло, ментоловое масло, фенацетин (парацетамол), и антисептическое средство салол (фенил салицилат)³⁹. Но фармацевты были рады и этому.

Переход к централизации и единоначалию в управлении системой здравоохранения сочетался с сохранением демократических принципов устройства внутренней жизни медицинских учреждений. Революционный демократизм коллегиальных органов состоял во включении в их состав представителей от фельдшеров и пациентов⁴⁰.

Медицинские службы армии белых

Санитарно-медицинское обеспечение воинских частей Северной армии генерала Е.К. Миллера было весьма удовлетворительным, как и у противодействующей ей 6-й Красной армии. Большевики не успели полностью вывезти из Архангельска запасы медикаментов, закупленные еще для царской армии. С началом боевых действий сохранившиеся военные лазареты оказались у белых. Под транспортировку раненых были приспособлены санитарные поезда и госпитальные пароходы. Их снабжение осуществлялось союзниками, совершившими вооруженную интервенцию на Север России.

Из рук союзников оснащались и лазареты армии А.В. Колчака. О размере находившихся за Уралом запасов говорит тот факт, что американского перевязочного материала, собранного доктором тифозной больницы в Екатеринбурге К.А. Белобородовой, хватило на то, чтобы «больница жила с им безбедно до 1922 г., при этом снабжая военные госпитали»⁴¹.

Большую роль в организации санитарно-лечебной помощи армиям белых играли учреждения Красного креста. Временному главному управлению РОКК удалось стать элементом механизма власти и управления Омского правительства адмирала Колчака, вобрав в себя все лечебные и снабженческие учреждения Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского союза и союза городов (Земгора) и организации Министерства земледелия, обслуживающие фронт в санитарном и эвакуационном отношении⁴².

На Белом юге сотрудничество гражданских санмедучреждений и армии имело свои особенности⁴³.

Во время 1-го Кубанского похода медицинские службы будущей Добровольческой армии организационно еще не были оформлены, хотя среди участников были 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 122 сестры милосердия. В обозе выделялись повозки для перевозки раненых, называемые лазаретом. Картина, представленная генералом И.Г. Эрдели, свидетельствует об отсутствии иной помощи раненым кроме как сохранение их от расправы⁴⁴.

³⁹ ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 33, 36 об. – 37; Д. 46. Л. 25, 96.

⁴⁰ Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 35; Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 57. Л. 1, 2, 5.

⁴² *Иттолитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 56–68.

⁴³ *Посадский А.В.* Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структуры, решения, повседневность // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10. № 2. С. 315–329.

⁴⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 114.

Санитарно-медицинские нужды антибольшевистских армий на Юге России (Добровольческой, Донской, Кубанской), как до их объединения под единым командованием, так и после этого, обслуживало несколько параллельных структур – соответствующие службы казачьих войск, общественные благотворительные организации, такие как Всероссийский союз городов (Согор), РОКК, Донское общество помощи фронту; созданные меценатами частные госпитали; полковые лазареты в частях, возглавляемых заботливыми командирами.

Присутствие существенной взвеси общественных сил в оказании лечебной помощи являлось принципиальной позицией врачебного сословия. Когда в 1885–1886 г. работала комиссия С.П. Боткина по обсуждению принципов будущей национальной системы здравоохранения в направлении централизации, то практикующие врачи единогласно выступали за самостоятельность местных учреждений и организаций в вопросах устройства врачебно-санитарной сферы, что обосновывалось разнообразием условий страны. И даже когда в 1916 г. был принят закон о Главном управлении государственным здравоохранением, его критики продолжали высказываться за сохранение самостоятельности общественных организаций⁴⁵. В годы Первой мировой войны, как, впрочем, и в прежние военные кампании, сложилась практика активного участия общественности в помощи армии как демонстрации патриотического чувства тех, кто в силу разных обстоятельств не мог пойти на фронт. Та же система была воспроизведена в белых армиях.

Схема отношений между армией и неармейскими медицинскими учреждениями находит отражение в Положении Верховного главнокомандующего о Главном начальнике Санитарного отдела штаба армии от 20 сентября 1919 г. Его аппарат должен был координировать работу разноподчиненных лечебных и санитарных учреждений. Начальник Санотдела обладал рядом прав по руководству работой всех медицинских учреждений: имел право запрашивать сведения, давать указания по профилю работы, не вмешиваясь при этом во внутренние дела, требовать исправления замечаний силами учреждений⁴⁶. Согласно этому документу, решение начальника Санотдела было обязательным для исполнения. Реальная практика отличалась от смысла и буквы этого документа.

Санотдел мог осуществлять общение с руководством неармейских госпиталей, различных «пунктов» и отрядов только через аппарат Особоуполномоченного Всероссийского союза городов, что множило количество бумаг, тормозило выполнение задач при слабой исполнительской дисциплине⁴⁷. Для сравнения: в Красной армии на Северном фронте было признано вредным двойное подчинение даже по относительно частному вопросу, когда обслуживавшие фронт лечебные заведения и эвакуационные пункты, получая распоряжения из штаба Северного фронта, в отношении снабжения полностью зависели от частей, которым были приданы⁴⁸.

Отдельной проблемой для армии был гражданский статус персонала учреждений Согора. Они находились на положении вольнонаемных, а не мобилизованных, поэтому позволяли себе отлучки с мест работы, просили увольнения, если условия службы не соответствовали их ожиданиям, а то и вовсе бросали все, не сдав дела и не неся за это никакой дисциплинарной ответственности⁴⁹.

Представляемые отчеты демонстрировали самое честное отношение служащих к своим обязанностям. Но рапорты проверяющих из Санотдела армии отража-

⁴⁵ Практический врач. 1916. 20 ноября.

⁴⁶ ГАКК. Ф. Р-1283. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴⁷ Тамже. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 64.

⁴⁸ Краткий отчет о Съезде представителей органов снабжения Красной Армии с 8 по 14 февраля 1919 г. М., 1919. С. 63, 64.

⁴⁹ ГАКК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 24; Д. 28. Л. 34, 54–55, 60, 67; ГАКК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 83.

ли жизнь во всем многообразии: злоупотребление согоровских врачей частной практикой, хищения медикаментов, перекаладывание врачебных обязанностей на фельдшеров и сестер, самовольное оставление мест службы.

Казачьи войска, обладавшие большей самостоятельностью, чем непосредственно подчиненные командованию ВСЮР части, стремились уклониться от взаимодействия со структурами Согора. К 1919 г. Всевеликое войско Донское пришло к выводу о необходимости укрепления войсковой медицинской службы; разрабатывался план⁵⁰, но он не был реализован из-за отступления армии.

Наряду с союзами учреждениями существовали и частные – лазареты, зубные кабинеты и аптеки. Существенным недостатком хаотического образования лечебных учреждений была невозможность их бесперебойного снабжения необходимым из-за трудностей в получении финансирования. Хотя все лечебные учреждения – постояннодействующие и временные – могли претендовать на государственное кредитование в крупных размерах⁵¹. Обоснованным выглядит предположение, что активность на лечебно-санитарном поле могла иметь одной из целей доступ к централизованным ресурсам армейского командования⁵².

Выводы

Таким образом, мы можем оценить траектории развития двух частей некогда единой военно-медицинской организации в условиях внутреннего политического и идеологического конфликта.

В годы Первой мировой войны на волне патриотического подъема получила развитие общественная инициатива в деле заботы о раненых. Помимо военных медиков в этой работе приняли участие и гражданские медики, приглашенные на службу в госпитали, создаваемые общественными организациями и частными лицами. Интеллектуальные силы профессионального врачебного сообщества привели к появлению новаторских наработок, которые не успели, однако, быть внедренными в широкую практику. После начала боевых действий Гражданской войны обеспечение белых армий было отдано в руки общественных организаций, что имело помимо прочего и идеологический подтекст – для придания легитимности движению за счет опоры на широкую общественность. Однако это привело к рассогласованности и низкой эффективности работы санитарно-медицинских учреждений.

Красная армия стремилась соответствовать революционному духу эпохи, поощряя инициативу и умея сочетать это с достаточно плотным контролем за деятельностью своих служб. Командование РККА выстраивало централизованную систему армейских санитарно-медицинских учреждений, занимавшихся мобилизацией и обучением медперсонала, материальным снабжением госпиталей и лазаретов. Вместе с другими механизмами «мобилизационной модели» это позволило Красной армии, несмотря на более слабые первоначальные позиции, выйти победителем из военного конфликта Гражданской войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.12.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.01.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2021

⁵⁰ ГАРО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 64. Л. 171.

⁵¹ ГАКК. Ф. Р-1283. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

⁵² *Посадский А.В.* Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структуры, решения, повседневность. С. 321–323.

References

- Baroyan, O.V. *Itogi poluvekovoi bor'by s infektsiyami v SSSR i nekotorye aktual'nye voprosy sovremennoi epidemiologii*. Moscow: Meditsina Publ., 1968 (in Russian).
- Davydova, T.V. "Stanovlenie sistemy sovetskogo zdravookhraneniia: mif ili real'nost'." *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 3 (2013): 22–29 (in Russian).
- Gotovkin, V.V. "Rol' Soveta Raboche-Krest'yanskoi Oborony v razvitii sovetskoii voennoi meditsiny v period grazhdanskoi voiny." *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 8 (2005): 38–42 (in Russian).
- Ippolitov, S.S. "The Activity of the Russian Red Cross Society in Ukraine, Kuban Oblast, and the Crimea, 1918–1920." *Novyj Istoriceskij Vestnik*, no. 56 (2018): 154–167 (in Russian).
- Ippolitov, S.S. "The Russian Red Cross society in Siberia and the Russian Far East: Organisation and support of the army and the population (1919–1920)." *Novyj Istoriceskij Vestnik* 35, no. 1 (2013): 56–68 (in Russian).
- Morozova, O.M. "Tifoznaya vosh' v soldatskoi shinelii: o vliyaniie estestvenno-prirodnykh faktorov na khod i iskhod Grazhdanskoi voiny v Rossii." *Relga*, no. 10, <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3424%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (in Russian).
- Nesterenko, A.I. "O medrabotnikakh – pervykh kavalerakh ordena Krasnogo znamenii." *Sovetskoe zdravookhranenie*, no. 3 (1965): 38–43 (in Russian).
- Petrovskiy, B.V. *Sovetskoe zdravookhranenie za 50 let SSSR*. Moscow: Meditsina Publ., 1973 (in Russian).
- Posadskii, A.V. "Medicine in the White South during the Russian Civil War: Structures, Solutions, Everyday Life." *Modern History of Russia* 10, no. 2 (2020): 315–329, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.203> (in Russian).
- Potulov, B.M. "Voprosy zdravookhraneniya v deyatelnosti Soveta rabochei krest'yanskoi oborony (dekabr' 1918 g. – april' 1920 g.)." *Sovetskoe zdravookhranenie*, no. 11 (1962): 65–69 (in Russian).
- Reili, D. *Zalozhnik proletariata. Otryvki iz vospominanii A.A. Minkha*. Saratov: SGU Publ., 2001 (in Russian).
- Troshina, T.I. "Meditsinskoe obespechenie boevykh deistviy voisk v period Grazhdanskoi voiny (na primere Arkhangel'skogo raiona Severnogo fronta)." *Voенно-медитсинский журнал*, 341, no. 10 (2020): 85–92 (in Russian).
- Zdybko, S.A. *Military Hospital in the development of hospital business on the Arkhangel'sk North*. Arkhangel'sk: Arkhangel'sk military hospital Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

О.М. Морозова, д-р ист. наук, профессор кафедры связи с общественностью Донского государственного технического университета, 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

O.M. Morozova, Dr. habil. hist., Professor of the Department of Public Relations, Don State Technical University; 1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

Т.И. Трошина, д-р ист. наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, 163004, Россия, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, 17, 163000, Россия, г. Архангельск, Троицкий пр-т, 51; профессор кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

T.I. Troshina, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangel'sk, 163002, Russia; Professor of the Department of Humanities, Northern State Medical University, 51, Troitsky Av., Arkhangel'sk, 163000, Russia; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-120-129>

Научная статья / Research article

Порто-франко Северной Одессы: проект А.И. Деньгина 1820–1840-х гг. по освоению устья реки Печоры

Евгения Владиславовна Комлева

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

✉ feodal@history.nsc.ru

Аннотация: Освещается малоизвестная страница истории освоения Русского севера, связанная с именем вологодского купца, а затем мещанина Александра Ивановича Деньгина. Обобщаются встречающиеся в разных источниках биографические сведения о А.И. Деньгине, характеризуется составленный им в 1820–1840-х гг. проект по хозяйственному освоению территории, прилегающей к устью р. Печоры, направленный на развитие как Печорского края, так и Западной Сибири путем установления регулярного водного сообщения между европейской и азиатской частями России. Рассмотрены этапы создания и хождения по разным инстанциям этого документа. В рассматриваемом источнике, наполненном патриотической риторикой, подчеркивается не только личная заинтересованность конкретного частного лица в получении материальных выгод от эксплуатации устья Печоры, но и осознание предпринимателями важности освоения северных территорий для их полноценной инкорпорации в Российскую империю. При этом в качестве неперемennого условия достижения поставленной цели рассматривалось тесное взаимодействие государственной власти и представителей частного капитала. Записка А.И. Деньгина содержит также ряд указаний на картину мира, присущую российскому купечеству дореформенного периода. Среди особенностей мировоззрения купцов – высокая оценка значимости своей профессиональной деятельности не только для успешного функционирования экономики, но и для повышения общего уровня культуры и просвещения населения, восприятие коммерции в качестве важнейшего средства для достижения прогресса и общего блага.

Ключевые слова: хозяйственное освоение, частная инициатива, сибирское купечество, мировоззрение, предпринимательство, Северная Евразия

Для цитирования: Комлева Е.В. Порто-франко Северной Одессы: проект А.И. Деньгина 1820–1840-х гг. по освоению устья реки Печоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 120–129. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-120-129>

The Port-Franco of Odessa of the North: Alexander Den'gin's Development Project of the Mouth of the Pechora River in the 1820s to 1840s

Evgeniya V. Komleva

Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Novosibirsk

✉ feodal@history.nsc.ru

Abstract: The article is devoted to a little-known episode in the history of the development of the Russian North, one that is associated with the name of the Vologda merchant Alexander Ivanovich Den'gin. The contribution brings together the available biographical information about A.I. Den'gin

and characterizes his project concerning the economic development of the territory adjacent to the mouth of the Pechora River. This project he elaborated in the 1820s to 1840s; it aimed at the development of both the Pechora Region and Western Siberia by establishing regular water communication between the European and Asian parts of Russia. The article reviews the various stages in the drafting of this document, and traces its way through different instances. Filled with patriotic rhetoric, the source under consideration emphasizes not only Den'gin's personal interest – to derive material benefits from the exploitation of the Pechora estuary – but also reflects that entrepreneurs were fully aware of the necessity to develop the northern territories in order to integrate these regions fully into the Russian Empire. A close cooperation between state authorities and representatives of private capital was considered an indispensable condition for achieving this goal. A.I. Den'gin's note also reveals how the Russian merchant class of the pre-Reform period viewed the world. They had a very high opinion of their professional activities, which they thought were indispensable not only for the successful functioning of the economy but also for raising the general level of culture and education among the population. Commerce was seen as the most important means for achieving progress and common welfare.

Keywords: economic development, private initiative, Siberian merchants, worldview, entrepreneurship, Northern Eurasia

For citation: Komleva, Evgeniya V. “The Port-Franco of Odessa of the North: Alexander Den'gin's Development Project of the Mouth of the Pechora River in the 1820s to 1840s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 120–129. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-120-129>

Введение

Одной из важнейших задач, стоящих перед Россией в настоящее время, можно считать интенсификацию экономического развития входящих в ее состав северных и северо-восточных территорий, что подчеркивают перспективные планы, утвержденные руководством страны¹. Как и два столетия назад, для этих районов по-прежнему остро стоят проблемы малочисленности населения, недостаточной инфраструктуры, необходимости огромных капиталовложений. Успешная реализация заявленных проектов зависит от разных факторов, среди которых не последнее место занимает обращение к многовековому историческому опыту колонизации удаленных и труднодоступных областей, подчеркивающему, в том числе, необходимость объединения в этом непростом деле усилий государства и частного бизнеса.

Пример того, каким образом проходило изучение и хозяйственное освоение Арктической зоны, – открытие в последней четверти XIX в. Северного морского пути и начало регулярного судоходства по суровым водам Северного Ледовитого океана. Это долгожданное событие, значение которого трудно переоценить, послужило важнейшим стимулом для развития экономики России и ее международных связей. История открытия Северного морского пути, инкорпорации северных территорий Сибири в единое экономическое и социокультурное пространство Российской империи рассматривается в работах многих исследователей. И все же до сих пор остается ряд малоизученных аспектов, связанных, в частности, с ролью в этом процессе отдельных лиц – представителей частного капитала. Одному из подобных сюжетов и посвящена данная статья. В центре нашего внимания – нереализованный проект вологодского купца, а затем мещанина А.И. Деньгина «О заморской торговле Сибири через р. Печору, с открытием порта на ней», составленный в 1820–1840-х гг. и отложившийся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки².

¹ 24 сентября 2020 г. вышло распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.», 26 октября 2020 г. – Указ Президента «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», 30 марта 2021 г. – постановление Правительства «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации”».

² Отдел рукописей РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128.

Следует отметить, что сохранились и другие источники, свидетельствующие об интересе к северным территориям со стороны состоятельного купечества: путевые журналы иркутского купца П.Т. Баснина³ и енисейского купца Н.И. Кытманова⁴, дневник усть-сысольского и канского предпринимателя В.Н. Латкина⁵, проекты иркутянина А.М. Сибирякова⁶, красноярца М.К. Сидорова⁷ и енисейца А.А. Кобычева⁸, материалы енисейского купца и известного общественного деятеля С.В. Востротина⁹. Часть этих текстов, позволяющих в той или иной степени раскрыть участие представителей делового мира в изучении и хозяйственном освоении Севера, опубликована, однако большинство из них лишь вскользь упоминается в литературе и нуждается в дальнейшем тщательном изучении (тем более что некоторые современные исследователи склонны обвинять «ревнителей Севера» XIX в. в неправильной оценке ситуации и недальновидности¹⁰). В данной статье речь пойдет об одном из ранних документов, в котором нашла отражение деятельность и планы частных лиц по развитию низовья Печоры и налаживанию дешевого коммуникационного сообщения между этим регионом и Сибирью.

К биографии А.И. Деньгина

Судя по встречающимся в литературе фрагментарным сведениям, Александр Иванович Деньгин был во многом выдающейся и смелой личностью. Он родился около 1790 г.; по достижении зрелого возраста занимался предпринимательством и в 1820-х гг. состоял в рядах вологодского купечества. По всей видимости, он имел отношение к многочисленному купеческому роду Деньгиных (Денгиных), проживавших в Вологде и занимавшихся кожевенным производством. В работе вологодского краеведа Г.Н. Козиной указаны 14 представителей этого клана (в том числе две женщины), чья деятельность относится к концу XVIII – первой половине XIX в.¹¹ Хотя Александр Иванович в их числе не упоминается, но скорее всего он состоял в родственных отношениях с этим семейством.

В 1820-х гг. А.И. Деньгин неоднократно посещал северные районы – Печорский край. В 1826 г. он обобщил свои наблюдения и собранные во время поездок сведения в объемной рукописи, название которой начинается словами «Достопримечательное известие о реке Печоре...»¹². В конце 1820-х – начале 1830-х гг. сначала в «Отечественных записках» затем в «Журнале мануфактур и торговли» увидели свет отрывки из этого произведения¹³, сам факт составления и публикации которо-

³ Шахеров В.П. Предпринимательская деятельность купцов Басниных // Связь времен: Баснины в истории Иркутска: сб. ст. Иркутск, 2008. С. 20; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 206. Оп. 2. Д. 852. Л. 2–8.

⁴ Городской архив Енисейска (далее – ГАЕ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 35.

⁵ Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2-х ч. СПб., 1853.

⁶ Гаврилова Н.И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск, 2017. С. 78–81.

⁷ Сидоров М.К. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск: Тип. Губ. правл., 1864.

⁸ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1–2. С. 14–17.

⁹ Тимофеев А., Черкасов И. Степан Васильевич Востротин – верный сын Сибири (опыт портрета на фоне эпохи) // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2010. Т. 1. С. 39–43.

¹⁰ Агапов М. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 73–96.

¹¹ Козина Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 85–148. URL: <https://www.booksite.ru/trade/main/trade19/1.htm> (дата обращения: 15.03.2021).

¹² Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. С. 143.

¹³ [Деньгин А.И.]. Сведения о реке Печоре, собранные на местах Вологодским гражданином А. Деньгиным // Отечественные записки. 1828. Ч. 36. № 104. Декабрь. С. 349–379; [Деньгин А.И.]. Печора. Из записок вологодского купца А. Д-на // Журнал мануфактур и торговли. 1831. № 6. С. 99–110.

го подчеркивает неординарность А.И. Деньгина. По словам современного исследователя А.И. Терюкова, А.И. Деньгин «одним из первых... поставил вопрос об освоении русского севера»¹⁴. Фрагмент из публикации в «Журнале мануфактур и торговли» воспроизведен в книге «Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века»¹⁵, при этом в качестве автора текста ошибочно назван вологодский купец третьей гильдии Алексей Федорович Деньгин (в рукописи 1826 г. приведены полностью имя и фамилия автора – Александр Деньгин, а в 1850 г. сообщалось также отчество). В этом же издании приводятся сведения и об Александре Ивановиче Деньгине: указывается год рождения – 1800/1801 (сам он в 1850 г. говорил о себе как о шестидесятилетнем старике); сообщается, что в начале 1830-х гг. он «владел тремя лавками в Вологде, занимался торговлей юфтью, мездровым клеем, ориентируясь на петербургский порт»¹⁶. Из имеющегося в нашем распоряжении источника следует, что в начале 1850-х гг. А.И. Деньгин проживал в г. Онеге, числился вологодским мещанином и состоял на службе Компании Онежского лесного торгова¹⁷. Последняя была учреждена в 1780 г. и занималась вывозом леса за границу через крупнейший на русском севере Онежский морской порт. В 1846 г. компания подверглась реорганизации на новых условиях¹⁸, которые были еще раз пересмотрены в 1864 г. и тогда же был официально утвержден ее устав¹⁹.

Как видим, большая часть жизни А.И. Деньгина была связана с севером – этой, по его словам, «обширной, несчетными богатствами преисполненной страны»²⁰. В статье, помещенной в «Отечественных записках», он рисовал радужные перспективы по развитию Печорского края:

А если исчислять подробно всю промышленность, заведения искусства, какие могут быть (да и скоро будут) там открыты: то вряд ли можно здесь вместить оные. Одним словом, это могло быть северною Индию, ибо не имеет надобности ни в товарах, ни в материалах других мест, но все находится в руках и под ногами; остается только раскрыть и привести в действие²¹.

Уже тогда он высказывал мнение о строительстве в этих местах порта:

Если б можно было открыть порт на Печоре, то бы, вероятно, возникли там города, умножилось народонаселение, открылось множество фабрик и заводов, процвела торговля, усилилось мореплавание²².

Деньгин предлагал завести там добычу и переработку рыбы, китобойный промысел, развивать «прибрежную торговлю с кочующими народами», судостроение, предприятия различных направлений обрабатывающей промышленности, основать на Новой Земле «колонии для разных промыслов», что «могло бы иметь сношение с новою Сибирью, и принести знаменитые выгоды Отечеству»²³. Подобные мысли настолько сильно овладели А.И. Деньгиным, что как-то раз ему даже приснился сон с картинами процветающего края и города в устье Печоры с назва-

¹⁴ Терюков А.И. История этнографического изучения... С. 143.

¹⁵ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века / сост. А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Середя. М., 2007. С. 206–212.

¹⁶ Купеческие дневники и мемуары... С. 206.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 2.

¹⁸ Лесопромышленная компания «Онежский лесной торг». URL: <https://archives.dvinaland.ru/archive1/funds/10000074803> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁹ Устав Компании онежского лесного торгова: [Утв. 6 нояб. 1864 г.]. СПб., 1901.

²⁰ Купеческие дневники и мемуары... С. 207.

²¹ [Деньгин А.И.]. Сведения о реке Печоре... С. 359.

²² Там же.

²³ Там же. С. 375, 377–379.

нием «Портофранко Северной Одессы»²⁴. Это название, конечно, неслучайно пришло в голову занимавшемуся предпринимательством и бывшему в курсе всех важных событий в коммерческой сфере А.И. Деньгину. Порто-франко – это была экономическая зона в Одессе (1819–1858 гг.), на которую распространялось право свободного ввоза и вывоза товаров.

Проект А.И. Деньгина: создание, содержание, хождение по инстанциям

Помимо того, что А.И. Деньгин обобщал результаты своих наблюдений, сделанных во время путешествий, в записках и статьях, он, уверенный в заманчивой перспективе «Северной Одессы», решился выступить с инициативой и просить власти оказать ему содействие в строительстве порта в устье Печоры. Узнать историю хождения этого смелого проекта по разным инстанциям позволяет находящаяся в ОР РНБ тетрадь, в которую аккуратным почерком, очевидно, принадлежавшим профессиональному переписчику, внесены документы, относящиеся к планам Александра Ивановича.

Первый составленный им проект об открытии порта на р. Печоре был подан на имя Александра I еще в октябре 1824 г., однако «ответа на сие не последовало»²⁵. По прошествии почти двух десятков лет Деньгин решил в июне 1842 г. в Архангельске обратиться к военному губернатору маркизу А.И. де Траверсе (старшему) с проектом «о заморской торговле в Сибири, чрез реку Печору, с открытием порта на ней, покорнейше просил Его Превосходительство исходатайствовать мне привилегию; но он прогнал меня»²⁶.

Тогда в сентябре 1846 г. А.И. Деньгин «отправил проект Императору» и

по Высочайшему повелению проект препровожден 15 октября Его Сиятельству Господину Министру Финансов Графу Вронченко, который, по неправильному обо мне отзыву вышепомянутого – уже покойного ныне – Господина Маркиза де Траверсе, изволил отказать мне в исходатайствовании привилегии. В ноябре 1849 г. просил графа Алексея Фед[оровича] Орлова представить проект Императору, но тот отказал²⁷.

По мнению А.И. Деньгина, причина отказов была очевидна: его «бедность и неимение сильного покровителя-патриота»²⁸.

Следует отметить, что подобную апелляцию к патриотизму, государственной и общественной пользе, служению государю можно считать характерными чертами, присущими самосознанию российского купечества конца XVIII – первой половины XIX в. Купцы небезосновательно считали себя полезными членами общества и требовали от местных и центральных властей соответствующего обращения и внимания к их мнению²⁹. Представляется, далеко не случайно в 1820-х гг. А.И. Деньгин дважды в заглавии своих текстов называет себя не купцом, а «вологодским гражданином»³⁰. Вероятно, уверенность в своей правоте и важности задуманного предприятия для государства придали А.И. Деньгину решимость не отсту-

²⁴ Купеческие дневники и мемуары... С. 208.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 1–1 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ В этом отношении показательна записка иркутских купцов Николая и Петра Басниных на имя генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского, относящаяся к 1820–1821 гг. См.: РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 5 об., 42 об. – 43.

³⁰ [Деньгин А.И.]. Сведения о реке Печоре... С. 349; Терюков А.И. История этнографического изучения... С. 143.

пать, но продолжить борьбу за продвижение своего проекта. Возможно также, что определенную роль в его настойчивости могла сыграть его служба в Онежской компании лесного торгова, учредителями которой были по преимуществу подданные Великобритании, преследовавшие в первую очередь свои корыстные интересы³¹.

В 1850 г. сам А.И. Деньгин свидетельствовал:

...не ослабевая духом от препятствий и отказов... и, не зная уже, куда обратиться с просьбою, я, по ревностному усердию и долгу моему к пользе **Государя** (выделено в рукописи. – Е.К.) и Отечества, осмеливаюсь почтеннейшее препроводить в Комитет Господ Министров³².

И далее:

Именем Отечества Всенижайше умоляю знаменитый Комитет Господ Министров не отвергнуть тридцатилетних трудов шестидесятилетнего старика, удостоить милостивого внимания проект и осчастливить меня исходатайствованием привилегии, изложенной в проекте...³³

Заметим, что во второй четверти XIX в. интерес к Печорскому краю со стороны как государственных структур, так и частных лиц резко возрос. Сюда в 1840-х гг. для изучения географии и природных богатств региона были снаряжены научно-исследовательские экспедиции А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна, затем Э.К. Гофмана³⁴. В то же время здесь побывал усть-сысольский и канский купец В.Н. Латкин, который, как и А.И. Деньгин, изложил свои наблюдения в печатном виде и строил собственные планы по хозяйственному освоению бассейна Печоры³⁵. По-видимому, А.И. Деньгин, несомненно, знавший о проводившихся в регионе исследованиях, не хотел никому уступать первенство, стремясь сполна воспользоваться всеми выгодами, которые сулило участие в становлении экономики региона. Именно поэтому спустя двадцать лет он решил возобновить свое ходатайство и настойчиво добиваться получения искомой привилегии.

Проект А.И. Деньгина был направлен на развитие как Печорского края, так и Западной Сибири. Не только его автор, но и многие другие современники усматривали одну из главных проблем Сибири в плохо развитой инфраструктуре, что делало крайне затруднительным и материально затратным перевозку грузов на большие расстояния. Сеть сухопутных трактов, существовавшая на территории региона, не могла обеспечить дешевую и быструю транспортировку больших партий товаров. Отмечая важность развития как сухопутного, так и водного сообщений, А.И. Деньгин писал:

Российско-Американская компания перевозит также все свои товары от Иркутска до Качуги (так в рукописи, правильно до Качуга. – Е.К.), потом водою по Лене до Якутска и опять сухопутно до Охотска на вьючных лошадях и наконец уже морем – и без всякого сомнения не без выгод³⁶.

А.И. Деньгин видел путь решения этой проблемы в налаживании регулярного водного сообщения между Сибирью с одной стороны, европейской частью России

³¹ Ханталин Р.А., Павлинов П.С. Онега // Большая Российская энциклопедия. URL: <http://dev.bigenc.ru/geography/text/2689353> (дата обращения: 15.03.2021).

³² ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 1 об. – 2.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Юрченко В.В. История освоения и изучения Печорского края (с древнейших времен до 1928 года). Ухта, 2008. URL: <http://diss.seluk.ru/m-tehnicheskie/827581-1-vv-yurchenko-istoriya-osvoeniya-izucheniya-pechorskogo-krauya-s-drevneyshih-vremen-1928-goda-uchebnoe-posobie-ughta-2008-uchebnoe-izdani.php> (дата обращения: 15.03.2021).

³⁵ Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2-х ч. СПб., 1853.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 11 об.

и странами Западной и Восточной Европы – с другой. Наиболее подходящим местом для базирования северного флота он считал устье р. Печоры. Суть предложенного А.И. Деньгиным проекта заключалась в следующем:

...надеюсь без денежных пособий правительства иметь кредит, – писал он, – или да позволено мне будет принять к себе в пай и других и тогда – приступить к устройству близ устья Печоры домов, церкви, верфи, судостроения, также пристаней, заводов и проч., на что времени потребны годы. Для заморского отпуска предполагаю закупать в Сибири рожь и пшеницу и частично превращать их в спирт, муку по новейшей улучшенной методе; также вывозить и отпускать лес с Оби – не имеющий там никакой цены³⁷.

Перечисляя главные выгоды, которых позволила бы достичь реализация задуманного им проекта, А.И. Деньгин писал:

...в необитаемом месте откроется торговый порт и устроится оный без всяких издержек со стороны Казны; увеличится русский купеческий флот новым там кораблестроением и опытными моряками; сибирско-заморская торговля будет деятельно производить вывоз за границу не вывозимых доселе сибирских малоценных на месте продуктов и товаров; малолюдная страна Печоры умножится народонаселением и обогатится заведением разных фабрик и заводов, от чего неминуемо возникнут там города, сооружаться храмы Господни и торговля внутренняя и внешняя разовьется на Печоре к пользе и славе России³⁸.

Автор проекта считал, что

вся Западная Сибирь оживится открытием нового для нее порта к удобному сбыту своих мало вывозимых ныне произведений и к легкому получению в замену их иностранных товаров³⁹.

Характерно упоминание о церковном строительстве, что подчеркивает не только набожность самого автора проекта, но и присущее не только ему, но и всему русскому купечеству в целом восприятие миссионерской деятельности, укрепление и распространение православной веры в качестве необходимейшего условия для успешного вовлечения малонаселенных северных территорий в социокультурное и духовное пространство Российской империи. Еще одна деталь, свидетельствующая о мировоззрении русских купцов конца XVIII – начала XIX в., складывавшегося под влиянием идей эпохи Просвещения, – высокая оценка своей деятельности не только для развития экономики, но и общей культуры населения. Вот что по этому поводу думал А.И. Деньгин: образованность,

она также идет вслед за коммерцией. Природные здешние жители, чрез обращение со своими соотечественниками, а наипаче с иностранцами, сделаются обходительнее, вежливее, а получат сведения об искусствах и художествах, о которых доселе и понятия не имеют; по открытии же училищ молодые люди сделаются просвещеннее.⁴⁰

Несмотря на такое красноречивое описание всех тех выгод, которые сулило воплощение проекта в жизнь, 31 декабря 1846 г. из Министерства финансов в Архангельское губернское правление поступила бумага «о объявлении вологодскому мещанину Деньгину, что проекту его об открытии порта на реке Печоре, нельзя дать дальнейшего хода»⁴¹. В пользу этого решения приводились следующие аргументы:

³⁷ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 12 об.

³⁸ Там же. Л. 2–2 об.

³⁹ Там же. Л. 13 об.

⁴⁰ Купеческие дневники и мемуары... С. 212.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 16.

1) нужно поручить рассмотрение местности инженеру; 2) нельзя позволить 15 лет беспопытно вывозить с устья Печоры российские товары и ввозить туда иностранные; 3) нельзя даровать Деньгину просимое им право пользоваться правами купца 1-й гильдии без платежа гильдейских повинностей; 4) нет основания отпускать ему бесплатно лес от казны; 5) нельзя освободить население этого места на 15 лет от податной и рекрутской повинности⁴².

Кроме того, была выявлена «неблагонадежность Деньгина», который, как сообщалось, писал в свое время «ябеда на городничего», за что в 1836 г. Сенат приговорил его к денежному взысканию и аресту. Однако Деньгин ничего не заплатил и в результате был приговорен к пятилетнему тюремному заключению – лишению свободы до 1841 г.⁴³

Очередная попытка А.И. Деньгина сдвинуть проект с мертвой точки в 1850 г. также не принесла ожидаемых результатов, и 12 октября 1850 г. из Министерства внутренних дел в Архангельскую городскую полицию (поскольку Деньгин во время рассмотрения его записки переехал из Онеги в Архангельск) пришло распоряжение «о возвращении Деньгину всех бумаг на 35 полулистах»⁴⁴.

Другие проекты по хозяйственному освоению Севера

Предложения А.И. Деньгина, направленные на хозяйственное освоение русского Севера, были не единственным проектом, инициированным частными лицами и в силу разных причин оставшимся нереализованным. Сам он сообщает, что подобная мысль приходила также некоему купцу Бранту, которому в 1833 г. удалось добиться 25-летней привилегии «для торговли с Сибирью морским путем чрез Карскую и Хайпутырскую губы (близ Печоры) и реку Енисей», однако из-за смерти коммерсанта «это предприятие осталось невыполненным»⁴⁵ (его же упоминает и В.Н. Латкин, указывая, что «г. Брандт» имел «до 17 кораблей, в числе которых некоторые были до 1 000 тонн»⁴⁶). Не были удовлетворены и проекты по разработке полезных ископаемых в бассейне Печоры купца В.Н. Латкина, а разрешение на открытие задуманной в конце 1830-х гг. Печорской компании он дождался более двадцати лет⁴⁷. Известна также относящаяся к 1853 г. безуспешная попытка енисейского купца А.А. Кобычева установить монополию на территории Туруханского края⁴⁸. Не вызвала положительной реакции и относящаяся к 1861 г. просьба иркутского купца В.Н. Зубова о предоставлении ему пятилетней привилегии на перевозку буксирным пароходством грузов от Качугской пристани до Якутска, обеспечивая тем самым продуктами и промышленными товарами Якутскую область и местные золотые прииски⁴⁹. Характерно, что невостребованными оставались проекты, выдвигавшиеся не только частными лицами, но и состоявшими на государственной службе высокопоставленными чиновниками. Так, высказанные в 1806 г. предложения томского гражданского губернатора В.С. Хвостова об упразднении одного из самых северных городов России – Туруханска и о переносе другого северного центра – Нарыма на новое место остались без исполнения, вероятно, в силу того что

⁴² ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. 128. Л. 17–17 об.; в рукописи перечисление аргументов дано в столбик.

⁴³ Там же. Л. 18.

⁴⁴ Там же. Л. 38–38 об.

⁴⁵ Там же. Л. 12 об.

⁴⁶ Латкин В.Н. Дневник... Ч. II. С. 72.

⁴⁷ Лимерова В. Василий Николаевич Латкин // Писатели Коми: биобиблиографический словарь: в 2 т. Сыктывкар, 2017. Т. 1. С. 524.

⁴⁸ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 14–17.

⁴⁹ Гаврилова Н.И. Зубов В.Н. – иркутский купец // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 256.

требовали выделения средств из казны⁵⁰. Осознавая важность развития северных территорий, правительство, тем не менее, оказывалось в затруднении при необходимости выделения финансовых средств.

Если сравнить планы А.И. Деньгина по хозяйственному освоению Печоры с направленными на развитие того же региона предложениями В.Н. Латкина⁵¹, то можно заметить, что и тот, и другой в качестве неперемennого условия предлагали основать порт на устье Печоры и соединить Печорский край с Западной Сибирью. В.Н. Латкин считал, что

открытие порта на устье Печоры и устройство к нему судоходного пути от Оби доставит огромные выгоды краю и произведет последствия весьма важные⁵²,

среди которых: развитие судостроения, рыбопромышленности, добычи соли, рост населения. Заметим, что по сравнению с В.Н. Латкиным А.И. Деньгин находился в менее выгодном положении: на момент подачи проекта он не состоял в купечестве, однако желал пользоваться правами купца 1-й гильдии (в том числе вести международную торговлю).

Меры А.И. Деньгина также отчасти сопоставимы с предложениями А.А. Кобычева по оживлению экономики другой обширной северной территории – Туруханского края. Последний добивался передачи ему низовьев Енисея в монопольное владение на 25 лет, в течение которых обязался платить подати и ясак за местное население, обеспечивать жителей хлебом, содержать врача и казачью команду⁵³. Проект А.И. Деньгина выглядит менее продуманным и выгодным для казны, да он и не обладал богатством А.А. Кобычева, чтобы брать на собственный кошт огромную область. Он полагал, что некоторые привилегии и послабления (право даром получать лес, освобождение населения от податей и рекрутчины) наряду с введением порто-франко, за 15 лет будут способны сотворить чудо. Двигало ли Александром Ивановичем искреннее чувство беспокойства за плачевное состояние печорского севера или его предложения были авантюрой, продиктованной желанием успеть начать многообещающее дело, опередив конкурентов, – сейчас уже трудно разобраться. Однако несомненно, что сохранившиеся бумаги отражают настроения определенной части русских предпринимателей первой половины XIX в. и заслуживают внимания.

Выводы

Таким образом, проект вологодского предпринимателя А.И. Деньгина дополняет историю хозяйственного освоения труднодоступных и малонаселенных северных районов России, попыток стимулирования развития экономики Сибири, установления регулярного водного сообщения по Печоре и северным морям между Европой и Азией. Несмотря на то, что проект А.И. Деньгина так и остался нереализованным, само его существование свидетельствует об интересе представителей частного капитала к освоению Севера, их готовности проявлять инициативу в этом направлении. Однако усилия отдельных лиц не могли сколько-нибудь заметно повлиять на сложившуюся ситуацию; только в сочетании с государственной поддержкой возможно было достичь успехов в деле экономического освоения северных территорий. Сибирская администрация, нередко сетовавшая на нехватку значительных частных капиталов и отсутствия инициативы со стороны местного купечества, полу-

⁵⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 9 об. – 10, 43–44 об.

⁵¹ Латкин В.Н. Дневник... Ч. II. С. 65–76.

⁵² Там же. С. 76.

⁵³ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ... 1865. С. 14–17.

чая смелые предложения, все же не спешила давать им ход, опасаясь связанных с их реализацией финансовых затрат и сомневаясь в возможных результатах.

Проект А.И. Деньгина как исторический источник интересен также тем, что он отражает мировоззрение стоявшего на пороге Великих реформ русского купечества с такими характерными для него чертами, как религиозность, патриотизм, служение делу процветания своего отечества.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.11.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.12.2021

References

- Agapov, M. “‘Zagovor’ protiv Severa Rossii: natsionalizatsiia predprinimatel’skogo diskursa v 60-e gg. XIX v.” *Ab Imperio*, no. 4 (2019): 73–96 (in Russian).
- [Den’gin, A.I.]. “Pechora. Iz zapisok vologodskogo kuptsa A. D-na.” *Zhurnal manufaktur i torgovli*, no. 6 (1831): 99–110 (in Russian).
- [Den’gin, A.I.]. “Svedeniia o reke Pechore, sobrannye na mestakh Vologodskim grazhdaninom A. Den’ginym.” *Otechestvennye zapiski*, no. 104 (1828): 349–379 (in Russian).
- Gavrilova, N.I. *Kupecheskiy rod Sibiriakovykh: stranitsy istorii*. Irkutsk: Ottisk Publ., 2017 (in Russian).
- Gavrilova, N.I. “Zubov V.N. – irkutskiy kupets.” Vol. 1 of *Entsiklopedicheskii slovar’ po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.*, 256. Novosibirsk: Geo Publ., 2012 (in Russian).
- Khantalin, R.A., and Pavlinov, P.S. “Onega.” In *Bol’shaia Rossiyskaia entsiklopediia*. <http://dev.bigenc.ru/geography/text/2689353> (in Russian).
- Kozina, G.N. “Vologodskie kuptsy – fabrikanty i zavodchiki (XVIII – nachalo XX veka).” In issue 2 of *Vologda: istoriko-kraevedcheskiy al’manakh*, 85–134. Vologda: Rus’ Publ., 1997 (in Russian).
- Krivoshapkin, M.F. *Eniseyskii okrug i ego zhizn’: t. 1–2*. St. Petersburg: Izdanie IRGO Publ., 1865 (in Russian).
- Latkin, V.N. *Dnevnik Vasiliya Nikolaevicha Latkina, vo vremia puteshestviia na Pechoru, v 1840 i 1843 godakh: v 2-h ch.* St. Petersburg: tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1853 (in Russian).
- Limerova V. “Vasilii Nikolaevich Latkin.” In vol. 1 of *Pisateli Komi: biobibliograficheskii slovar’*: v 2 t., 523–525. Syktyvkar: [S.n.], 2017 (in Russian).
- Semenova, A.V., Aksenov, A.I., Sereda, N.V., eds. *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2007 (in Russian).
- Sidorov, M.K. *Proekt kuptsa Sidorova o zaselenii Severa Sibiri putem promyshlennosti i torgovli i o razvitii vneshney torgovli Sibiri*. Tobolsk: tip. Gub. Pravleniia Publ., 1864 (in Russian).
- Teryukov, A.I. *Istoriia etnograficheskogo izucheniia narodov komi*. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2011 (in Russian).
- Timofeev, A., and Cherkasov, I. “Stepan Vasil’evich Vostrotin – vernyy syn Sibiri (opyt portreta na fone epokhi).” In vol. 1 of *Sibirskiy istoricheskii al’manakh*, 39–43. Krasnoyarsk: Znakh Publ., 2010 (in Russian).
- Yurchenko, V.V. *Istoriia osvoeniia i izucheniia Pechorskogo kraia (s drevneishikh vremen do 1928 goda)*. Uhkta: Uhtinskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Е.В. Комлева, д-р ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX века Института истории Сибирского отделения Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, Академгородок, ул. Николаева, 8; feodal@history.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

E.V. Komleva, PhD in History, Senior Researcher of the Sector of History of the Second Half of the 16th – Early 20th Century of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademgorodok, Nikolaeva St., 8; feodal@history.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-130-133>

Рецензия / Book Review

Рецензия на книгу:
**Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего
войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с.**

Елена Викторовна Годовова ^a ,
Сергей Валентинович Любичанковский ^b

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия
 godovova@mail.ru

^b Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Самара Россия

Для цитирования: Годовова Е.В., Любичанковский С.В. Рецензия на книгу: Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748 – 1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 130–133. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-130-133>

Review of
Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska
(1748–1917 gg.) by R.R. Aminov. Kazan': Institut istorii
im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 348 p.

Elena V. Godovova ^a , **Sergey V. Lyubichankovskiy** ^b

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 godovova@mail.ru

^b Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

For citation: Godovova, Elena V., and Lyubichankovskiy, Sergey V. “Review of *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska (1748–1917 gg.)* by R.R. Aminov. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 348 p.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 130–133. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-130-133>

Монография молодого исследователя Рустема Равилевича Аминова «Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.)», изданная в Казани в 2017 г., посвящена актуальной теме, связанной с исследованием положения этнических групп, а именно татар, в составе Оренбургского казачьего войска. Под термином «татары-казаки» автор подразумевает не только различные этноконфессиональные группы, но и сословные и территориальные группы тюрков: нагайцев,

тептярей, нагайбаков, ясачных татар, служилых татар, мещеряков, крестьян, новокрещеных киргиз-кайсаков, которые в различные периоды были включены в состав Оренбургского казачьего войска и в результате сложных процессов этноконфессионального взаимодействия стали идентифицировать себя как татары-мусульмане и нагайбаки, исповедующие православие (С. 33).

Современная нестабильная политическая ситуация, в том числе и проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия, обуславливает все больший интерес к историческому исследованию этнодемографических процессов. Особого внимания заслуживает казачье сословие, отличающееся своеобразной этноконфессиональностью.

Образованное правительством России в середине XVIII в. для охраны юго-восточных рубежей империи Оренбургское казачье войско было одним из самых многонациональных среди казачьих войск. Состав войска отличался полиэтничностью, что объяснялось, во-первых, многонациональностью Оренбургского региона, а во-вторых, особенностью формирования Оренбургского войска, куда вместе с представителями русской нации вошло и тюркоязычное население: татары, башкиры, нагайбаки и другие. Татары-казаки составляли вторую по численности этническую группу. Исследование их участия в жизни Оренбургского казачьего войска, в укреплении границ государства, в военных кампаниях, особенности этноконфессионального взаимодействия в среде оренбургского казачества не только представляет большой научный интерес, но и имеет практическое значение, так как учет исторического опыта просто необходим сегодня при проведении государственной национальной политики, направленной на обеспечение политической стабильности в России.

Глубокий и обстоятельный анализ отечественной литературы позволил автору объективно осветить этнодемографические и социальные процессы, происходящие среди татар-казачей Оренбургского казачьего войска, и дать анализ их социально-правового положения. Монография написана на основе привлечения большого количества опубликованных и неопубликованных источников, среди которых документы многочисленных фондов из федеральных и региональных архивов (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Оренбургской области, Центрального исторического архива Республики Башкортостан, Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Пензенской области, Национального архива Республики Татарстан); материалы периодики, иллюстративный материал, документы личного происхождения. Многие архивные источники введены Р.Р. Аминовым в научный оборот впервые. Эти и другие документы позволили автору проанализировать процесс расселения, динамику численности и этноконфессиональный состав татар-казачей в Оренбургском казачьем войске, исследовать их хозяйственную деятельность, вопросы землепользования, охарактеризовать внутреннюю и линейную службы и другие повинности.

В первой главе «Комплектование, динамика численности и переселенческая структура татар-казачей в Оренбургском казачьем войске» автор монографии отмечает, что интенсивная государственная политика по освоению Оренбургского края продиктовала необходимость формирования иррегулярного Оренбургского казачьего войска для охраны юго-восточных границ Российской империи. В состав войска вошли жители населенных пунктов вдоль Оренбургской линии, в том числе и татары. Кроме того, часть татар, а именно крещеные татары-нагайбаки, в период Башкирского восстания выступили против повстанцев, тем самым показали преданность власти, что послужило критерием приписки татар к оренбургским каза-

кам, для которых запись в казаки служила социальным лифтом, повышавшим их правовой статус и улучшение социально-экономического положения.

Во второй главе «Хозяйственный уклад, налоги и повинности татар-казачьих войск» автор монографии пишет, что земли татар-мусульман Оренбургского казачьего войска были обмежеваны одними из первых, и это позволило разрешить спорные земельные отношения с соседями. Анализируя хозяйственную деятельность татар-казачьих войск, Р.Р. Аминов отмечает, что основу хозяйства татар-казачьих войск составляло земледелие, а наиболее распространенными были посевы простой пшеницы, ржи, овса и проса. Второй по значимости отраслью хозяйства в поселениях татар-казачьих войск было животноводство, дополнительный доход приносило также рыболовство, пчеловодство, пуховязание, добыча камня и золота.

В третьей главе «Татары-казачьи в военно-административной системе иррегулярного войска» автор анализирует государственную службу, которую несли татары-казачьи, находясь в составе Оренбургского казачьего войска. Р.Р. Аминов пишет, что, во-первых, на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. их как лиц, знающих киргиз-кайсацкий язык и менталитет кочевников, привлекали к охране меновых дворов, караванов, дипломатических представительств, а во второй половине XIX – начале XX в. – к участию в военных экспедициях и войнах. Во-вторых, татары-казачьи занимали должности поселковых и станичных атаманов, выбиравались как в станичные суды, так и в суды почетных судей.

В четвертой главе «Культура и быт татар-казачьих войск» Р.Р. Аминов анализирует религиозную жизнь татар-казачьих войск, в том числе крещеных татар – нагайбаков, которые в пореформенный период все чаще переходили в ислам. В книге приводятся данные и о развитии войскового школьного образования в среде татар-казачьих войск.

Автор монографии отмечает, что процесс пополнения оренбургского казачества татарами продолжался на протяжении первой половины XIX в. К 1914 г. татары проживали в 9 станицах, 54 поселках и 5 хуторах Оренбургского казачьего войска. Р.Р. Аминов подчеркивает, что татары-казачьи сохраняли свою этноконфессиональную идентичность, что прослеживается в традиционной культуре и повседневной жизни. Так, в поселениях татар-мусульман строились мечети, отмечались национальные и конфессиональные праздники. Семейно-брачные отношения, нравственное воспитание, религиозный уклад, обучение подрастающего поколения регламентировались исламской традицией, способствующей этноконфессиональной консолидации.

В заключение книги автор делает ряд выводов, которые вытекают из содержания работы, носят обобщающий и аналитический характер.

Обогащают монографию приложения, где представлены фотографии, документы, статистическая информация и карты, служащие иллюстрацией основных положений исследования.

Автор монографии «Татары-казачьи в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.)» системно подошел к изучаемому объекту, применение которого позволило ему провести анализ расселения, динамики численности, экономической, социально-культурной деятельности татар-казачьих войск Оренбургского казачьего войска. На основе архивных данных Р.Р. Аминовым были выявлены новые поселения татар-казачьих войск, составлены списки погибших и награжденных орденами и медалями Российского государства за участие в военных кампаниях второй половины XIX – начала XX в. татар-казачьих войск.

Монография адресована историкам, краеведам, этнографам и всем тем, кто интересуется историей татар Южного Урала и многонационального российского

казачества. Материалы книги можно использовать при написании очерков по истории России XVIII – начала XX в., а также в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных лекционных курсов по истории казачества и региональной истории нашей страны.

В целом, монография Р.Р. Аминова «Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.)» вносит весомый вклад в изучение истории оренбургского казачества, истории татар как одной из этнических групп в составе Оренбургского казачьего войска и в целом в исследование имперской политики аккультурации.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.07.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.10.2021

Информация об авторах / Information about the authors

Е.В. Годовова, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета; 460000, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; godovova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

E.V. Godovova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia; godovova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>

С.В. Любичанковский, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета; 460000, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; ведущий научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук; 443001, Россия, Самара, Студенческий пер., 3; svlubich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

S.V. Lyubichankovskiy, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia; Leading research fellow, History and Archaeology Department, Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences; 3, Studencheskiy pereulok, Samara, 443001, Russia. svlubich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-134-137>

Рецензия / Book Review

Рецензия на книгу:
Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с.

Марина Анатольевна Шпаковская
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
✉ shpakovskaya-ma@rudn.ru

Для цитирования: Шпаковская М.А. Рецензия на книгу: Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 134–137. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-134-137>

Review of
***Rossiia na poroge informatsionnykh vojn. Politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere SMI v nachale XX veka* by E.G. Kostrikova.**
St. Petersburg: Petroglif Publ., 2020. 352 p.

Marina A. Shpakovskaya
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
✉ shpakovskaya-ma@rudn.ru

For citation: Shpakovskaya, Marina A. "Review of *Rossiia na poroge informatsionnykh vojn. Politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere SMI v nachale XX veka* by E.G. Kostrikova. St. Petersburg: Petroglif Publ., 2020. 352 p." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 134–137. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-134-137>

Вышедшая из печати монография д.и.н., ведущего научного сотрудника ИРИ РАН Е.Г. Костриковой посвящена событиям, которые происходили сто лет назад, но, тем не менее, имеют непосредственное отношение и к нашему времени. Именно тогда, на рубеже XIX–XX вв., Россия вступила в новую эпоху, когда борьба великих держав за гегемонию подвела человечество к опасной черте, за которой началась мировая война. Соперничество в политической и экономической областях находило отражение в острой борьбе на информационном поле. Е.Г. Кострикова видит свою задачу в том, чтобы выяснить, насколько правительственные структуры и общество в целом оказались готовы к противостоянию в этой сфере. В отечественной историографии организация информационной службы в отдельных изданиях и правительственная политика в области информации предметом специаль-

ного исследования до сих пор не были. Автор данной книги впервые обратился к исследованию этих проблем, посвятив им ряд работ¹.

Монография Е.Г. Костриковой опирается на солидную источниковую базу, основу которой составляют материалы из архивов: Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Значительная часть этих документов впервые вводится в научный оборот. Комплексное изучение источников, включая материалы прессы, мемуарную литературу и публицистику, позволило автору воссоздать картину событий столетней давности.

Автор отмечает, что заняться информационной политикой правительство вынудил неудачный опыт войны с Японией, в ходе которой Россия потерпела поражение не только на полях сражений, но и на пропагандистском фронте. Она не смогла оказать достойного противодействия враждебной агитации и склонить на свою сторону общественное мнение других стран. Этот факт был признан российским МИД: «Наши... слабые и запоздалые попытки... оказались безрезультатными, вследствие отсутствия у нас какой-либо систематической организации дела...» (С. 4). Во внутренней политике приходилось считаться с новшествами, привнесенными в общественную жизнь страны первой русской революцией: учреждение Государственной думы, закон о печати, отменивший предварительную цензуру, и др.

Первая часть монографии Е.Г. Костриковой посвящена правительственным учреждениям, действовавшим в информационном поле. Автор убедительно показывает, что такие традиционные меры, как субсидирование официальных и официозных изданий, подкуп отдельных органов печати, преимущественного правового направления, не дали ожидаемого результата. Осведомительное бюро, учрежденное в 1906 г. как подразделение Главного управления по делам печати при МВД, также не оправдало возложенных на него надежд. Его громоздкая бюрократическая организация находилась в противоречии с главным принципом в работе с прессой – оперативностью (С. 33–47).

Как показывает проведенное автором исследование, именно Министерство финансов и МИД оказались на переднем крае информационной борьбы. Сыграли свою роль и личные качества С.Ю. Витте и А.П. Извольского. Хорошо знакомые с зарубежной практикой взаимодействия власти и общества, они были готовы сотрудничать с конструктивно настроенными представителями политической элиты. Редакция повременных изданий Министерства финансов со временем превратилась в коллектив творчески работавших сотрудников. Оперативность и осведомленность изданий, выпускавшихся редакцией, привлекла к ним внимание широких предпринимательских кругов. Приоритетное внимание к организации информационной службы, отмечает автор, создало предпосылки для формирования в 1902 г. Торго-

¹ См.: Кострикова Е.Г. Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова») // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 275–298; Она же. Организация службы зарубежной информации С.-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4. С. 47–59; Она же. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М., 1997; Она же. «Мост через пропасть». Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. № 5. С. 183–193 и др.

во-телеграфного агентства – предшественника Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПА) (С. 57–73).

А.П. Извольский, начинавший свою карьеру с Газетной экспедиции МИД, став министром, инициировал реформу ведомства, важным результатом которой было создание Отдела печати. Эта структура стала связующим звеном между МИД и прессой. Опираясь на факты, извлеченные из архивных документов, Е.Г. Кострикова показывает, как в период, предшествовавший Первой мировой войне, российскому дипломатическому ведомству удавалось в ходе острых международных конфликтов заручиться поддержкой влиятельных органов русской печати и в наиболее драматические моменты демонстрировать перед мировым сообществом единство власти и общества (С. 74–104).

Во второй части книги впервые в историографии освещается история создания и деятельности Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Исследование документов из архивного фонда СПА позволило автору в полной мере воссоздать систему функционирования этого главного информационного ресурса российского правительства. Показана работа центрального аппарата агентства, его финансовое положение. Особый интерес представляет раздел, посвященный Отделению СПА, учрежденному при Государственной думе. Здесь нашли отражение сложные отношения между руководством обоих учреждений, коллизии, возникавшие при освещении думских заседаний.

В книге детально проанализирована служба зарубежной информации СПА: взаимоотношения с иностранными телеграфными агентствами, сотрудничество с МИД России. Выявлена сеть корреспондентов, работавших за границей, источники, из которых они черпали информацию. Важные факты содержит раздел, в котором отражена работа корреспондентов агентства в условиях международных кризисов (С. 159–236).

Важное место в монографии занимает освещение деятельности информационной службы Санкт-Петербургского телеграфного агентства на территории Российской империи: устройство региональных отделений, контроль за их работой со стороны Правления агентства, практика подбора кадров корреспондентов и др. Специальное внимание уделено в книге тому, как официальное агентство отражало важнейшие события внутривластной жизни страны: революцию 1905–1907 гг., кампании по выборам в Государственную думу (С. 237–299).

Для историков русской журналистики, несомненно, представит интерес глава, в которой речь идет о взаимоотношениях между Санкт-Петербургским телеграфным агентством и органами русской периодической печати. Здесь имела место непрекращающаяся конкурентная борьба, в которой официальное агентство нередко проигрывало на информационном поле не только таким влиятельным газетам, как «Новое время» и «Русское слово», но порой и более скромным изданиям. Тем не менее, несмотря на некоторые недостатки, бюллетени СПА были одним из главных источников информации для большинства русских газет. С созданием официального телеграфного агентства правительство получило мощное средство воздействия на прессу и общество. На внешнеполитической арене Санкт-Петербургскому агентству пришлось за десять лет пройти нелегкий путь и включиться в мировую информационную систему, став равноправным партнером крупнейших иностранных телеграфных агентств (С. 300–333).

Проведенное вторым исследование позволяет сделать вывод о том, что российскому правительству удалось в начале XX в. создать структуры, которые в определенной степени подготовили Россию к противоборству с противником на информационном поле в годы Первой мировой войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.07.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.08.2021

References

- Kostrikova, E.G. “Istochniki vneshnepoliticheskoi informatsii russkikh burzhuaznykh gazet (na materialakh arkhivnykh fondov ‘Rechi’ i ‘Russkogo slova’.” *Istoricheskie zapiski* 103 (1979): 275–298 (in Russian).
- Kostrikova, E.G. “Organizatsiia sluzhby zarubezhnoi informatsii S.-Peterburgskogo telegrafnogo agentstva.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriiia*, no. 4 (1981): 47–59 (in Russian).
- Kostrikova, E.G. *Russkaia pressa i diplomatiia nakanune Pervoi mirovoi voiny. 1907–1914 gg.* Moscow: Izd. centr IRI Publ., 1997 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

М.А. Шпаковская, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; shpakovskaya-ma@rudn.ru

M.A. Shpakovskaya, Dr. Habil. Hist., Professor, Department of the Theory and History of International Relations, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia; shpakovskaya-ma@rudn.ru

РЕТРАКЦИЯ

RETRACTION

Ахметова А.Б. Некоторые вопросы гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 5. С. 20–26.

Причина ретрагирования

Ретракция публикации обусловлена выявлением объемного заимствования без оформления ссылки на источник заимствования: *Вовк И.В.* Этапы развития казахстанско-российских отношений в первое постсоветское десятилетие: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2007. 246 с.

Инициатор отзыва статьи

Статья ретрагируется (отзывается из печати) главным редактором (Протокол заседания редакционной коллегии журнала № 2 от 17 ноября 2021 г.) с согласия издателя.

Дата ретрагирования

17.11.2021 г.

Мукбель Обейд Араф. История развития российско-йеменских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 5. С. 193–199.

Причина ретрагирования:

Ретракция публикации обусловлена выявлением объемного заимствования без оформления ссылки на источник заимствования: *Мирошниченко Н.С.* Российско-йеменские отношения и международная политика на Ближнем Востоке, 1926–2004 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Санкт-Петербург, 2004. 176 с.

Инициатор отзыва статьи

Статья ретрагируется (отзывается из печати) главным редактором (Протокол заседания редакционной коллегии журнала № 2 от 17 ноября 2021 г.) с согласия издателя.

Дата ретрагирования

17.11.2021 г.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 40 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами «Чикагского стиля цитирования» («Chicago Manual of Style») в 17-й редакции в варианте «Note and Bibliography System». При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press, если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>